

Кристина Амарант

Будь моей судьбой

Глава 1

Куратор группы прикладников — еще не старый и очень импозантный оборотень-гризли поправил очки и взглянул на девушку с отеческой заботой.

— Я более чем понимаю ваше намерение перевестись, мисс Рейд. И, конечно, я дам вам самую лучшую характеристику. Однако позволю себе быть откровенным: с нынешней успеваемостью вы вряд ли получите на стипендию Вестфилдского магтехнологического колледжа. Не спору: вы прилежная студентка, одна из лучших на потоке. Но чтобы выиграть грант на полную оплату обучения вам нужно быть лучшей из лучших. Идеальной. А вы сами знаете, что в последнее время ваша посещаемость, да и успеваемость... — он выразительно развел руками.

Дженни отвела взгляд. Да, вопреки всем благим намерениям, ее успеваемость за последние пару недель не только не стала лучше, но даже несколько ухудшилась.

— Я знаю, — сказала она, стараясь, чтобы это прозвучало не просительно, как у двоечника, который выпрашивает дать ему еще один шанс, а как трезвые и взвешенные слова взрослого человека. — Но до окончания учебного года еще семь месяцев. Я планирую уже к зиме выйти на отличные оценки.

Куратор снисходительно улыбнулся.

— Вы — девушка умная и целеустремленная, уверен, что у вас получится, мисс Рейд. Особенно, если ликвидируете отвлекающие факторы.

Уши запылали, как два факела. В невинных словах куратора Дженни послышался скрытый намек на ее роман с Раумом, о котором жужжала вся академия.

— Ликвидирую, — мрачно пообещала она.

С Раумом действительно пора завязывать. Ситуация давно перешла грань разумного, вчерашний вечер прямое тому доказательство.

— Вот и хорошо. Я бы рекомендовал также кроме учебы налечь на общественную работу. Адепты с активной гражданской позицией традиционно имеют преимущество.

— Общественная работа? — Дженни нахмурилась. — Например?

— Участи в благотворительных правительственных проектах в качестве волонтера. Ваши знания, конечно, пока очень невелики, но даже они могут оказаться полезными. Если руководитель социальной службы даст вам хорошую характеристику, это может повлиять на положительное решение о стипендии.

— Ясно.

Ясно одно: свободного времени у нее теперь совсем не останется. Все, что останется после учебы, придется отдать волонтерским проектам. Раум будет недоволен.

При этой мысли Дженни неожиданно разозлилась. Недоволен он будет! Она тоже не в восторге от необходимости таскаться с ним по светским приемам и терпеть приставания неадекватных придурков. А потом еще от самого демона отбиваться!

Но... зато она смогла обернуться.

От этой мысли девушка расплылась в блаженной улыбке. А вспомнив поспешное отступление демона из спальни, не удержалась и снова захихикала.

Вот так-то! Выкусите все, кто дразнил ее, обзывая человечкой. Дженни настоящая волчица, пусть даже и смешной ярко-рыжей, почти красной масти. Нет у нее никакой мономорфии.

Прошлую ночь она почти не спала — отработывала оборот. Это оказалось не так уж просто, но Дженни наконец-то поняла, что делала неправильно раньше. Чтобы превратиться в волка нужно было всего лишь... стать волком.

Да, стать волком. Полностью отдать контроль, выпустить наглую бестию гулять без присмотра. Стать не рулевым, а простым наблюдателем в их одной на двоих лодке.

Сложно. И страшно. И неловко, потому что потом приходится отвечать за то, что натворила эта мохнатая зараза. Ну ладно столбик у кровати погрызла и вазу разбила — Рауму не убудет с

такой потери. Но осмелев от подобных подвигов она, дрянь такая, еще и помочилась под дверь. Типа пометила территорию, ага.

Дженни тогда так охренела от действий волчицы, что не сумела сразу ее остановить. А потом было поздно.

И превращение в человека уже ничего не могло исправить. В ответ на ругань волчица скулила и виновато прижимала уши, но явно не раскаивалась.

— Уйди от меня, животное, и не возвращайся, пока я не перестану злиться! — психанула в конце концов Дженни и пошла за тряпкой. Звать служанку, чтобы та убрала за дурной волчицей, было стыдно.

Вообще, странно, что ее впервые проснувшийся зверь оказался не крохотным слепым волчонком, а молодой огненно-рыжей самкой. Здоровенной — по пояс взрослому человеку в холке. Веселой, дружелюбной и абсолютно невоспитанной. У волчицы на все происходящее имелось свое особое мнение и, кажется, совершенно отсутствовали тормоза.

А еще она, впервые ощутившая вкус свободы, теперь непрестанно донимала Дженни просьбами выпустить ее.

Нет, это прекрасно, что она есть. Но Дженни определенно не помешают уроки по обращению с собственным зверем. Справляются же остальные волки как-то с этой напастью.

А еще не помешает объяснить ди Форкалонену, что с вечерними развлечениями пора завязывать. Это он может позволить себе неделями не появляться на лекциях, а ей надо работать на будущее.

Вчера Раум еще несколько раз рвался поговорить, но Дженни была на него так зла за попытку обойти их договор, что всякий раз превращалась в волчицу. Рыжая зверюга все так же приходила в кипучий восторг при виде демона, но он отчего-то ее теплых чувств не разделял и общаться особо не рвался.

Как минимум одно неоспоримое преимущество от звериного облика — железная защита от посягательств. Хренушки ее теперь кто принудит к сексу без ее согласия.

— У вас еще какие-нибудь вопросы, адептка Маккензи? — вопрос куратора вырвал ее из облаков, к которым Дженни, сама того не заметив, воспарила.

— А? Нет, простите. Я пойду?

— Идите — он добродушно улыбнулся. — До встречи через месяц.

— Она собирается... куда?

— Вестфилдский магтехнологический колледж, — повторил сотрудник службы безопасности. — По словам куратора группы, перевод запланирован на следующий год. В данный момент успеваемость девушки недостаточна высока, чтобы претендовать на стипендию.

Раум прикрыл глаза и стиснул подлокотник кресла так, что полированное дерево жалобно хрустнуло.

Перевод? Дженни-конфетка хочет сбежать?!

Сбежать и оставить его тут одного, подышать от ломки. Несмотря на все подарки, которыми он ее осыпал. Несмотря на все его старания быть внимательным, нежным. Да он буквально наизнанку вывернулся, заботясь, чтобы ей было хорошо, а она даже на секс до сих пор не согласилась!

И как хорошо все придумала, стерва! Вестфилд — когда еще туда дойдет вест об их связи. Если дойдет вообще.

А ему казалось, действительно казалось, что она к нему что-то чувствует. Что для нее это больше, чем просто сделка. Слишком часто Раум ловил в ауре ее эмоций такие удивительные, теплые ни на что не похожие всполохи. Ловил и замирал от идиотского ощущения счастья внутри.

А рыжая его просто использовала! Чтобы вырваться из тюрьмы, избавиться от приставаний

вампира. Мило улыбалась, обнимала, целовала по утрам, а сама только и думала, как бы сбежать.

Сколько волка ни корми...

Демон ощутил себя обманутым в ожиданиях, униженным таким явным пренебрежением, и это было незнакомое, мучительное чувство.

Будем честны: девочка и не скрывала своих намерений. Это Раум позволил себе обманываться — слишком уж незнакомым и сладким был вкус эмоций, которые источала рыжая. Отличным от вождения, стыда, похоти, жажды наживы.

Но Дженни никогда не обещала ему ничего. С самого начала говорила, что бережет девственность для мужа.

От последней мысли он зарычал — глухо и страшно.

«Убью, — с каким-то неприятным холодком в душе понял Раум. — Любого, кто прикоснется к ней!»

Дженни — его наркотик, его болезнь и лекарство. И да — однажды он высосет ее досуха, заберет ее пылающую непокорную душу, но до тех пор рыжая — его добыча! И он никому ее не отдаст!

Видит бездна, он пытался быть милым, учитывать ее желания! И к чему это привело?

Нет, нахрен игры в демократию! Раум и так слишком долго жевал соплю. Пора бы вспомнить, что договору у него достаточно прав, чтобы контролировать ее жизнь полностью.

Подлокотник под пальцами крякнул и сломался. Раум открыл глаза.

— Яс-с-сно, — произнес он сквозь зубы. — Продолжайте слезку.

Потянувшись к постографу, демон вызвал на экран карту. Мигающая красная точка в районе библиотеки свидетельствовала, что девушка все еще находится на территории кампуса. Раум раздвинул губы в злой улыбке.

— Думаю, нам надо кое-что обсудить, Дженни-волчица.

Глава 2

А по дороге к главному корпусу ее окликнул знакомый голос.

— Дженни! Дженни, подожди! Остановись, пожалуйста-а-а!

Чарли бежал по аллее, отчаянно размахивая руками, чтобы привлечь ее внимание. Все такой же симпатичный и милый — немного растрепанный, взволнованный — он вдруг показался Дженни безнадежно юным и наивным. Словно она за эти короткие недели успела повзреть, а он так и остался щенком.

Вместо смешанного с отвращением равнодушия при виде оборотня, девушка вдруг ощутила тепло и печаль. Слишком долго Чарли был ее самым близким другом, почти братом. Влюбленность ушла безвозвратно, но прожитые рядом годы, пережитые вместе приключения, разделенные на двоих тайны и детские воспоминания все еще связывали их.

— Привет, — она улыбнулась. — Давно не виделись.

А ведь действительно давно. С той последней встречи незадолго до злополучного концерта. Она и не вспоминала о нем — слишком много всего произошло.

— Я уезжал, — он остановился, тяжело дыша, после бега. В устремленном на Дженни взгляде читалось что-то тревожное, просящее. — Возвращался в Синие горы.

Она вздрогнула.

— Ты сказал им?!

Последнее письмо от матери пришло позавчера. И в нем не было и намека на то, что клан знает о печати изгоя. Но если Чарли ездил домой...

— Только отцу, — он умоляюще вскинул руки. — Я сказал, что ты ни при чем! Что это только моя вина. И... и я больше не вожак, Дженни.

— Мне жаль, — тихо ответила девушка.

Так и должно было случиться. Клан не спустил бы подобное злоупотребление властью вожака. Но ей действительно жаль этого глупого мальчишку, который самонадеянно разрушил свою и ее жизнь.

— Потом мы с отцом собирали совет вожаков, — продолжал он, словно не услышав. — Новый наследник пока не выбран. Отец считает, что Дерек не справится...

Дженни кивнула. Младший брат Чарли был добрым, но слишком мягким. Неумение отказывать в просьбе — плохое качество для вожака.

— Но главное: я встретился с шаманом клана Маккуин. Печать изгоя можно снять, Дженни!

— Что?! — она вздрогнула и уставилась на него неверящим взглядом.

— Можно! — от избытка чувств Чарли схватил ее за руку. — Я обо всем договорился! Нам надо ехать в Маррейстоун. Срочно!

— Погоди, — девушка помотала головой. Ничего себе новости! Она как-то уже смирилась с тем, что в ее жизни больше не будет Маккензи. Привыкла думать, что она одна против всего мира и рассчитывать может только на себя. — Куда? Зачем? Маррейстоун — это там, где вулканы? Закатные горы?

Огромная и почти необжитая горная гряда на северо-востоке. Вулканы и гейзеры, каньоны и озера. Кажется, это земли кланов Маккуин и Макферсон...

— Ну да. Там живет Говорящая-с-Луной, которая может тебе помочь. Она ждет нас, Дженни!

— Хорошо, давай съездим, — нерешительно согласилась девушка. — На зимних каникулах...

Против воли сердце в груди забило чаще. Снова вернуться в клан. Почувствовать его поддержку, стать его частью. Похоже на сказку, даже надеяться страшно, вдруг оборотень ошибается и ничего не получится?

И в то же время Дженни ощутила смутную печаль. В том, чтобы самой принимать решения, планировать и действовать, в одиночку добиваясь цели, есть совершенно особое удовольствие. Она никогда не была стайным зверьком, даже среди Маккензи держалась наособицу, безоговорочно подпуская к себе только мать и Чарли.

Друг изумленно распахнул глаза, а потом на его лице отразилась нешуточная обида. Словно он на последние деньги купил подарок, о котором Дженни давно мечтала, а она взяла и выкинула его помойное ведро.

— Ты... ты что? — переспросил он с глупым видом. — Как на каникулах?

— Я не хочу пропускать учебу.

Дорога — двое суток на поезде. Потом еще по горам несколько дней. И неизвестно сколько времени займет снятие клейма. Итого минимум неделя прогулов, а у нее и так все не слишком хорошо с успеваемостью...

— Но... — на оборотня было жалко смотреть. Он поник, а потом снова вскинул голову. — Говорящая-с-Луной сказала, что его нужно снять как можно скорее. Чем скорее, тем лучше, иначе клеймо станет единым целым с аурой.

— Ох... — она вздохнула и нахмурилась. — Это все меняет.

— Поехали завтра? На дневной поезд еще есть билеты.

— Нет, завтра не получится, — надо предупредить в деканате об отсутствии по семейным обстоятельствам, договориться с Раумом. Да и сделанный по общей теории плетений доклад неплохо бы сдать до отъезда. — Давай попробуем на послезав...

Она не успела договорить. Словно ледяной вихрь налетел на них, разметал, отшвырнул Чарли в сторону, заставив отлететь и врезаться в дерево.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — процедил бледный от ярости Раум ди Форкалонен. — Ты понял меня, малыш Чарли?

— Раум?! — в первое мгновение Дженни опешила, а потом разозлилась. — Ты что творишь?!

— Что я творю?! — переспросил демон. Вроде бы негромко переспросил, даже ласково, но Дженни при звуках его голоса прошиб ледяной пот. Захотелось съежиться, спрятаться, стать маленькой и незаметной. — Давай лучше спросим, что ТЫ творишь, детка!

— Беседую со старым другом, — девушка помотала головой и выпрямилась. Разрычался тут! Она ни в чем не виновата и не даст себя запугать. — Ты не имеешь права запрещать мне разговаривать с кем я захочу!

Она попыталась обойти его, чтобы посмотреть, что там с Чарли. Оборотню все-таки очень сильно досталось — Дженни видела, как он пролетел не меньше пяти футов, прежде чем впечатался в ствол дуба. Но демон сделал шаг в сторону и снова оказался на ее пути.

— Куда?

— Хочу помочь Чарли.

— Забудь о Чарли! — его лицо закаменело от ярости.

Да что происходит вообще?! Какая муха укусила Раума?!

Оборотень под деревом шевельнулся и застонал. Дженни дернулась было на помощь и ощутила, как на запястье стальным капканом смыкаются пальцы.

— Ты. Не подходишь. К нему, — выговорил он с нехорошей улыбкой. — Что непонятно?

— Вызови хотя бы врача! Ты ему все кости переломал!

— Вызову. А ты сейчас уйдешь со мной, — он потянул ее за руку, но Дженни уперлась, не желая идти. Раум остановился, прожигая ее злым взглядом. — Детка, я сказал, что мы уходим. Или ты пойдешь сама, своими ножками. Или я перекину тебя через плечо и отнесу, а завтра про наши игры будет судачить весь кампус.

«Он сделает это», — с холодком в душе осознала девушка, вглядываясь в сощуренные красные глаза. Рауму всегда было плевать, что о нем говорят. Он — демон, значит выше пересудов. Иногда ей казалось, что ди Форкалонену даже нравится эпатировать окружающих.

Но Дженни-то не демон. Она ненавидит быть мишенью для сплетен. И без того гадко, что вся академия обсуждает ее личную жизнь.

Огорошенная этими мыслями, она сделала три десятка шагов за демоном и только потом уперлась.

— Погоди... Раум, что происходит?! В чем дело?

Не может же быть, чтобы вся эта дикая сцена просто из-за того, что она заговорила с Чарли!

— Чтобы я больше не видел тебя рядом с этим ничтожеством!

— Но мы просто общались...

— Мне плевать, — зло бросил он. — Если хочешь видеть щенка живым и здоровым, ты не подойдешь к нему. Ясно?

— Нет, не ясно, — Дженни ощутила, как недоумение сменяется гневом. По какому праву демон разговаривает с ней подобным образом. Она что — рабыня?!

Она выдохнула и постаралась взять себя в руки. С Раумом можно договориться, главное объяснить все ему по нормальному...

— Раум, подожди! Это важно! Чарли нашел шамана, который может снять метки изгоя. Нам нужно будет на неделю съездить в Маррейстоун...

— Вам? — со злой ухмылкой переспросил демон. — То есть: ты и он? Даже не мечтай.

— Но...

— И о Вестфилде можешь забыть.

— Что?! — она, приоткрыв рот, уставилась на своего любовника. Вестфилд? При чем тут Вестфилд?

Откуда он вообще узнал о ее планах?

— Ты — моя, — угроза в его голосе отметала любую возможность шутки, а от смысла слов становилось холодно и страшно. — И ты не сбежишь от меня на другой конец материка.

А-а-а... Это он из-за перевода так распахивался?!

— Ты не понял! Я не собираюсь уезжать прямо сейчас. Хочу перевестись в следующем году. После окончания контракта.

Раум шагнул к ней так резко, что Дженни невольно отпрянула, со страхом поглядывая на него снизу вверх. Она только однажды видела его таким. Таким злым, безжалостным, готовым к разрушению.

Таким демоном...

Показалось, что еще слово и он перекинется, явив миру покрытого чешуей монстра, которого прятал внутри.

— Ни в следующем, ни через год. Ни в Вестфилд, ни в Маррейстоун, ни в Синие горы, — тихо и очень угрожающе выговорил он. — Я не отпущу тебя, Дженни-конфетка.

— Что... — она осеклась и стиснула кулаки. Какого вурдалака! Да что он о себе возомнил!

Наконец-то пришел гнев. Ярость вспыхнула в крови бодрящим коктейлем, прогоняя недоумение и липкий страх. Дженни набычилась и оскалилась.

— Иди в бездну, Раум! Мне не нужно твое разрешение, чтобы перевестись в Вестфилд, когда контракт закончится!

— При переводе запрашивают личностную характеристику, — демон издевательски

улыбнулся. — Догадайся, Дженни-развратница, какую ты получишь, учитывая, что весь кампус в курсе нашего романа. Уж поверь, я позабочусь, чтобы на принимающей стороне узнали все подробности. И даже если они рискнут взять тебя с такими отметками в личном деле, я сделаю все, чтобы твои документы не приняли. У меня достаточно возможностей.

В последнем она не сомневалась ни секунды. Во власти Раума было, как организовать ей быстрый и безболезненный перевод, так и превратить Дженни в персону нон-грата в любом учебном заведении империи.

Она побледнела, представив что напишут в секретариате под диктовку демона. И ведь не оспоришь. Правда, все правда до последнего слова.

Снова обрушилось пугающее ощущение беспомощности, неспособности контролировать свою жизнь. Почти такое же сильное, как в тот день, когда она сказала Чарли «нет» у алтаря.

— Ты... ты сволочь!

— Ага, — ухмылка стала шире. — И не делай вид, что ты не знала этого, сладенькая.

Знала. Знала с самого начала, но позволила себе увлечься. Обмануться привлекательной оболочкой, поверить уговорам своей звериной половины.

Прозрение было болезненным.

— Ублюдок, — выдавила она с бессильной злостью. — Оставь меня, видеть тебя не хочу!

Это было правдой. Даже волчица в душе недоуменно порывивала, не желая понимать и принимать происходящее. В одно мгновение милый, заботливый и веселый парень, в которого Дженни успела влюбиться, превратился во властного подонка, ломавшего ее жизнь по своей прихоти.

— Могу завязать тебе глаза.

Девушка ответила ему мрачным взглядом.

— Брось, — от его самоуверенной ухмылки Дженни затошнило. — Я же нравлюсь тебе, Дженни-конфетка.

— Нравился, — угрюмо отозвалась она, шагая за демоном. — До того, как десять минут назад перекинулся в полного козла.

— Это пройдет.

— Иди нахрен. Между нами все кончено, — она сделала шаг и оглянулась. Чарли медленно поднимался, опираясь о ствол дерева. На сердце отлегло — живой. Все-таки убить оборотня с одного удара надо очень постараться.

— По контракту нам еще почти пять месяцев спать в одной постели, детка, — невозмутимо напомнила беловолосая скотина. Идем, — он дернул ее за руку, принуждая следовать за собой. — Хватит пялиться на этого неудачника.

Он прав. Впереди пять месяцев в роли любовницы. Пять месяцев обязательств, плена, который еще сегодня утром казался таким восхитительно желанным и сладким.

— Куда мы идем? — угрюмо спросила она.

— Я же сказал — домой.

Домой? В особняк, который совсем недавно казался ей почти домом, а теперь в одночасье превратился в тюрьму.

— Завтра я уезжаю в Маррейстоун, — угрюмо выдавила она, кипя от бессильной ярости.

— Нет, не уезжаешь. По контракту ты не можешь покинуть округ без моего разрешения или сопровождения.

Да, там был такой пункт. Дженни не стала оспаривать его — просто не видела смысла. Она не собиралась никуда уезжать.

Девушка стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя кровавые лунки.

— Ненавижу тебя!

— О, уже прогресс. От ненависти до любви один шаг, сладенькая, — глумливо отозвался ди Форкалонен. И тут же зло одернул ее, когда Дженни попыталась обернуться. — Я сказал: забудь о Маккензи!

— Иди в задницу!

Она потащилась за демоном, поминутно оборачиваясь только затем, чтобы его позлить. С каждым шагом решение сбежать тайком в Маррейстоун крепло, пока не стало тверже алмаза.

Глава 3

Вечером Дженни отказалась от ужина и заперлась в своей комнате. Она не обманывалась: задвижка не остановит Раума, если уж он захочет войти, но от одного вида опущенного шпингалета становилось спокойнее.

На душе скреблась сразу дюжина кошек. Никогда в жизни Дженни не чувствовала себя настолько душой. Как, ну как она могла забыть, что из себя представляет ди Форкалонен? Зачем распустила соплю, позволила себе поверить во всю эту романтическую фигню, красивый антураж?

Волчица скреблась в душе, требовала выпустить ее, нервничала, и девушка нервничала вместе с ней. Металась по комнате словно запертый в клетке зверь. Ее то охватывал сильнейший испепеляющий гнев, то звериная тоска. Полные ярости и обиды слова кипели на языке, подзуживали ворваться в соседнюю спальню и швырнуть их в лицо беловолосой скотине.

Не на кого злиться. Надо отдать демону должное: Раум никогда не обманывал ее. Но и не обещал, что сказка продлится долго.

И никто, кроме Дженни, не виноват, что ей хватило так немного, чтобы влюбиться. Она вообще влюбчивая идиотка. И все не в тех и не так...

Мысленно она пыталась отсечь себя от демона. Попрощаться. Проникнуться к нему равнодушием, с легкой ноткой ностальгии, как к Чарли.

Не получалось...

За эти короткие недели Раум отравил собой все. В каждой вещи, что ее окружали, Дженни видела незримую печать демона. Она надевала его подарки, жила в его доме, ела его еду, училась в его академии... Раум ди Форкалонен был в ее мыслях, снах, мечтах, сердце...

Это не вырежешь так просто по первому желанию. Но оставаться настолько подчиненной и уязвимой у Дженни не было ни малейшего желания.

Немного успокоившись, она взялась за постограф.

«Как ты?» — сообщение мигнуло и ушло. Ответ пришел почти сразу.

«Уже нормально. Дженни, что у тебя с ди Форкалоненом? Это правда, что вы любовники?»

Девушка горько усмехнулась. Наверное, когда Чарли разговаривал с ней днем, он еще не слышал свежих сплетен.

«Я живу у него дома. Это долгая история»

Она написала сообщение и замерла на мгновение прежде чем отправить.

Момент истины. Если Чарли после этого отвернется от нее, откажется проводить к шаману, не захочет и говорить о возвращении в клан, значит, так тому и быть.

Но он ответил.

«Я же предупреждал! Дженни, он опасен!»

«Я знаю»

О, Дженни знает это гораздо лучше Чарли. Просто до недавнего времени это ее совершенно не волновало.

Следующее сообщение заставило ее растроганно улыбнуться:

«Тебе нужна помощь?»

«Да. Завтра поговорим в академии»

— И о чем вы собрались завтра разговаривать, Дженни-уже-не-Маккензи? — раздался вкрадчивый голос со стороны двери.

Девушка вздрогнула и выронила приборчик. Она могла поклясться, что не слышала никаких

звуков, но задвижка была отодвинута, а Раум стоял у двери, разделявшей их комнаты. В руке демон сжимал свой постोगраф, а в красных глазах снова горел тот же злющий огонек.

— Так я тебе и сказала, — мрачно откликнулась Дженни.

При виде ди Форкалонена утихшие было чувства вспыхнули вновь. Все сразу — ярость, тоска, жгучая обида и желание ответно задеть, уязвить. И что самое противное, придавленная ими где-то совсем в глубине души, все так же пряталась любовь к сволочному демону. И от того, что Раум теперь враг, было больно.

— Детка, я серьезно: если этот мальчишка дорог тебе, оставь его в покое, — его голос был удивительно ласковым. Напоминал мягкую кошачью лапку, в которой прячутся безжалостные когти. — Ты знаешь на что я способен, а Маккензи и так слишком часто испытывает мое терпение.

Дженни еще раз посмотрела на свой постोगраф, лежащий на ковре. Перевела взгляд на приборчик в руках демона, и ее осенило.

— Ты читаешь мою переписку?

— Умненькая девочка.

— Ты... — она захлебнулась от ярости, испытывая непреодолимое желание набросится на него и драться, кусаться, царапаться. — Как...

— Это несложно, — любезно подсказал демон. — Достаточно добавить кое-какие заклинания в общий контур.

— Убирайся, — выдавила девушка, чувствуя, что еще минута, и она сорвется в безобразную истерику. — Пожалуйста, уйди! Меня тошнит, когда я тебя вижу!

На мгновение ей показалось, что на лице Раума мелькнула боль, а потом демон издевательски поклонился и вышел.

Зачем была нужна эта сцена вечером, Дженни поняла довольно быстро. Предупреждение. Демонстрация силы, заявление почти прямым текстом: «Я слежу за тобой, я полностью тебя контролирую. Не делай глупостей».

Но если Раум рассчитывал таким образом заставить ее отказаться от планов, он очень сильно просчитался.

— Вэл, мне требуется твоя помощь.

— Конечно, — сильфа улыбнулась. — А что нужно?

По мере того, как девушка излагала что ей нужно, глаза сильфы распахивались все сильнее, как у нарисованных девочек в комиксах. Дженни даже испугалась, что они такими останутся.

— И никаких вопросов! — добавила она в конце. — Пожалуйста! Я все объясню потом, когда вернусь!

Все-таки Вэл настоящая подруга. И вообще удивительная — таких как она одна на миллион. Она не стала возмущаться или давать дурацкие советы. И лишних вопросов задавать тоже не стала. Просто оставила Дженни свой постोगраф и исчезла, сбежав прямо перед началом лекций.

Чуть позже приборчик мигнул и выдал сообщение от незнакомого отправителя:

«Привет, это Чарли. К чему такая секретность?»

Дженни облегченно перевела дух и вознесла хвалу Богине. Больше всего она боялась, что Чарли не примет переданную через третьи руки записку с просьбой сменить постोगраф всерьез и напишет со своего приборчика. Или еще хуже: отправится искать Дженни, чтобы поговорить лично.

Но нет — друг все сделал правильно.

«За мной следят. В постোগрафе стоит копирующий контур и маяк. В твоём, возможно, тоже».

Дополнительных объяснений не потребовалось.

«Ди Форкалонен?»

«Да. Попроси кого-нибудь из друзей купить два билета на дневной поезд. Я сбегу после второй лекции. Встретимся на вокзале у памятника Луцию Освободителю. Убедись, что за тобой не следят».

«Понял. Ну блин, шпионские страсти!»

Последнее сообщение заставило ее хихикнуть. Вспомнились детские игры и шалости, которые они с Чарли не раз затевали вместе. Для взрослых (да и других волчат) идеи проказ целиком принадлежали Чарли. И только они оба знали, что без рыжей подружки вожака половина задумок так и остались бы задумками.

Вэл появилась после первой пары. Сунула Дженни мешочек с золотом и пакет со сменной одеждой. Когда девушка попробовала было вернуть постограф, сильфа покачала головой.

— Оставь себе. Мне кажется, тебе он сейчас нужнее.

— Спасибо, — растроганно пробормотала Дженни.

Все-таки она богата! Куда богаче самодовольного ди Форкалонена. У нее есть родственники, которые ждут и любят. И есть настоящие, верные друзья. Это ли не самое большое сокровище?

Она порывисто обняла подругу.

— Люблю тебя, Вэл!

— Береги себя, Джен! — сильфа шмыгнула носом. — И только посмей попасть в беду! Ты так меня заинтриговала, что теперь просто обязана вернуться, чтобы рассказать мне все.

— Я вернусь.

Переделась она в туалете. Сняла все, даже туфли — на любой вещи мог стоять маяк. Переодевшись в простенькое хлопковое белье и скучное грязно-серое платье с воротничком под горло, Дженни почувствовала себя свободнее. Купленные Раумом вещи словно привязывали ее к демону незримыми нитями.

Сумку от Роберто ла Костена тоже пришлось оставить в туалете — на ней мог быть маяк. Из всех вещей Дженни прихватила с собой только мешочек с золотом и постограф Вэл.

Она покинула академию под звук гонга, призывающего ко второй паре. Незаметно выскользнула через пожарный выход и понеслась через парк к неприметной калитке, за которой уже ждало заранее вызванное такси.

Глава 4

Путешествие на поезде получилось очень милым. Кроме них с Чарли в купе была только словоохотливая пожилая леди, направлявшаяся погостить к дочери. Мысленно Дженни не раз поблагодарила Богиню за такое соседство — в присутствии посторонней женщины Чарли не рисковал задавать неудобные вопросы, поэтому они всю дорогу молчали или болтали о всякой ерунде. Совсем как раньше. Если бы не ожидание пакостей от демона, Дженни получила бы от путешествия настоящее удовольствие.

Особенно страшно было отсчитывать минуты до отправления поезда. Она до последнего опасалась, что Раум ворвется на вокзал и вытащит ее из вагона. Обошлось.

Не поджидал демон и на конечной станции. Они беспрепятственно сошли с поезда и арендовали машину — развалюху «Баньши», почти ровесницу Дженни. Несмотря на поздний час, задерживаться в городе не стали — девушка слишком нервничала, опасаясь погони. Что-то подсказывало, что Раум не отпустит ее так просто.

В сумерках вечерняя трасса походила на черную ковровую дорожку, расстеленную среди холмистых предгорий.

— Что у тебя с ди Форкалоненом? — ревниво спросил Чарли, как только они выехали из города.

Дженни вздохнула. Начинается. Вот кто бы сомневался, что Чарли не оставит так просто эту тему.

— Контракт, — ответила она, не вдаваясь в подробности. — Он очень помог мне, когда ты... когда я стала изгоем.

Чарли побледнел и отвел глаза.

— Почему? — выдавил он. — Почему ты не дождалась? Я же обещал, что поговорю с отцом! Я сразу уехал, на следующий день! Чтоб меня шакалы сожрали, Дженни! — взорвался он, переходя на крик. — Неужели нельзя было чуть-чуть подождать?!

— Я не хочу говорить об этом.

Но оборотня уже несло.

— Что, быть подстилкой демона лучше, чем моей женой? Да, Дженни?! Ты ради этого отказалась от брака и стала изгоем?! Я потерял право называться наследником ради того, чтобы ты ублажала ди Форкалонена?!

Он стиснул руль и машина рискованно вильнула.

— Заткнись и следи за дорогой! — прорычала Дженни. Ей снова невыносимо захотелось огреть друга детства чем-нибудь потяжелее. — Еще слово, Чарльз Маккензи, и я откажусь от твоей помощи.

Она не шутила. Злости, которую испытывала Дженни, вполне хватило бы, чтобы выйти из машины прямо сейчас — посреди безлюдной трассы и попробовать добраться к шаману самостоятельно.

Чарли это понял. Не зря они общались столько лет. Оборотень медленно выдохнул сквозь зубы и снизил скорость. И правильно: старушка-«Баньши» визжала и стонала, угрожая вот-вот рассыпаться.

— Почему, Дженни? — с тихой горечью спросил он. — Почему он?

— У меня не было выхода, — угрюмо ответила девушка. — И я действительно не хочу обсуждать это.

Он замолчал, но былой легкости, иллюзии, что все как раньше, уже не осталось. Недосказанность повисла темным облаком. Укоризненное молчание оборотня ужасно раздражало. Дженни не обязана оправдываться перед Чарли и неважно, что он там себе надумал!

И все же от того, что друг поверил, будто она просто нашла покровителя, который согласился

оплачивать ее счета в обмен на секс, на душе было горько. Когда Вэл задавала вопросы, что у них с Раумом, Дженни тоже не вдавалась в детали, но подруга не стала думать о ней хуже или говорить гадости в лицо.

От обиды она даже передумала расспрашивать Чарли о методах контроля своего волка. Хоть и собиралась. Нет уж: и безо всяких любителей судить не разобравшись обойдется! У шамана спросит — кто еще должен понимать в таких вещах, если не Говорящая-с-Луной?

Было уже за полночь, когда они добрались до развилки. От федеральной трассы отходила узкая дорога, в горы. «Земли клана Маккуин, 50 миль» извещала надпись на указателе.

Мотель «Последний приют» на развилке оправдывал свое название. Дальше были только горы.

— Ничейной земли там много, — рассуждал хозяин мотеля, готовя постояльцам ужин. — Да только селиться народец не спешит. Необжитые места и трясет сильно. Красный великан дремлет чутко, то и дело поплеывает дымком. Проснется и поминай с музыкой. Давеча к нам даже имперская комиссия приезжала. Замеряли что-то, считали. Вышло, что поставить чары, чтобы держать вулкан, надо сотню лучших магов приглашать. Не-ра-дио-наль-но!

— А как же волки? — спросила Дженни.

Если память ее не подводит, клан Маккуин жил в горах Маррейстоун уже сотни, если не тысячи лет.

— Так то волки. У них шаман есть, — мужчина завистливо вздохнул, заставив Дженни улыбнуться. Наивная вера в силы шамана была такой трогательной, что девушка не стала разбивать ее.

На самом деле шаман — это маг-недоучка. Ему уж точно не по зубам то, на что нужны силы сотни дипломированных специалистов по стационарным чарам. А долина Маккуин, скорее всего, просто находится в более сейсмоустойчивой местности, дальше от вулканов.

Чарли в ее беседу с хозяином не лез — все еще дулся после отповеди. Да Дженни и сама не хотела с ним разговаривать.

Неловкость, рожденная вчерашней ссорой, никуда не делась и на следующий день. После завтрака они в угрюмом молчании погрузились в машину и свернули с трассы. А потом Дженни стало не до обид. Предчувствие встречи с чем-то очень важным, значимым заставило ее позабыть о размолвке. Девушка жадно вглядывалась в проплывающие за окном горы, вслушивалась в шепот камня и пыталась понять почему эта местность кажется такой знакомой, почти родной.

Дорога извивалась змеей на теле горы, уводя вверх. В опущенное окно врвался запах хвои, прелой листвы и сырого камня. Дженни, почти высунув наружу голову, замороженно разглядывала красный, словно облитые закатными лучами склон по ту сторону каньона. Где-то далеко на дне шумела река.

Странно. Она готова была поклясться, что никогда не ступала на глинистую землю Маррейстоуна, не видела этого разлома, подобного свежей ране на теле земли. Но зрелище багряных и белых обрывистых скал в брызгах водопадов будило в душе странное чувство узнавания. Словно Дженни вернулась домой после долгих лет отсутствия. Порой ей казалось, что она помнит, что ждет их за очередным поворотом — скала, нависшая козырьком над пропастью, пешеходный мостик или площадка, на которой можно припарковаться, чтобы выйти, окинуть взглядом этот завораживающе суровый и прекрасный край.

И когда дорога сворачивала, открывая вид на скалу, мостик или площадку, Дженни вздрагивала и щипала себя за руку. Что это? Сон? Удача? Интуиция?

Она никогда не видела знаменитых горячих источников даже на снимках, но знала, как они должны выглядеть. В воображении сами собой вставали белоснежные травертины, уходящие вверх по склону, плюющийся паром гейзер и скрытое в кальдере озеро, воды которого отливают всеми цветами радуги.

Дженни всегда любила горы. Она полжизни провела в горах. В Синих горах, на землях Маккензи. Но эти горы были иными... Не спящими, живыми. Дженни слышала тихий шепот камня, чувствовала, как под багряной плотью скал течет и струится, ищет выхода кипящая вода. А где-то еще ниже, совсем глубоко в недрах дремлет раскаленная лава — кровь земли...

Эти горы были... Домом?

«Мне здесь нравится, — поняла она, снова втягивая запах осеннего леса, сырой почвы и сернистой воды. — Моя земля».

Вот так: моя земля и все. И плевать, что она никогда не жила в этих местах.

— Закрыла бы ты окно, — Чарли поморщился и переключил передачу. — Воняет же!

Дженни послушалась со вздохом.

— Далеко еще?

— Примерно полчаса. А потом около двух часов пешком в гору — эта колымага не осилит подъем, там крутой склон и плохая дорога. Справишься?

Она фыркнула. Чего тут справляться-то? Чай не старуха и не калека. Два часа пешком в гору — отличная прогулка.

Дорога резко пошла вверх, и движитель автомобиля взревел от натуги, штурмуя очередной склон. Дженни даже испугалась, что старушке-«Баньши» не хватит мощи, но машина мужественно преодолела последние ярды и на совсем черепашьей скорости взобралась на вершину перевала.

— Привет, детка. Что-то вы долго.

Ярко-красная «Мантಿಕора» стояла поперек трассы, полностью перекрывая дорогу. Раум ди Форкалонен с зажженной сигарой в руках опирался о лакированный бок и зло щурил глаза.

Тоскливое предчувствие потери ударило под дых, кожу продрало обреченным холодком. Дженни вцепилась в панель перед собой. Ей хотелось кричать от несправедливости происходящего.

Как же так! У них же почти получилось! Оставалось совсем немного...

Раум широко улыбнулся.

— Ну же, детка, — голос демона звучал ласково, даже задушевно, но за этой притворной лаской таилась жуть. — Иди к папочке.

Дженни молчала.

— Или папочке придется обидеть щеночка, — просюсюкал беловолосый все с теми же дебильными интонациями. Словно разговаривал с ребенком или умственно отсталым. — А папочке да-а-авно этого хочется.

Негнуцими руками Дженни отстегнула ремень безопасности и потянулась к двери.

— Дженни, — вскинулся было оборотень рядом. — Подожди! Ты что же — пойдешь к нему?

Девушка усмехнулась. Можно подумать, есть выбор. Если она сейчас не выйдет, демон сам ее вытащит, предварительно отыгравшись на Чарли за ее побег. А Дженни не простит себе, если кто-то из ее друзей пострадает по ее вине.

— Дженни, подожди! Я разберусь с ним!

— Сиди, Чарли, — устало ответила девушка.

Она подхватила сумку и шагнула из машины навстречу демону.

— Умничка, — пробормотал Раум. Его пальцы с такой силой впились в ее руку чуть повыше локтя, что Дженни еле удержалась от крика. — А теперь быстро в машину, непослушная девчонка. О твоём поведении поговорим позже.

Она подчинилась. Хлопнула дверь. «Мантикора» взревела движителем, непостижимым образом умудрившись развернуться на дороге, где с одной стороны возвышалась скала, а с другой начиналась пропасть, и рванула вниз по склону, едва не зацепив старушку-«Баньши».

Несколько минут в кабине стояла предгрозовая тишина. Дорога то и дело расплывалась, приходилось моргать и тереть глаза. Горы Маррейстоуна глядели в спину с недоумением — ну что же ты, волчица? Почти ведь добралась. Куда ты?

Чувство утраты было таким острым, что Дженни рискнула нарушить молчание.

— Раум, пожалуйста! Мы же почти доехали до шамана! Отпусти меня, я только сниму клеймо и вернусь к тебе. Буду с тобой эти пять месяцев, как и обещала...

— Хорошая попытка, Дженни-беглянка, — демон оскалился и Дженни почти физически ощутила клокотавшую в нем ярость. — Пожалуй, я даже готов пойти навстречу.

— Правда? — она с надеждой взглянула на него. Может, еще получится все исправить?

— Конечно, детка. Но компромисс — вещь взаимная. Ты тоже должна кое в чем уступить.

— В чем?

Он подарил Дженни пристальный взгляд.

— Ты знаешь чего я хочу от тебя детка. Мне надоели детсадовские обнимашки.

Кто бы сомневался! Ну конечно!

— Я не буду с тобой спать.

Демон издевательски пожал плечами.

— Значит, ты не так уж сильно хочешь снять это клеймо, Дженни-изгой.

От ярости потемнело в глазах, даже дышать трудно стало. Захотелось затопать ногами, завизжать. Дженни стиснула кулаки, зажмурилась и на мгновение пожелала стереть с лица земли Раума ди Форкалонена вместе с его поганой красной «Манतिकорой».

И горы откликнулись. Где-то в глубине глухо зарокотало, дорога задрожала, мелкие камушки застучали по опущенной крыше, по капоту. Раум громко выругался и вцепился в руль, удерживая автомобиль на трассе. Дженни испуганно ойкнула и распахнула глаза.

— Что... что это было?

— Подземный толчок, — демон снова выругался. — Надо выбираться отсюда поскорее, детка...

Его слова потонули в грохоте. Прямо перед носом автомобиля на дорогу рухнула каменюка размером с дом, Раум ударил по тормозам и рефлексивно вывернул руль, пытаясь уйти от неизбежного столкновения.

«Мантикора» проломила ограждение и полетела в пропасть.

Полторы секунды — много ли это?

Мало.

И много, просто невероятно много, когда летишь навстречу смерти.

Раум успел вырвать из приборной панели ключ-камень, впихнуть его в руку Дженни и швырнуть активирующий импульс. Полыхнуло серебристое сияние, окутывая девушку абсолютным щитом.

Он даже успел отстегнуть ремень безопасности. А вот поднять крышу и сменить облик уже нет.

«Мантикора» рухнула на камни. Треск ломающихся костей показался демону оглушительным, затмив даже звук удара. Вселенная вывернулась наизнанку в приступе ослепительной невозможной боли. И погасла.

Под громкий женский визг машина покатила по склону вниз, громяхая, как смятая жестяная банка.

Глава 5

Полет прервался почти у самой реки. Изувеченный остов того, что еще минуту назад было стильным новеньким авто, налетел на скалу и замер.

Мир перестал вращаться. Внезапно стало тихо. Ни треска, ни грохота, ни скрежета. Только раздраженное гудение двигателя и шум воды от реки.

Дженни со стоном пошевелилась, изумляясь тому, что она еще жива, и, кажется, даже ничего не болит. Как такое может быть?

Машина лежала на боку, а Дженни, подвешенная на ремнях безопасности, болталась в люльке кресла. Окно прямо перед глазами ветвилось паутиной трещин. Удивительно, что не вылетело.

Что это было? Она действительно вызвала обвал, швырнувший их в пропасть? Но разве такое под силу недоучке-второкурснице? И... она ведь не использовала никаких схем, плетений. Просто очень-очень разозлилась на Раума за то, что он увозит ее отсюда силой...

Болела рука — что-то впивалось в ладонь. Разжать судорожно стиснутые пальцы удалось не с первого раза. Девушка недоуменно уставилась на ключ-камень, с брелоком. Очень знакомым брелоком в форме человеческой головы в обрамлении львиной гривы. Рельефный контур отпечатался на коже.

Перед глазами заплясал дурацкий стишок с рекламного билборда производителя «Манतिकоры».

Щит от «Мотор-Хтоник-Ланс»

Это ваш последний шанс.

Предмет гордости пиарщиков, часть «самой совершенной современной системы безопасности» — одноразовый абсолютный щит, призванный сберечь владельца авто хоть в эпицентре взрыва, хоть в жерле вулкана.

Но когда Дженни успела схватить его? И разве активатор щита не настроен на владельца авто? А Раум...

Она перевела взгляд ниже, туда, где находилось сиденье водителя, и еле сдержала крик.

Если Дженни закрыл щит, то демону досталось по полной. Зажатое между сплюсненной крышей и приборной панелью окровавленное тело мало напоминало блистательного и наглого наследника ди Форкалоненов. Скорее уж оно походило на сломанную куклу, небрежно брошенную в угол.

От мысли, что он быть может мертв, стало страшно.

— Раум, — прошептала Дженни одними губами.

Он не ответил.

— Раум... ты как?

Дурной вопрос. Идиотский, дебилный! Даже отсюда видно, что у него сломана рука, а из проломленного черепа уже натекала лужица крови.

Но... он ведь не может погибнуть, правда? Он же высший демон — сын самой сильной, почти неуязвимой расы, живая машина смерти. Демоны же не умирают от такой ерунды?!

— Раум, ты жив?

Тишина. Дженни всхлипнула от ужаса.

Надо что-то делать. Для начала — вытащить его, перевязать, вызвать помощь... Она попыталась открыть смятую дверь, прикидывая, как бы поаккуратнее опустить машину снова на колеса.

Аккуратнее не получилось. Стоило Дженни пошевелиться и перенести вес, как неустойчиво стоящая на боку «Мантикора» жалобно скрипнула и рухнула на брюхо. С соседнего кресла донесся стон.

— Живой, — облегченно выдохнула девушка. Отстегнула ремень и снова попыталась открыть дверь, но искореженный металл ни в какую не желал поддаваться.

— Открывайся!

Она зарычала от злости, уперлась спиной в кресло и резко ударила сразу двумя ногами. Дверь вылетела, как пробка из бутылки с игристым. Смятый кусок металла пролетел почти двадцать футов прежде, чем встретился со скалой.

«Надо же, я и так могу!» — между делом подумала Дженни. И тут же забыла об этом, потому что тихое урчание двигателя перешло в рычание и до нее, наконец, дошло, что не так в этом звуке.

Ключ-камень от автомобиля в ее руках, и «Мантукора» должна молчать.

Но она не молчала. Напротив, рев становился все более раздраженным и громким. А это значит...

Значит, что поврежден контур заклинания, удерживающий душу хтонической твари внутри авто. Значит, лишь вопрос времени, как скоро плененная мантукора вырвется на свободу, чтобы вспыхнуть и сгореть в испепеляющем пламени.

Страх противно охлаждал живот, но паники не было. Напротив: Дженни соображала ясно и четко, как никогда в жизни. Правая половина машины была в относительной целости — ее сохранил щит, а вот левая представляла собой зрелище страшное и жалкое. Смятый и сплюснутый кусок металла напоминал жестяную банку, небрежно брошенную в урну. Крыша пострадала меньше, но подъемный механизм тоже заклинило. Единственным выходом оставалась выломанная Дженни дверь и уходить нужно через нее. Быстрее, пока контур еще сдерживает душу хтонической твари.

Девушка подползла к водительскому креслу. При взгляде на Раума, захотелось разрыдаться от ужаса и бессилия.

Нельзя! Если она начнет сейчас психовать и плакать, они оба погибнут.

Чтобы заткнуть подступающую истерику Дженни ударила кулаком по лобовому стеклу. Магически закаленное стекло разлетелось прозрачной крошкой похожей на мелко колотый лед, а костяшки пальцев противно занули. И мантукора взревела громче.

Легче не стало, но боль помогла собраться. Отодвинуть в сторону скулящую от ужаса Дженни-неумеху, приглушить эмоции, забыть о том, что этот окровавленный изувеченный мужчина — ее Раум.

Просто есть задача и ее нужно выполнить.

Так, у него сломана рука, проломлен череп. Наверняка это не единственные повреждения, есть еще переломы и внутренние травмы. Двигать пациента в таком состоянии категорически не рекомендуется, но выхода нет.

— Потерпи, пожалуйста, — пробормотала она.

Демон отозвался еще одним коротким стоном. Он был невероятно бледен, словно в одно мгновение лишился всех красок, превратился в рисунок углем на листе бумаги. На лбу выступила испарина, капли крови стекали по белым волосам. Красное на белом...

И он оказался просто страшно, неподъемно тяжелым. Дженни ругалась, тащила его и всхлипывала. От страха, что он сейчас умрет у нее на руках. От страха перед мантукорой, чей раздраженный рев становился все громче, уже заглушая шум воды от реки.

Ей удалось подтянуть его к выходу, когда Раум открыл глаза. Налитые кровью белки в сетке лопнувших сосудов и огромные — во всю радужку — зрачки. Белые губы дрогнули, шевельнулись.

— Оставь меня, — тихо, но отчетливо приказал демон.

Дженни оскалилась.

— Не дожدهшься, — прорычала она и потянула его к выходу. — Что же ты тяжелый такой?! А посмотришь — кожа да кости!

Почувствовав, что добыча ускользает, мантикора обиженно взвыла. Над искореженным капотом рассыпались яркие искры, воздух запахом горячим металлом.

— Дура! Сейчас рванет...

— Сам дурак! Придурок, какой же ты законченный придурок, ди Форкалонен, — всхлипнула она, выволакивая его из машины. — Ненавижу тебя, гад, сукин сын, сволочь, эгоист! Ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу... — девушка осеклась и замолчала, сберегая дыхание.

Шаг, еще шаг. Остановиться и отдышаться нет времени, надо бежать! Надо пятиться под треск разлетающегося заклипания и рев хтонической твари. Пока мантикора еще связана, пока она в плену магических пут. Надо тянуть за собой изломанное тяжеленное тело и стараться не смотреть на кровь, которая уже заляпала всю юбку, стараться не думать, что каждый шаг может стать для них последним...

Двадцать пять футов до скалы показались двадцатью пятью милями. Только когда красный с белыми прожилками камень закрыл от них остов изувеченной машины, Дженни выдохнула и выпустила свою ношу.

— Вот видишь, — Дженни всхлипнула и медленно сползла на землю — ноги не держали. — А ты говорил бросить.

Кровь уже почти не текла, но при взгляде на снежно-белые пряди в алых каплях и страшную почти черную корку вокруг раны в душе начинал ворочаться тоскливый ужас и предчувствие катастрофы.

— Зря... — демон снова открыл глаза. Его голос звучал тихо и сдавленно. — Я все равно подохну, детка.

— Не говори ерунды!

— У меня сломан позвоночник и фарш в кишках, — Раум улыбнулся — болезненно, криво. — Даже демоны без медицинской помощи после такого не выживают. Я уже труп.

В крови вспыхнул невозможный ужас пополам с яростным протестом. Нет! Раум не может умереть! Он же... Он такой сильный, непробиваемый, наглый, приставучий — не отвяжешься, всегда знающий что делать, умеющий повернуть все в свою пользу...

И он обещал сводить Дженни в зоопарк хтонических тварей! И на яхте они снова собирались покататься! И... и...

И он ее пара! Он нужен ей!

Мысль об автомобильной аптечке заставила подскочить и высунуться из укрытия. Защитный контур пылал, рассыпался фонтаном алых искр, отживая последние минуты, но пока держался. Еще можно успеть...

— Дженни! Куда ты!

Она не стала тратить время на ответ. Не стала даже взвешивать этот безумный шаг, чувствуя, что стоит задуматься, и не сможет. Струсит, не решится.

И никогда не простит себе, если Раум умрет у нее на руках.

Это был самый стремительный забег в жизни Дженни. Она ужом ввинтилась в изуродованный автомобиль, рванула на себя дверцу бардачка — та не поддалась, заклинившая и смятая. От жара плавилось раскрошенное стекло, горячий воздух обжигал кожу. Где-то над ухом ликующе ревела мантикора, радуясь, что прихватит с собой одного из своих мучителей, а Дженни ругалась, дергала ручку и плакала, не в силах уйти.

«Помоги мне!» — взмолилась она, сама не зная к кому обращается. К Богине? К Луне? К своей волчице?

Ответа не было, но пальцы налились могучей силой. Дженни пробила дерево и рванула на себя дверцу, выдирая вместе с болтами, на которых та держалась. Схватила аптечку и кувырком выкатилась из машины, готовой вот-вот стать погребальным костром. И в три нечеловечески огромных прыжка оказалась у скалы.

Успела!

И земля содрогнулась. Ослепительная оранжево-красная вспышка заставила зажмуриться, тело окатило волной иссушающего жара. За скалой, в языках адского пламени плясала и бесновалась мантикора — убитая и плененная после смерти, она праздновала свободу, выжигая все вокруг себя. Дженни съежилась, прижимаясь к прохладному боку камня, и взмолилась, чтобы оставшегося в убитой, но не убиенной твари силы не хватило, чтобы добраться до них.

Три минуты. Раскалившийся воздух обжигает лицо, словно совсем рядом огромная печь для плавки металла. Даже скала под боком нагрелась и чуть потрескивает.

Пять минут. Трудно дышать — тварь сожрала весь воздух. Если бы не холодное дыхание реки, они оба испеклись бы, словно пирожки в духовке.

Семь минут. Сколько же в ней силы?! Неужели это никогда не кончится?!

Но ярость, даже если это ярость мантикоры, не безгранична. За скалой прощально полыхнуло, в небе вспыхнул огненный абрис — крылатое существо с головой человека, львиным телом и хвостом скорпиона оскалилось и растаяло в воздухе.

Стало тихо. Только плеск воды о камни.

Глава 6

От боли мутилось сознание. Мир то расплывался, то вновь собирался в нереально четкую картинку. Раум, как все дети высшей расы, умел отключать боль, но сейчас ее было слишком много. И она возвращалась, словно наглый попрошайка, которого сколько ни гони, не отвяжется.

Боль несла за собой беспамятство и бред. В этом бреде Раум плыл по багровой, как камни Маррейстоуна, реке полной жидкого огня. То погружался в нее, падая в блаженную тьму и беспамятство, то выныривал на поверхность.

Стоило бы все отпустить, отдаться огню, вспыхнуть и сгореть. Но какая-то мысль свербила, не позволяла сдаться, заставляла бороться, из последних сил, цепляясь за ускользающую реальность.

— Раум, ты меня слышишь?

Девичий голос, в котором звенели слезы, разорвал подступившую было снова пелену забытья. Смоченная водой тряпица коснулась лба. Она была восхитительно прохладной.

— Дженни...

Демон фокусировал взгляд. Встревоженное лицо зависло над ним. В зеленых глазах стояли непролитые слезы, но губы были упрямо сжаты. И в руке она сжимала... шприц?

Вот зачем этой сумасшедшей потребовалось возвращаться к машине. Раум чуть с ума не сошел, когда понял, что Дженни побежала к авто, которое вот-вот рванет. Он даже пытался ползти за ней, но потерял сознание.

— Раум! Сколько доз регенератора у тебя в аптечке?

— Две... — он скривился. — А, нет... Одна... Вторую я вколол тебе. Помнишь?

Одна доза — слишком мало в его случае. Только продлит агонию. Даже изумительных способностей демона к самоисцелению, помноженных на действие лекарства, не хватит, чтобы срastить сломанный позвоночник.

Тонкие пальцы с отчаянной силой вцепились в его плечи.

— Почему так мало?! В аптечке должно быть пять!

— Давно... не обновлял.

Он два с половиной года не вспоминал об аптечке. С того дня, как купил машину. Заботится о комплектности медикаментов? Зачем? Если что-то способно навредить высшему демону, регенератор и пластырь все равно не помогут.

Дженни часто заморгала, словно пытаясь отогнать слезы, а потом помотала головой.

— Ладно, — сквозь зубы прошипела она, вонзая шприц чуть выше ключицы. — Хотя бы это...

После регенератора в ход пошел анестетик, и раскаленная река боли чуть отступила, вынесла Раума на берег под хмурое осеннее небо.

Он лежал на камнях, рядом действительно бурлила река, полная не лавы, а холодной горной воды.

— Не поможет, — это получилось так тихо, что он сам едва услышал свой голос. — Я все равно уже труп.

Смерть была рядом. Ждала где-то в конце сплава по извилистой алой реке. Раум слышал ее тяжелое дыхание сквозь биение крови.

— Не говори ерунды, — Дженни забористо выругалась. Наверное, это прозвучало бы даже убедительно, если бы ее голос не дрожал.

— Ты знаешь, что я прав.

Он сфокусировал взгляд на ее лице, стараясь запомнить каждую веснушку, каждую милую

черточку. Гнев, за которым прячется страх, в упрямо сощуренных глазах. Налипшая на лоб темно-рыжая прядка. Лучше бы она улыбалась... Но и такой — насупленной, злой, испуганной — она была прекрасна.

Сквозь жар и марево бреда Раум улавливал обрывки ее эмоций и этого хватило, чтобы понять, каким идиотом он был с ней, и какими беспочвенными и глупыми были его страхи.

Обидно умирать молодым...

— Ты отдал мне щит?! — прерывающимся от слез голосом спросила девушка.

Демон утвердительно прикрыл глаза.

— Почему?

Потому что она — маленькая и слабая. Если у Раума был шанс выжить после такого падения, то у рыжей — точно нет. Она же почти человек, а люди — такие хрупкие создания...

Нет, в тот момент он не думал об этом. Не было времени действовать как обычно: все взвесить и обдумать, просчитать риски, принять максимально выгодное решение. Он действовал на инстинктах. Защищал самое важное.

Потому что жизнь без Дженни — не имеет вкуса и смысла.

— Просто... — он попытался улыбнуться, но очередная вспышка боли превратила улыбку в гримасу. — Тебе нужнее.

Дерьмово так подохнуть — погибнув даже не в драке с равным, просто в нелепой катастрофе. Но хорошо, что с рыжей все в порядке.

— Прости меня, — тихо сказал он.

— За что? — Дженни сняла с его лба тряпицу, отжала и снова смочила. Холодная влажная ткань легла на лоб. Хорошо...

— За то, что удерживал рядом. Что пытался увезти силой. Я не хотел, чтобы тебе сняли клеймо изгоя... думал, что тогда ты уйдешь.

— Я собиралась вернуться, — возразил дрожащий девичий голос. Раум попробовал покачать головой, но это действие отозвалось новой вспышкой боли, чуть было не швырнувшей его на середину багряной реки.

— Ты все равно...сбежала бы... — он со свистом втянул воздух, — в Вестфилд...

— Я бы осталась с тобой до конца контракта!

— До конца... контракта. А я хотел... просто до конца. Прости, маленькая, — впервые в жизни признаваться в своих настоящих чувствах было несложно и нестрашно. — Ты правильно сказала: я дурак. Боялся, что ты поймешь насколько нужна мне. Пытался привязать...

Почему только сейчас, на пороге смерти, становится ясно, что действительно было важным в его дерьмовой жизни?

— Я не должен был... так. С тобой нельзя силой, я знаю. Просто я очень испугался потерять тебя, Дженни-конфетка. Не знал, как буду жить без тебя...

Девушка всхлипнула.

— Прости... Я эгоист, Джен. Но ты и так это знала. Все демоны эгоисты.

Она склонилась над ним. Несколько горячих капель сорвались и упали на лицо. Чужое отчаяние отвратительно на вкус...

Неожиданная мысль заставила его выругаться сквозь зубы.

— Я ведь даже тебя в завещание не внес! Идиот!

А это значит, что Дженни не получит ничего. Мать пинками выставит ее из особняка, хорошо если подарки не отберет. А ей нужны деньги на учебу...

— Найди мне карандаш и бумагу, — приказал он, стараясь сосредоточиться.

Так, пальцы работают. Он сможет написать письмо Армеллину. Что бы ни случилось между ними раньше, кузен не откажет в такой просьбе. Раум сам бы не отказал.

— Точно идиот! — всхлипнула девушка над его головой. — Дурак, придурок, сволочь, демоняка хренов! Помирать он собрался?! Так я тебе и позволю!

Маленький кулачок с размаху ударил о камень, и Дженни зашипела — то ли от злости, то ли от боли.

— Это... не в твоей власти, — преодолевая слабость, он поднял руку, чтобы стереть слезы с ее щеки. — Бумагу, Джен.

Признание оглушило.

Дженни вглядывалась в бледное лицо мужчины, дарованного ей Луной, а в ушах еще звучали его слова: «До конца контракта. А я хотел просто до конца. Не знал, как буду жить без тебя».

Какой же слепой она была! Его внимание и ошеломительно дорогие подарки. Постоянное присутствие рядом и готовность всегда и везде решать ее проблемы. Забота и полное отсутствие других женщин рядом, несмотря на оговоренное в контракте «право налево».

Раум ее... любит?

А это значит... значит...

Ничего не значит, потому что он умрет здесь, у нее на руках, так и не успев стать ее мужем. Умрет, потому что она в своем идиотском упрямстве и гордыне не захотела увидеть очевидного пока ее не ткнули в это носом.

И потому что она его убила.

От этой мысли стало так плохо, что захотелось перекинуться зверем и завывать — тоскливо, безнадежно.

— Бумагу, Джен, — пальцы, раньше полные опасной силы, а теперь холодные и бледные, коснулись ее щеки, стирая слезы, и Дженни поняла, что уже давно плачет.

Она замотала головой, еле удерживая рыдания.

— Детка, — в слабом от боли голосе прорезались знакомые раздраженные нотки. — Обезболивающего надолго не хватит. Меня вырубит самое большее через десять минут.

Она вздрогнула, зацепившись за эти слова и посмотрела на него, как будто видела в первый раз.

Пробит череп — волосы на затылке спеклись в кровавую рану. Скорее всего, сотрясение мозга. Сломана левая рука — от этого не умирают. Сломан позвоночник, но современные лекари и не такое лечат. Тем более, демоны вообще живучая раса с невероятной способностью к регенерации.

Хуже всего — внутренние повреждения. Дженни даже примерно не может определить их серьезность. Сам Раум оценивает их, как смертельные, но он может ошибаться...

— Сколько... — голос прервался, но она сжала кулаки и закончила, — Сколько осталось?

Он верно понял вопрос.

— Часа три-четыре. Может, пять. Если бы не регенератор, я бы уже отчалил, а так придется задержаться.

Демона очень трудно убить. Будь у Раума полная аптечка, он получил бы несколько дней форы в этой гонке взапуски со смертью. Будь у Дженни постограф, она бы вызвала спасателей. Социальные службы в любом случае придут, чтобы разобрать завал, но когда это будет?

У Раума нет времени.

Мысли метались в поисках выхода, как мышь по лабиринту. Нет, это не может закончиться вот так — глупо, неправильно, по ее вине. Раум не умрет из-за ее глупости.

Дженни должна его спасти!

— Детка, хватит рыдать. Я сейчас держусь только потому что мне нужно оставить это долбанное письмо! Так что не тупи — найди мне что-нибудь, на чем можно писать.

Мысль, блуждавшая где-то в закоулках сознания, вырвалась. Вспыхнула подобно магическому светильнику, подарив Дженни надежду.

— У меня нет бумаги, — спокойно и твердо произнесла Дженни. — А если бы и была, я бы тебе ее не дала.

Она склонилась и коснулась губами его губ.

— Дождись меня! Я приведу помощь.

— Детка, — в его глазах вспыхнули страх и мольба. — Не глупи! Ты не успеешь. Останься... Посиди со мной... до конца! Пожалуйста.

Он произнес это так тихо и с такой тоской, что Дженни чуть было не разрыдалась. И почти усомнилась в принятом решении.

Что, если она действительно не успеет? Оставит его здесь, умирать в одиночестве, уйдет не попрощавшись, потому что прощаться — дурная примета.

— Здесь всего несколько десятков миль до жилья., - она погладила его по щеке. — Я приведу спасателей. Дождись меня, Раум. Выживи, и я отдамся тебе. Стану твоей любовницей, девушкой, подругой, женой. Кем сам захочешь.

Она встала. И почти бегом, не оглядываясь, чтобы не усомниться в правильности принятого решения, направилась к обрывистой стене каньона.

Глава 7

Шершавый камень обдирал ладони, сырой и чуть затхлый запах щекотал ноздри. Распластавшись подобно ящерице по стене, Дженни ползла вверх.

Подъем по отвесной скале без страховки выбил из разума все лишние мысли. Не осталось места для страха и нестерпимого чувства вины. Все силы уходили на то, чтобы верно выбрать выемку, куда поставить ногу, или камушек, который не вылетит, если за него ухватиться.

Она молодец, что догадалась подвязать юбку перед восхождением.

Дженни уже делала это раньше, в Синих горах. Но тогда рядом был Чарли. Страховал, придерживая второй конец троса, и Дженни знала, что, даже если сорвется, ничего страшного не случится. Повисит в воздухе, болтая ногами, потом друг стравит веревку и плавно опустит ее на землю.

Ползти не так сложно, если умеешь. Вскинуть руку, нащупывая в теле скалы трещину или выступ. Подтянуться. Поднять ногу в поисках опоры. Перенести вес. Снова вскинуть руку.

Главное: не смотреть на багряные на разломе скалы внизу. И не думать о том, что случится, если Дженни все же совершит ошибку и сорвется.

Она ошибалась дважды. Первый раз в самом начале: когда ухватилась за такой надежный с виду булыжник, торчащий из тела скалы. Булыжник на проверку оказался слежавшимся комом земли, а Дженни уже успела перенести вес.

Хорошо, что лететь было недалеко.

Вторая ошибка могла стать фатальной. Когда нога соскользнула по ненадежной опоре, и девушка повисла на руках на высоте почти два десятка футов, она уже думала, что все.

Несколько жутких мгновений над пропастью, пока ноги бесполезно скребут, в поисках хоть какой-то опоры. Дженни успела мысленно попрощаться со всеми, кого любила и попросить прощения у Раума за то, что не послушалась его.

А потом нога нащупала трещину, и Дженни замерла, вжимаясь всем телом в красный камень. Смерть прошла мимо, обдав шею ледяным дыханием.

Подъем закончился внезапно. Вскинутая рука наткнулась на пустоту. Дженни подняла голову и увидела перед собой дорогу, по правую руку перекрытую грудой камней. Она подтянулась и вывалилась на асфальт, глотая воздух, как ныряльщик, вернувшийся из темных морских глубин. По телу пробежала болезненная дрожь, исцарапанные пальцы сводило судорогой, а сердце громко колотило и бухало в груди.

Нет времени лежать и страдать!

Дженни одним рывком привела себя в вертикальное положение и принялась раздеваться.

— Дженни!

Бесполезно. Она ушла...

Бросила.

Но эта клятва...

«Выживи, и я отдамся тебе. Стану твоей любовницей, девушкой, подругой, женой...»

«Выживу, Дженни-конфетка, — пообещал Раум, закрывая глаза. — Ты стоишь этого».

Действие обезболивающего закончилось внезапно. И хлынули кроваво-красные волны, унося вниз по реке из жидкого огня.

Жар. Нечеловеческая боль. И слабость.

Бредовые отрывочные видения, в которых Раум куда-то бежал, пытался кого-то спасти, дрался...

Дрался с мантикорой. Языки пламени, оббивавшие голову хтонической твари подобно гриве,

жалили и жгли, когти разрывали чешую демона легко, словно она была бумажной. Раз за разом Раум проигрывал и падал под ноги бестии. Чувствовал, как острые клыки вонзаются в живот, и почти мечтал о скорой смерти, когда мантикора, урча, пожирала еще живую добычу.

Порой боль ослабевала. Демон выныривал из мутного кошмара навстречу белесому небу. Лежа на восхитительно прохладных камнях, вдыхал запах горной реки и гадал надолго ли его хватит.

Хрупкое равновесие в полушаге от смерти.

Нестерпимое предчувствие опасности выдернуло его из очередного витка бреда. Раум открыл глаза и едва успел вскинуть руку, прикрывая горло, когда из-за скал метнулась бурая туша.

Предплечье обожгло болью, мгновением позже проснулись рефлексy, и кожу сменила чешуя, защищая от укуса. Демон с яростью дернул рукой, и хищник откатился в сторону.

— Я еще не сдох, приятель, — прохрипел Раум, вспоминая, как называется этот зверь. — Придется подождать.

Низкий и косматый, похожий на медвежонка. Толстые лапы вооружены когтями, да и зубы... Демон скользнул взглядом по намокшему от крови рукаву. В прорехах ткани виднелись следы, оставленные клыками хищника.

Да, зубы тоже впечатляют.

Росомаха! Редкое животное. Можно сказать, повезло встретить.

Хищник тоже считал, что ему повезло. Он принялся, издал крик, напоминающий скрип несмазанной двери, и пошел в обход, явно прикидывая, с какой стороны лучше подобраться к опасной добыче.

— Не... дождешься, — выдавил Раум.

Чтобы его, высшего демона, сожрала какая-то куница-переросток!

Будь он чуть в лучшей форме, он бы уничтожил эту тварь легким движением руки. Но Раум был так слаб, что не смог бы даже выпустить когти в частичной трансформе. Все силы уходили на то, чтобы не подохнуть раньше времени.

Он дождется Дженни...

Росомаха медленно наворачивала круги возле умирающего демона. Она была голодна, а жертва так соблазнительно пахла свежей кровью. Но врожденный инстинкт подсказывал зверю, что, даже будучи при смерти, эта добыча может оказаться ему не по зубам. Поэтому хищник медлил, выискивал слабые места.

— Проваливай! — Раум попробовал приподняться, чтобы кинуть в росомаху камнем, но в глазах потемнело, и он испугался, что потеряет сознание.

Зверь снова застрекотал, а потом, словно почуяв, что левая рука у противника сломана, зашел с левого бока и бросился. Стремительно, без предупреждения.

Его встретил удар булыжника прямо в морду. С жалобным визгом хищник отлетел в сторону и отбежал за скалу. Раум снова откинулся на камни, пережидая багровые круги перед глазами. На губах демона застыла злорадная ухмылка — он точно слышал хруст. Кажется, удалось сломать наглой твари пару костей. Теперь она вряд ли рискнет сунуться.

Да тех пор, пока не будет точно уверена, что добыча мертва. А что потом?

Будь все проклято! Он не желает сдохнуть здесь, под равнодушным небом Маррейстоуна, на радость местным падальщикам!

Он выживет! Вытерпит, дождется Дженни... Она обещала, что вернется!

Она ведь вернется?

Прижав уши, высунув язык стремительным алым вихрем по горному серпантину летела волчица. Дорога сама стелилась под лапы, ветер подталкивал в спину. Миля за милей оставались позади, а волчица все так же мчалась, не снижая скорости.

Безумный спринтерский забег на марафонскую дистанцию.

Капли слюны срывались с высунутого языка, горели ободранные об асфальт лапы, воздух вылетал из пасти клубами пара и растворялся в стылой тишине. Хриплое со свистом дыхание разбивало беззвучье.

Но волчица не снижала скорости, рвалась вперед из последних сил, выжимая себя до предела.

Темно-красные в белых прожилках горы дремали, подставляя бока неяркому осеннему солнцу. И только рыжая тень с отчаянным упорством бежала вниз по дороге.

Отвоевывала минуты и мили в безумной гонке взапуски со смертью.

Нэд, почесывая затылок, разглядывал выцветшую вывеску "Последний приют».

И вот что, спрашивается, вздорной бабе не нравится? В свое время батюшка Нэда открыл здесь на развилке двух дорог — тогда еще грунтовых, по которым ходили конные повозки — постоялый двор. И много лет в «Последнем приюте» останавливались фермеры, везущие урожай в ближайший городок на продажу, и пассажиры рейсовых дилижансов. Никто на название не жаловался.

Ну да — понятно, что мир изменился. Маги научились ловить души хтонических тварей и сажать в кристаллы, лошадей сменили автомобили. Нынче и дорогу застелили асфальтом, и дилижансов, почитай, не осталось, и конные телеги у фермеров встречаются все реже.

Ритм жизни поменялся. Пронесется мимо на своих повозках, запряженных адскими тварями с такой скоростью, что где тут разглядеть старенькую гостиницу на обочине?! Потому и постояльцев стало меньше.

Но название тут точно ни при чем. И если эта дуреха еще раз заикнется, чтобы Нэд его сменил, он...

Он как рявкнет: «Молчи женщина или убирайся из моего дома!» да кулаком по столу стукнет.

Воображение тут же нарисовало вторую половину Нэда, недовольно поджавшую губы в ответ на подобную эскападу. Как наяву в ушах зазвучал насмешливый голос: «Ты что, совсем свихнулся?»

Нэд вздохнул. Нет, конечно, ничего такого он не сделает. Но хоть помечтать-то можно?

Он еще раз критически оглядел столб с приколоченным указателем на мотель. А в чем-то Мэри права — вывеску не мешало бы обновить. Отполировать, покрасить. Почитай, уже лет девять висит, совсем выцветла. С трассы и не разобрать, что там написано.

Покопавшись в ящике с инструментами, он извлек гвоздодер и, подойдя к столбу, примерился было к торчащей из дерева ржавой шляпке, как какой-то странный сиплый звук заставил его вздрогнуть и обернуться.

По узкой уводящей в горы дороге на Нэда неслась неведомая зверюга.

Больше всего она походила на гигантскую лису. Или огненно-рыжего волка, по пояс взрослому человеку в холке.

Волчище передвигался странными скачками, пошатываясь, как пьянчужка, который возвращается домой из паба. Взгляд Нэда скользнул по окровавленным лапам, перешел на покрытую пеной морду, вытянутый язык в потеках слюны...

Бешеный?!

Стало жутко.

С детской растерянностью Нэд наблюдал за приближением зверюги. Пальцы отчаянно стискивали гвоздодер, а ноги враз отнялись, как бывает в дурном сне, когда и хочешь сбежать, но сил нет сдвинуться с места.

Только когда волчище преодолел половину пути, Нэд заорал и отскочил в сторону. Но неудачно: запнулся ногой о камень и приземлился на пятую точку.

От падения вышибло дух, потянутая еще в юности спина отозвалась вспышкой боли, а

гвоздодер выпал из ослабевшей руки.

— У-у-у, — заскулил Нэд, предчувствуя скорый конец в клыках проклятой бестии.

Зверь вылетел на утоптанную площадку перед вывеской и отчаянно замотал головой, стягивая с шеи что-то вроде скатки из ткани. Нэд моргнул.

Скатка? У дикого волка на шее не может быть скатки...

Но сделать выводы он не успел, потому что жуткая зверюга замерцала, превращаясь в обнаженную девушку. Очень знакомую — всего-то часов десять прошло с того, как Нэд готовил ей завтрак и с удовольствием отвечал на расспросы о здешних местах.

— Авария! — прохрипела рыжая девчонка, вскидывая на Нэда безумный взгляд. — Обвал в горах! Нужна... помощь!

И потеряла сознание.

Глава 8

Смоченная водой прохладная ткань коснулась лица, обтерла лоб. Где-то над головой ворчливый женский голос выговаривал.

— Иди! Иди отсюда, старый! Нечего на девичьи сиськи пялиться! Знаю я, зачем ты тут торчишь.

— Да я же... — пытался возразить ему сконфуженный мужской.

— Иди, говорю.

Край жестяной кружки уткнулся в губы. Дженни открыла рот и в три глотка выхлебала всю кружку. Вода была восхитительно холодной и свежей.

А потом открыла глаза.

— Очнулась, — расплылась в улыбке смутно знакомая женщина. — Вот и хорошо. Что с тобой случилось, девочка?

— Я... — говорит было трудно, в горло словно репьев напихали. Дженни попыталась сесть и это действие отозвалось болью во всем теле. Особенно почему-то болели пальцы.

— Не торопись, — женщина отобрала у нее пустую кружку. — Еще воды?

— Нет! — девушка приподнялась и вцепилась в ее запястье. — Пожалуйста! Дайте постограф! Авария в горах... нужно вызвать спасателей!

— Какая авария, о чем ты, деточка?

— Обвал...

Взгляд упал на скатку из одежды рядом с кроватью. Дженни вскочила и пошатнулась от слабости. С губ невольно сорвался стон — измученный организм мстил за запредельное усилие. Но девушка только стиснула зубы и вцепилась в ткань опухшими пальцами, пытаясь распустить узел.

Нужно одеться... вызвать спасателей... вернуться к Рауму...

— Деточка, с тобой все в порядке? — опасливо поинтересовалась женщина, намекая отнюдь не на физическое состояние. — Ты головой, случайно, не стукалась?

— Нет, — прорычала Дженни. — Я не стукалась головой! Там, в горах сейчас умирает мой друг! Вызовете помощь или хотя бы дайте мне постограф!

Остаток вечера и ночь слились в какую-то мутную мешанину. Остались в памяти калейдоскопом, набором ярких вспышек и темных провалов, заполненных мучительным ожиданием.

Вот Дженни одевается. Вот находит хозяина мотеля и требует, чтобы он отправил под ее диктовку послание — самой ей не удержать стило в трясущихся и распухших после дикого бега пальцах.

Вот запрыгивает в пузатый фургончик службы спасения. Коротко и отрывисто излагает ситуацию медикам, пока автомобиль ползет вверх по горному серпантину.

Медленно, так невыносимо медленно.

Время утекает сквозь пальцы, Дженни вязнет в нем, как муха в сладком сиропе. Если бы это могло помочь, она бы обернулась и помчалась рыжей волчицей впереди фургона.

Вот фургон тормозит у перекрывшей дорогу груды камней. Мгновенный ужас, когда до Дженни запоздало доходит, что нужно как-то спуститься в каньон. И невыразимое облегчение, когда спасатели достают тросы и крепят их на краю обрыва, обеспечивая медикам комфортный спуск в люльке из веревок.

Изломанное тело на берегу реки. Дженни срывается и бежит, выкрикивая его имя, падает на колени рядом. И сердце замирает, перестает биться при виде слабой улыбки на побелевших губах. Демон шепчет: «Дженни-конфетка», а потом все расплывается.

Вот суетятся медики. Что-то выкрикивают, вкалывают регенератор, обмениваются короткими фразами сплошь из терминов, как будто на чужом языке. И Дженни по одной только озабоченной, но деловой интонации понимает, что дело худо, но не безнадежно. Они добрались, успели.

— Все с ним будет в порядке, раз уж дождался, — с усмешкой говорит немолодой врач-сильф. И качает головой в изумлении. — Надо же, какие живучие твари!

А Дженни даже не может сказать ему, что демоны не твари, потому что плачет. От облегчения, от пережитого ужаса. И от того, что теперь все будет хорошо.

Подъем носилок с привязанным телом на тросах — уже в глубоких сумерках. Долгая дорога до ближайшего города, обескровленное лицо Раума и медик, с невозмутимым видом, обрабатывающий перелом.

Огни фонарей, распахнутые ворота окружного госпиталя и двери операционной, которые захлопываются прямо перед ее лицом.

— Подождите здесь, девушка.

Последняя картинка: Дженни без сил опускается на стул. И темнота...

Первым, что Раум увидел, когда очнулся, был потолок. Дощатый, в потеках белой краски — он откровенно озадачил демона. Ни в Шейди Манор, ни тем более в его городской квартире на семнадцатом этаже элитного небоскреба в центре столицы подобного убожества быть не могло.

Раум повернул голову, увидел дремлющую на стуле Дженнифер и резко вспомнил все.

Собственную дикую злость, когда он узнал, что рыжая обвела его вокруг пальца. Сутки за рулем в стремлении перехватить беглянку.

Ночь в засаде: он действительно умудрился обогнать сладкую парочку почти на шесть часов. Затмевающая разум ярость, когда он увидел свою Дженни-конфетку рядом с этим ничтожеством Маккензи и представил чем они занимались прошлой ночью. Слова, сказанные под воздействием этой ярости, волна ответной тяжелой ненависти от рыжей...

А потом сразу обвал, падение, боль и осознание, что все кончено.

И ее обещание... Оно ведь не приснилось Рауму?

— Дженни, — окликнул он. Собственный голос не понравился. Слишком слабый, неуверенный.

Девушка вздрогнула и открыла глаза.

— Раум! Ты очнулся! Я позову доктора!

— Подожди...

Но она уже убежала.

Пришел местный врач в сопровождении медсестры и пришлось отвечать на дурацкие вопросы о самочувствии и терпеть сканирующие чары.

— Ну что же, у меня хорошие новости. Жить будете.

— Скажите мне что-нибудь, чего я не знаю, док, — скривился Раум.

Он, мать твою, демон! И если уж он не подох там, в каньоне, то понятно, что он будет жить! И не хуже, чем раньше — у демонов почти нет уязвимых точек. Даже оторванные конечности в теории могут прорасти обратно, если сразу после увечья обратиться к лекарю.

— Полное восстановление займет около месяца.

Дерьмо! Потерять целый месяц из оставшихся двух? Тогда можно сразу писать отцу, чтобы занялся подготовкой к свадьбе.

— Ближайшие две недели вам показан постельный режим, потом можно потихоньку вставать.

Отлично, еще и две недели на больничной койке!

— А побыстрее никак нельзя, док? Форсированное магическое лечение, например. Деньги не проблема, сами понимаете.

Тот нахмурился, пожевал губу.

— Можно, но я не рекомендую. ФМЛ — огромная нагрузка на организм, а ваш и так ослаблен, господин ди Форкалонен. Вас буквально оттащили от края бездны, и это не фигура речи.

— Ничего, — Раум криво ухмыльнулся. — Я справлюсь.

Собиравшая оборудование медсестра покосилась на демона с упреком.

— Только что из могилы вытащили, так снова хочет туда залезть. Ой, молодежь!

От этой фамильярности Раум несколько охренел. Настолько, что даже не сразу нашел достойный ответ. Никогда раньше служанки, медсестры или прочие люди из obsługi не осмеливались учить жизни будущего главу клана ди Форкалонен.

Провинция. Дикие люди, что с них взять?

— Это мое дело, — наконец, холодно ответил он, не желая впасть в откровенное хамство. Все же эта тетка была в числе тех, кто спас его жизнь, а демон умел ценить такие вещи.

Доктор все равно хмурился. Идея Раума ему определенно была не по душе.

— Вы знаете, что форсированное лечение накладывает ряд ограничений на образ жизни? Чары истощают регенеративный запас организма, поэтому в течение года вам категорически противопоказаны дуэли и травмы. Считайте, что на год ваши возможности по самоисцелению будут приближены к человеческим. Кроме того, не рекомендуется подвергаться воздействию стационарных магических полей или слишком активно расходовать магический резерв. При нарушении вам грозит слабость, потеря сознания, изнурение и даже энергетическая дистрофия — в зависимости от силы воздействия.

Демон фыркнул.

— Я это переживу, док. Главное: как можно скорее поставьте меня на ноги. И еще: позовите Дженни... Девушку, которая здесь сидела.

— Думаю, ее и звать не нужно, — врач улыбнулся и открыл дверь. С кровати Раума отлично было видно, как рыжая ойкнула и отскочила, потирая лоб. — Госпожа Маккензи, — он погрозил пальцем. — Разве родители не учили вас, что приличные леди не подслушивают?

— Извините, — выдавила девушка, и бочком юркнула в палату.

Целитель, повинувшись требовательному взгляду пациента, вышел. Медсестра последовала было за ним, но задержалась в дверях, чтобы подмигнуть Рауму.

— Она провела у вашей постели три дня, — театрально-громким шепотом сказала женщина, указывая на Дженни. — И мы еле уговорили девочку уйти ночевать в гостиницу. Вы счастливчик, молодой человек.

Раум открыл было рот, чтобы одернуть зарвавшуюся тетку, но перевел взгляд на Дженни, и почему-то сказал.

— Я знаю.

Девушка выглядела измученной. Под глазами залегли тени, лицо осунулось, а под халатом виднелось то самое дешевое серое платье, в котором она садилась в его машину — трое суток и вечность назад.

Дверь за медиками, наконец, закрылась, оставляя демона наедине с его волчицей. И он, никогда не страдавший стеснительностью, вдруг понял, что не знает, с чего начать этот разговор.

Разве что сказать ей, какая она красивая. Несмотря на следы усталости на лице и растрепанную бронзу волос. Красивей женщины он не встречал.

Она шагнула к постели.

— Как ты?

— Как парень, который только что возвратился из турпоездки на тот свет, — он вернул ей улыбку — такую же робкую и неуверенную, какая замерла на ее губах. И подумал, что понятия не имеет, как теперь с Дженни общаться. Теперь, когда признал насколько она важна — важнее всех вещей в этом мире. Теперь, когда он должен ей свою жизнь, а это не тот долг, о котором демон способен забыть.

Не делать же вид, что ничего не произошло.

— А ты, детка? Хреново выглядишь.

— Да нормально, — она растерянно пожала плечами, словно не задумывалась о своем самочувствии до того момента, пока он не спросил.

— Подойди.

Она пристроилась на краешке кровати. Раум поднял руку и коснулся ее щеки, и Дженни замерла, глядя на него широко распахнутыми зелеными глазами. На белой коже отчетливо выделялись веснушки, вызывая дурацкую нежность и желание перецеловать каждую.

— Спасибо, — тихо и очень серьезно сказал он. — И прости.

— Это я уже слышала, — она слабо улыбнулась и накрыла его ладонь своей, прижимая к щеке. Теплые всполохи облегчения и нежности затопили палату.

— Когда? А... точно!

Он говорил ей что-то такое. Там, в каньоне балансируя в полушаге от багровой огненной реки. Он много чего тогда нес, ошалев от болевого шока и призрака скорой смерти.

— И что ты тогда ответила? Я не помню. Простила?

Девушка пожала плечами и смущенно улыбнулась.

— Я тоже не помню. Весь тот день урывками, — беспомощно сказала она.

— Но ты не злишься?

— Нет... — теперь в ее ауре зазвучали нотки вины и страха. — Но... Раум, я тоже виновата.

— Конечно, виновата! Ты сбежала от меня с Маккензи, — полушутливо заметил он.

Ответом стала короткая вспышка раздражения.

— Нет! Этот обвал... Я почти уверена, что это я его вызвала! — выпалила Дженни и зажмурилась.

— Э-э-э...

— Понимаешь, я на тебя ужасно разозлилась, просто нечеловечески, — торопливо заговорила рыжая. — И очень захотела, чтобы с тобой случилось что-нибудь... плохое. Но я не хотела аварии, — она распахнула глаза и жалобно заглянула в его лицо. — Это... просто эмоции.

— Детка, что ты несешь? — Раум посмотрел на нее со снисходительной лаской. Вот ведь дурочка: чего надумала. — Может, ты у нас маг-стихийник со специализацией на земле седьмого года обучения, а я и не в курсе?

— Нет.

— И не помню, чтобы ты чертила гексограмму в машине или читала призыв к элементалям.

— Понимаешь...

— Что, все-таки чертила, а я не заметил?

— Да нет же! — она покраснела и разозлилась, но это было лучше, чем виноватый собачий взгляд. — Просто эти горы... они как будто разговаривают со мной.

— Детка, с такими заявлениями лучше к мозгоправу.

— Я говорю серьезно!

— Я тоже. Ладно, ладно! — он вскинул руки, прекращая глупый спор. — Даже если этот обвал случился по твоей вине, я не сержусь. Признаю честно: я вел себя, как полный ублюдок. Так что ты все правильно сделала. Опять же: насколько я помню, то ты потом вытащила мою задницу из «Манतिकоры». Было?

— Было.

— А еще ты мне кое-что обещала, — медленно произнес Раум, не отрывая взгляда от ее губ. — Было?

Он бы понял, пожелай она пойти на попятный и не стал бы настаивать: он и так был ей кругом должен. И уже твердо решил, что никогда больше не будет ее принуждать. Ни к чему. Ни силой, ни хитростью.

Дженни не заслуживает этого.

— Было, — тихо сказала девушка. На девичьих щеках вспыхнул слабый румянец. — И я не отказываюсь от своего слова. Только... Раум, пожалуйста. Мне очень нужно к шаману! Я хочу снять печать.

После этих слов он отчего-то почувствовал себя настоящим подонком. Какое паскудное ощущение — словами не передать!

Нельзя было запрещать ей эту поездку. Как бы он ни хотел владеть рыжей целиком и безраздельно, семья важна для нее. Лишать девчонку клана — неправильно и просто подло.

— Конечно, Дженни-конфетка. Но если это терпит хотя бы пару дней — подожди. Я хочу сам отвезти тебя.

Глава 9

Ох уж эти демоны! Только-только в себя пришел, а уже распоряжается!

— Но...

— Никаких «но», детка! Ты сейчас же отправляешься в гостиницу. Считай, что я твой доктор и я прописал тебе душ и здоровый двенадцатичасовой сон.

— Доктор? — Дженни сложила руки на груди и смерила его — лежащего в постели, обмотанного бинтами — выразительным взглядом. — Ты ничего не путаешь?

Он ухмыльнулся.

— Неа. А за тем, как ты выполняешь рекомендации проследит Бетти.

— Кто такая Бетти?

Бетти оказалась массивной тролльшей-санитаркой, которая нарисовалась в палате и чуть ли не силком увела Дженни.

— И платье смени, — посоветовал Раум, когда она замешкалась в дверях, раздумывая не возмутиться ли таким самоуправством. — Ты в нем похожа на облезлую ворону.

Взглянув на хмурое лицо санитарки, Дженни решила, что поднимать скандал преждевременно. С этой великанши станется перекинуть ее через плечо и унести. Да и другие врачи не обрадуются воплям в хирургическом отделении.

— Иду я, иду! — буркнула она, тщетно пытаясь высвободиться из стальных ручищ. — Не надо меня тащить!

И когда Раум успел сговориться с тролльшей, демоняка хренов?! Неужели за те пятнадцать минут, пока Дженни отбегала перекусить в ближайшее кафе?

Нет, сон совсем не помешал бы. За эти три дня Дженни спала урывками по полчаса-часу, и чаще сидя. Она и сама понимала, что вымотана до предела, но нервное напряжение гнало вперед, не отпускало, не давало просто остановиться выдохнуть. Хотя с момента спуска медиков в каньон от нее уже ничего не зависело.

Санитарка усадила Дженни на такси и отвезла в гостиницу. Не ту — ближайшую к госпиталю дешевую ночлежку, где Дженни прошлой ночью спала аж шесть часов. Этот отель находился в самом центре города и был обставлен с претензией на роскошь. Этаким провинциальный шик в стиле поздней Республики — гобелены, портьеры, мраморные колонны. Правда, все потасканное, пыльное, а портьеры еще и траченные молью, но если не приглядываться, смотрится более чем достойно.

— Императорский люкс, — пробасила тролльша на ресепшене.

Ну конечно, императорский люкс! Чтобы Раум ди Форкалонен снял что-нибудь скромнее, даже если номер ему нужен исключительно чтобы поспать часов десять?! Да ни в жизни!

Но несмотря на собственное ворчание Дженни не могла не признать: ощущать заботу демона было очень и очень приятно.

Вредная тетка на этом не успокоилась. Она поднялась с Дженни в номер и проследила, чтобы та приняла душ. Вытащив неожиданно осоловевшую девушку из ванной, тролльша уложила ее в постель и скомандовала.

— Спи.

«А вот фиг тебе, чудовище! Времени только семь вечера. Сейчас ты уйдешь, а я встану и займусь своими делами», — подумала Дженни, закрывая глаза.

Когда она их открыла, было уже светло. Солнечные зайчики плясали на стенах, отделанных резными деревянными панелями. Тело переполняла энергия, а еще зверски хотелось есть.

Взгляд упал на часы, Дженни охнула и вскочила. Почти полдень?! Как же так... это сколько же она проспала?!

«До двух дня тебя в больницу все равно не пустят, у меня восстановительные процедуры. Так что не кипеши. Позавтракай, пройди по магазинам. Я тут немного денег подкинул на карманные расходы, можешь тратить без стеснений», — записка, написанная очень знакомым угловатым почерком, ждала ее на тумбочке. Рядом с ней скромно мерцал матовый экранчик нового постграфа. Дженни включила его, бросила взгляд на входящие сообщения и охнула. Письмо от Национального Имперского Банка извещало, что на ее имя заведен счет, на который перечислен миллион золотых.

Сколько-сколько?!

Она поморгала. Протерла глаза, еще раз пересчитала нули. Ну да, все правильно. Миллион и ни ноликом меньше.

Дичь какая! Сумма была настолько несуразно огромной, что поверить в нее не получалось. Тем более не получалось воспринять ее как деньги. Просто семь цифр.

На карманные расходы, да?

Дженни неожиданно разозлилась. Переведи ей Раум пару сотен (тоже не такие маленькие деньги, можно купить несколько платьев, пальто, белье и всякие необходимые для жизни мелочи вроде дезодоранта и носового платка) она бы приняла их с благодарностью. Такие «карманные расходы» были понятны. И взять не зазорно, и, случись что, Дженни всегда сможет их вернуть.

Но миллион, выданный «на карманные расходы», заставил ее остро почувствовать себя ущербной. То ли от самой цифры, то ли от формулировки.

— Ни медяшки не возьму! — поклялась она себе.

И все же купить одежду было необходимо. И без того неказистое серое платье за эти дни превратилось в совершеннейшую тряпку. И поскольку сменного у Дженни не было, от него уже довольно ощутимо пахло. Да и пальто не помешало бы. Прежнее так и сгорело в машине, вместе с остальными вещами.

К счастью, на старом счету Дженни все еще хранилось чуть меньше тысячи монет. Так что хватило и на завтрак в кофейне, и на новое темно-синее платье, и на белье, и на сумочку.

Ничто не лечит нервы так, как хороший шопинг. К тому моменту, как Дженни высаживалась из такси у ворот гостиницы, ругаться из-за навязанных денег ей совершенно расхотелось. Вместо этого, появилось предвкушение: быстрее бы увидеть беловолосого демоняку, обнять его, убедиться, что все в порядке.

Вид у Раума был неважный. Он еще больше осунулся по сравнению со вчерашним днем, глаза горели лихорадочным блеском, а кожа, когда Дженни коснулась его лба показалась ей неестественно горячей и сухой.

— Что с тобой?

— Все хорошо.

— Не ври мне, — она опустилась на край кровати и с упреком посмотрела на него. — Ты бы себя видел.

Демон скривился.

— Детка, я на форсированном магическом излечении. Это не очень приятная процедура. И красоты она не добавляет. Но я действительно в порядке. Это временно.

— Я слышала, что ФМЛ — это очень вредно.

Он пожал плечами:

— Если соблюдать рекомендации, то не особо. Мне нельзя будет какое-то время подвергаться воздействию сильных магических полей и драться, в остальном противопоказаний нет. Хватит об этом. Иди ко мне!

Он приподнялся, обнял Дженни за талию и привлек к себе. Не ожидавшая такого девушка

повалилась на постель. Раум вдруг оказался рядом, совсем близко. Сквозь тонкую ткань больничной пижамы и шерсть платья она чувствовала лихорадочный жар его тела. Ладони стальным капканом сомкнулись на талии.

— Дженни, — выдохнул демон.

— Не здесь же, — вяло попробовала возразить она. Больше для приличия. А руки уже сами обвили вокруг его шеи. Снова вспомнился испытанный в каньоне невозможный ужас. От мысли, что она могла потерять Раума навсегда девушку затрясло. Она прижалась плотнее, уткнулась лбом в плечо.

— Не здесь, — согласился он. — Просто полежи рядом. Я сейчас все равно на большее неспособен.

Сухие и горячие губы коснулись щеки, спустились ниже и замерли на шее. Там, где под тонкой кожей билась жилка.

— А меня не прогонят за то, что я на кровать в одежде?

— Пусть только попробуют, — Раум усмехнулся. — Не переживай. После того как главврач узнал размер пожертвования, которое я собираюсь внести на счет больницы, никто не вякнет, даже если я решу устроить тут пьяную оргию с девками.

Она фыркнула и беззлобно ткнула его кулаком в плечо.

— Никаких девок!

— Как скажешь, — покладисто кивнул демон. И подвинулся, освобождая место на кровати, — Залезай.

Дженни помедлила, но потом плюнула на все, разулась и легла рядом.

— Ты горячий, — заметила она, осторожно обнимая его.

— Угу. Регенерация идет полным ходом. Думаю, послезавтра смогу сесть за руль.

Он снова поцеловал ее — осторожно и очень нежно в уголок губ. Провел пальцем, очерчивая линию скулы, подбородок.

— Здоровый сон пошел на пользу, ты больше не похожа на панду, Дженни-упрямица.

— Да уж, — она фыркнула. — Твоя Бетти — настоящее чудовище.

— Весьма исполнительное и понятливое чудовище. Она передала мой подарок?

— Угу, — Дженни нахмурилась. Ей не хотелось нарушать чудесную атмосферу уединения и близости, но этот вопрос требовал прояснения. — Раум, я не возьму этих денег!

Это ему не понравилось.

— Почему?

— Потому что это неправильно. И... это слишком большая сумма.

— Слишком большая? — он скривился. — Детка, не смейся меня.

— Да, большая. И не делай вид, что это не так. Я знаю, что твоя «Мантикора» стоила столько.

— Моя жизнь точно стоит больше.

Дженни вспыхнула.

— Но я спасла ее не ради награды! Раум, заведи эти деньги.

Он покачал головой.

— Нет. Я не забираю подарки.

— Я не возьму их.

— Значит, пусть лежат, — демон ухмыльнулся. — Там на вкладе неплохой процент.

Не обращая внимание на ее возмущение, он притянул девушку ближе и поцеловал в макушку. И снова Дженни растаяла, не в силах злиться на него — такого близкого и родного. Вид сильного мужчины на больничной койке будил в ней какие-то материнские чувства, и если бы Раум с самого начала не пресек подобные поползновения, она бы уже прыгала тут, разыгрывая курицу-наседку.

Но демон, даже едва оправившись от смертельной травмы, умудрялся заставлять окружающих плясать под его дудку.

— Как с ней сложно, — пожаловался Раум в пространство непонятно кому. — Другая давно бы воспользовалась возможностью разорить меня, но не Дженни-я-презираю-твои-деньги.

Девушка невольно захихикала.

— Я не презираю. Просто мне не надо чужого.

— Они твои, — и он поцеловал ее, заглушая поток новых возражений.

По телу прокатилась теплая волна, Дженни прижалась и ответила, вкладывая в поцелуй всю свою любовь к нему — такому вреднючему, упрямому, наглomu и замечательному.

— Моя! — пробормотал демон, оторвавшись от ее губ.

— Твоя, — с грустной улыбкой согласилась Дженни.

Она обещала себя ему. И отказываться от своего слова не собиралась.

Возмущенный вскрик со стороны двери заставил девушку вздрогнуть и обернуться.

У входа в палату стоял Чарли. На лице оборотня читалось такое праведное негодование, что Дженни на мгновение ощутила себя виноватой.

Она снова позабыла про него. За эти безумные три дня пока местные врачи оттащивали Раума от края бездны, ни разу даже не вспомнила о друге, оставшемся на горной дороге по ту сторону обвала. Нехорошо-то как.

— Чарли, — пробормотала она, и попыталась подняться, но Раум стиснул ее крепче, привлек к себе и с вызовом уставился на оборотня.

— О, как мило. Малыш Маккензи пришел меня навестить. Апельсины принес?

— Дженни... ты с ним?

Она вздохнула. Ну почему он снова начинает этот разговор?

— Да, я с ним, Чарли.

Раум, ободренный этими словами, чуть ослабил объятия, но Дженни не спешила покидать его кровать.

— Как ты могла?! Мы же... ты же... Ты ведь сбежала от него.

— Маленькое недоразумение, — насмешливо заметил демон. — Знаешь, влюбленные иногда ссорятся.

Его рука демонстративно легла на ягодицу девушки, но вместо того, чтобы возмутиться Дженни вдруг обмякла и глупо улыбнулась.

Он сказал «влюбленные». Пусть даже косвенное, но это признание. Первое признание, которое она услышала от Раума. Даже там, в каньоне, он не сказал ей этого прямо. Три коротких слова, за которое она готова была отдать душу.

— Вот ты какая?! — теперь в голосе Чарли звенела вселенская обида. — Я тут... ради тебя согласился на такое. А ты... Потаскуха! — это слово он буквально выплюнул и Дженни дернулась так, будто ее ударили.

— Та-а-ак, — мрачно протянул Раум. — Сейчас я кому-то вырву его грязный язык.

Демон отстранился от Дженни и приподнялся, собираясь встать.

— Нет! — девушка вцепилась в него. — Раум, ты с ума сошел?!

Он псих! Драться на второй день после того, как пришел в себя?! Находясь под форсированным магическим лечением?! Да он до Чарли даже не дойдет — по дороге свалится!

Демон был настолько слаб, что она без труда утянула его обратно на кровать.

— Уходи, — прошипела Дженни, поворачиваясь к все еще мнущемуся в дверях оборотню. — Сейчас, немедленно! Или я позову охрану!

Хорошо, что он послушался, иначе она не погнушалась бы встать и вышвырнуть его вон из палаты.

Глава 10

Знакомство с потенциальным женихом пришлось отложить. Билеты были уже куплены, все дела отменены и Кари с Брайаном сидели на чемоданах, когда пришло сообщение от родных: в горах случился обвал, единственную дорогу засыпало и расчистят не раньше, чем через три дня.

— Я уже начинаю ненавидеть этого твоего Маккензи, — скорбно поделился Брайан с Кари. — Вот не мог он сделать тебе предложение на каникулах?

Да, у брата все-таки не получилось отвертеться от поездки. Когда речь заходила о настоящем важном деле заставить маму отменить ее планы не смог бы даже совет вожаков. И поскольку помолвка младшей дочери, по мнению Эрны Маккуин, относилось как раз к таким вещам, никакие ссылки на учебу и грядущую сессию не принимались.

Кроме того, разве можно допустить, чтобы несчастная, слепая и беспомощная девочка ехала в поезде совершенно одна! Какой кошмар, ее же там изнасилуют, обворуют или украдут в гарем султана. Или даже все сразу.

— Не мне одной страдать, — злорадно хмыкнула девушка.

Брат надулся.

— Вот увидишь: этот Маккензи окажется каким-нибудь уродом, — пообещал он.

— Если так, то с его стороны очень мудро выбрать слепую жену.

— С визгливым голосом и мерзким запахом.

— Безрадостная картина, — весело согласилась Кари. — Тетка Ванда явно меня ненавидит, если подобрала такого мужа.

Вообще-то, с теткой у нее действительно были трения — Кари отказалась учиться у нее, чтобы занять место шамана в будущем. Но это не повод подбирать в мужа упрямой племяннице мерзкое страховидло.

После матушкиного письма прошла неделя, было время подумать. И по зрелому размышлению, Кари решила, что помолвка не такая плохая идея. По крайней мере, мама точно отвяжется от нее с замужеством. А свадьбу все равно по волчьей традиции отложат до того момента, пока будущий супруг не закончит академию, то есть четыре года у нее в любом случае будет. И желание быть поближе к жениху — прекрасное оправдание для окончательного переезда в столицу.

И может, сам Чарльз ей понравится? Сокурсники отзывались о нем, как о неплохом честном парне с достаточно широкими для оборотня взглядами.

Короче, прежде чем категорически отказывать, стоит сначала принюхаться.

Время в дороге прошло с пользой. Кари дочитала учебник по теории магических потоков и почти успела сформулировать список вопросов, которые собиралась задать преподавателю. Нельзя всю жизнь выезжать на уникальном видении магии, надо осваивать теорию.

А на вокзале уже ждал дядя Патрик.

— Мелкая! — весело загудел он. Подхватил Кари на руки — легко, слово ей по-прежнему было пять лет — и подкинул в воздух, заставив взвизгнуть. — Похорошела-то как! Всем парням на погибель! Жених твой глаз отвести не сможет!

Кари поцеловала его в колючую щеку, обняла за шею, наслаждаясь детским ощущением покоя и безопасности.

— А ты видел моего жениха, дядя Патрик? Какой он?

— Не видел. Я как поехал закупаться для фермы, так застрял. Дорогу только сегодня утром расчистили, — он опустил девушку на землю, пожал руку Брайану. — Не бойсь, мелкая! Эрн плохого мужа не выберет.

— Дядь Патрик, а где твой пикап? — подал голос брат.

— Да на сервисе, — голос мужчины стал немного смущенным. — Подвеска барахлит, я и решил: раз уж все равно застрял тут, отгону в мастерскую. Теперь забрать надо.

— Это ведь на другом конце города? — уточнила Кари. — Можно я с вами не пойду?

День был погожий, и при других обстоятельствах она не отказалась бы прогуляться, но сейчас, пока прочитанный учебник был свеж в памяти, пальцы горели от желания завершить работу.

— Ну, если с тобой братец останется...

— Вот еще! — возмутился Брайан. — Делать мне нечего.

— Ну уж нет! — не менее горячо поддержала его Кари. Хватит и того, что брат всю дорогу мотал ей нервы и отвлекал разговорами. — Брайану вредно сидеть на одном месте, у него тогда вся кровь приливает к ягодичным мышцам, и думать он начинает именно этим местом.

Брат возмущенно запыхтел, явно обдумывая ответную гадость.

— И что: будешь сидеть одна на вокзале? Ты в своем уме, мелкая? Тут же шушеры всякой полно, жуликов!

На самом деле большую часть суток провинциальный вокзал небольшого городка был абсолютно пустым, если не считать скучающего в билетной кассе продавца. Но некоторые вещи старшему поколению объяснить проблематично.

— А я в кофейне подожду! — нашлась Кари. — Тут недалеко.

Чарли стискивал кулаки и шагал, не разбирая дороги. В душе все кипело от ярости и обиды.

Он отказался от права зваться вожаком, чтобы защитить Дженни. Бросил на полтора месяца учебу, чтобы спасти ее доброе имя в глазах соплеменников. Отправился в эту богиней забытую дыру, чтобы уговорить старую ведьму помочь. Согласился повесить себе ярмо на шею в виде слепой девицы.

Все, все ради Дженни. А она что? А она в это время развлекается с богатеньким мажором! Валяется с ним на одной кровати в больнице, чуть ли не трахается на глазах у персонала!

А про Чарли вспоминает, только когда у нее проблемы.

Интересно, вот как она запоет, если он сейчас возьмет билет на поезд и уедет?! Просто исчезнет, не объясняя ничего, не обсуждая. Он бы посмотрел, как Дженни будет разговаривать с шаманкой без него, с удовольствием послушал, как вредная старая гримза пошлет просительницу.

От злых мыслей невольно стало стыдно, и оборотень замедлил шаг. Он понимал, что никуда не уедет. Пока дорожные службы разбирали завал, Маккуин принимали его, как своего. Как будто он уже успел обменяться кровью с младшей дочерью вождя.

Волк — хозяин своему слову. Обещал, значит, должен жениться.

Просто... так хотелось, чтобы его жертву оценили. Чтобы подруга детства поняла, как много он сделал для нее, чтобы хотя бы поблагодарила от души, а не кивком головы с таким видом, словно ей не очень-то и хотелось снять клеймо.

И как же хотелось, чтобы Дженни признала, что он был прав насчет ди Форкалонена. Что вся эта отвратительная, глупая ситуация по ее вине — она отказалась выйти замуж, превратила себя в изгоя и лишила клан наследника. А надо было слушать, когда Чарли предупреждал по поводу демона!

Он замедлил шаг, достал платок и громко высморкался. Еще и насморк в этих горах подхватил. Оборотень в соплях — кому скажешь, засмеют.

Обида постепенно отпускала и Чарли, задавшись вопросом куда он идет, завертел головой. Улица показалась ему смутно знакомой. Кажется, он проходил здесь уже не в первый раз.

Так, надо передохнуть. Посидеть в какой-нибудь забегаловке, успокоиться и подумать, как действовать дальше.

На глаза попала вывеска с дымящейся чашечкой. Кофейня — прямо как на заказ! Оборотень

толкнул дверь и шагнул внутрь.

Глава 11

Долго сидеть в палате Дженни не дали. Всего через десять минут после ухода Чарли явился врач. И под предлогом того, что больному на форсированном излечении нужно спать как можно больше, выставил Дженни вон.

— Подождите два дня и сможете целоваться хоть круглые сутки, — категорично заявил он, и девушка согласилась. Целителю виднее.

На выходе из больницы она подскользнулась и непременно бы упала, если бы ее не подхватил проходящий рядом мужчина.

— Спасибо, — пробормотала Дженни.

Мужчина ничего не ответил. Только смерил ее цепким и неприятным взглядом, скривился и отшатнулся, словно она была прокаженной.

— Доктор Макмиллан, — окликнула его девушка, сидевшая за стойкой администратора, — Вас искал главврач.

Доктор? Странно, этот тип не слишком-то походил на доктора. Слишком ухоженный, с отпечатком столичного лоска. Дорогой костюм из шерсти, запонки, крутые часы — все в его облике кричало о достатке. Редкость для провинциального врача.

— Сейчас подойду, — буркнул он и зашагал по больничному коридору, ускоряя шаг.

Девушка помотала головой. Неприятный тип. Хорошо, что с Раумом работали совсем другие доктора.

Возвращаться в отель не хотелось, поэтому она устроилась за столиком в симпатичной кофейне недалеко от вокзала. Но не успела отхлебнуть кофе, как звякнул колокольчик над дверью, и в зал вошел Чарли.

Дженни напряглась. Последнее, чего ей сейчас хотелось — это выяснять отношения. Оборотень при виде нее замер и даже сделал шаг назад, словно собирался сбежать. Но почти сразу растерянность на его лице сменилась решимостью и он направился к девушке.

— Ты преследуешь меня? — мрачно спросила Дженни, когда он опустился на соседний стул.

— Я понятия не имел, что ты здесь! — его поза, лицо и даже голос выражали обиду, но девушка вдруг поняла, что ей плевать.

Он назвал ее потаскухой! По-хорошему, за такое морды бьют.

Повисла неприятная пауза. Подошла официантка, чтобы принять заказ.

— Кофе. С молоком, — не заглядывая в меню буркнул оборотень. И принялся сверлить Дженни взглядом.

— Чего тебе нужно? — спросила она, когда официантка отошла.

— Поговорить, — выдал Чарли. И, противореча сам себе, замолчал. Девушка вернулась, сгрузила с подноса чашку кофе. Оборотень понюхал ее, скривился и отодвинул. Достал несвежий платок и громко высморкался.

— Ну?! — не выдержала девушка.

Его, наконец, прорвало. Чарли заговорил.

— Знаешь, когда ты написала с чужого постографа, что тебе нужна помощь, я не стал оправдываться тем, что у меня учеба, дела, планы. Сразу снял все деньги со счета, купил билеты. А до этого месяц мотался по твоим делам: собирал совет клана, искал шамана...

По ее делам? Дженни захотелось издевательски рассмеяться. Ну да, разумеется, сам Чарли тут ни при чем и не имеет к ее изгнанию никакого отношения!

— Это очень благородно с твоей стороны.

— Я проникся твоим положением, — все больше заводясь, вещал друг. — Рисковал, чтобы

спасти от ди Форкалонена. А я ведь говорил, я предупреждал, что тебе не стоит связываться с ним!

Девушка закатила глаза.

— Не начинай!

Но Чарли было уже не остановить...

Вдохнув ароматы кофейни Кари чуть было не сбежала.

Нет, пахло тут очень приятно. Свежим кофе и горячим шоколадом, корицей, кардамоном и ванилью. К запахам напитков и специй примешивался еле ощутимый, но восхитительный запах свежей выпечки. Ароматы изумительно гармонировали друг с другом и с наполнявшим пространство кофейни звуками — позвякивание ложечки о фарфор, скрип подвигаемых стульев, шорох джезвы, скользящей по горячему песку, негромкие разговоры...

Но для чувствительного носа волчицы такая интенсивная атака оказалась непосильной. Кари, привыкшая во многом «видеть» окружающий мир посредством обоняния, ощущала себя беспомощной.

Но дядя Патрик уже тащил ее вглубь зала, и девушка решила, что ничего страшного за полчаса без обоняния в кофейне с ней не случится.

— Вот, мелкая, — постановил он, отодвигая для нее стул. — И чтоб отсюда ни ногой, пока мы не вернемся!

— Конечно, — заверила она родственника. И достала планшетку и шило.

Минут десять Кари с удовольствием работала, а потом парочка за соседним столиком начала выяснять отношения. Громко и весьма эмоционально.

Сосредоточиться на письме стало просто нереально. В условиях напрочь забитого запахом кофе обоняния слух особенно обострялся, улавливая малейшие вздохи и оттенки интонаций.

Парень — судя по голосу совсем молодой, не старше Брайана — высказывал претензии, упрекая подругу в неблагодарности. Девушка не только не раскаивалась, но и явно еле сдерживалась, чтобы не послать благодетеля по известному адресу.

Подслушивать нехорошо, и Кари с удовольствием бы этого не делала. Если бы они догадались говорить потише, а лучше в другом месте.

— Да ты знаешь, на что мне пришлось согласиться, чтобы уговорить шамана снять с тебя печать?!

— Нет.

— Я должен буду жениться на инвалиде! — с упреком воскликнул парень. — Какая-то слепая от рождения девица!

Кари вздрогнула. По спине пробежал неприятный холодок.

— Ее родня хочет, чтобы я переехал к ним в клан и день-деньской вытирал ей сопли, ты можешь это представить!

Не бывает таких совпадений! Или бывает?

Сейчас, когда беседа превратилась из абстрактной ссоры двух совершенно неизвестных индивидов, в разговор, касающийся Кари, правильно было бы обозначить свое присутствие. Но вместо этого девушка вся обратилась в слух.

— Я предлагал шаману деньги, услуги, но она ни на что не соглашалась. Или я женюсь или ты так и остаешься изгоем. И я согласился! Пошел на это ради тебя! А ты...

— А что я? — растерялась неизвестная девица.

— Сначала, когда до цели остается всего полчаса ты все бросаешь и уезжаешь с ди Форкалоненом! Потом этот обвал! Я два дня места себе не находил, пока его не разобрали. Вынужден был общаться с будущими родственниками, и делать вид, что все в порядке. А знаешь, какая надоедливая у нее родня! Особенно моя будущая теща: она решила собрать на

помолвку весь клан. Все эти бесконечные семейные обеды, общение с вдовыми троюродными тетками внучатых племянников!

Кари стиснула кулаки, чувствуя, как на смену благодушию приходит холодная трезвая злость.

Да, ей ли не знать, какими надоедливыми умеют быть ее родичи, особенно мама? Но что бы этот типчик ни думал о них, он не имел права обсуждать их в подобном тоне! Тем более с какими-то посторонними девицами!

За одно мгновение вся благожелательность к жениху, которую Кари взращивала в себе целую неделю, обратилась в ничто, а Чарльз Маккензи занял одно из лидирующих мест в ее личном рейтинге неприятных субъектов.

— Я думал, с ума сойду. Переживал как ты, гадал что этот подонок с тобой сделал. И вот, наконец, завал разобран, дорога восстановлена, я под каким-то дурацким предлогом уезжаю от Маккуинов, нахожу тебя. И что я вижу?! Ты! С ним! Целуешься!

Итак, еще веселее. Спасибо тебе, дорогая тетя за этот сомнительный подарочек. Можно подумать, Кари всю жизнь мечтала о женишке, безответно влюбленном в какую-то чужую девицу.

— Целуюсь, — мрачно подтвердила чужая девица. — И что? Тебе какое дело? У тебя же невеста есть.

— Но я же все устроил, чтобы снять печать... Ты больше не обязана быть с ним!

Маккензи уже упоминал о печати изгоя раньше. Картина потихоньку проясняется. Итак, Ванда согласилась снять с его подруги (видимо, тоже волчицы) печать в обмен на женитьбу на Кари.

Да уж — просто свадьба мечты. Неужели тетка настолько ее не уважает?

— Я не брошу Раума, Чарли. Мне с ним хорошо.

— Значит, ты вернешься в клан, ди Форкалонен получит тебя, а мне жениться на какой-то слепой дуре, которая даром никому не нужна?! Переезжать в это захолустье. Хорошо вы устроились, ничего не скажешь.

Эмоции схлынули резко, осталась только брезгливость и легкое отстраненное любопытство. Этот Маккензи был для Кари чужаком и она твердо решила, что чужаком он и останется.

— Мы устроились? — девица за соседним столиком опешила. — Ты сам применил ко мне Императив, чтобы заставить выйти за тебя замуж!

Все интересней и интересней.

— Я пытался тебя защитить! И сделал все, чтобы исправить свою ошибку. Ты могла бы хоть поблагодарить!

— За что? За то, что я из-за тебя стала изгоем?

— Значит, не за что? — запальчиво переспросил оборотень. — Интересно, а что ты скажешь, если я откажусь жениться?

— Скажу, что это очень некрасиво по отношению к девушке и ее родным, — зло обрубил его собеседница.

Послышался звук отодвигаемого стула — девица встала.

— А знаешь что: отказывайся. Мне кажется, для этой девушки будет лучше остаться одной, чем с таким, как ты. А мне не нужно милостей с барского плеча, если ты потом собрался всю жизнь попрекать меня ими!

— Дженни! Подожди!

Сердитый цокот каблучков разнесся по кофейне, потом звякнул колокольчик над дверью. Оборотень за соседним столиком сдавленно выругался. А потом оглушительно чихнул.

Кари отхлебнула кофе, пряча в чашке довольную улыбку. Она услышала достаточно. Теперь, даже если Маккензи все же решит жениться, ей будет что сказать сородичам по поводу этого

брака.

Глава 12

Как и большинство сильных мужчин Раум категорически не умел болеть и норовил, лишь почувствовав себя немного лучше, угробить все результаты лечения. Дженни убедилась в этом, когда пришла навестить его на следующий день.

Словно могучий вихрь подхватил ее на пороге и понес. Она и опомниться не успела, как обнаружила себя в кровати, сидящей на коленях у демона.

— И как это называется? — с притворной строгостью спросила она.

— Хм-м-м, дай-ка подумать... — он положил руку ей на затылок, притягивая ближе, почти укладывая на себя. Наглый язык раздвинул губы и проник к ней в рот, заставив девушку задохнуться от неожиданного желания. — Мне кажется, это называется, поцелуй. Но я не уверен. Могу ошибаться, давно не практиковался.

Она невольно прыснула, но тут же сделала серьезное лицо.

— Тебе разве можно поднимать тяжести?

— Во-первых, ты не тяжелая. Во-вторых, я же вроде как твой парень, если ты не передумала, рыжая. Так что можно. И целовать, и поднимать.

— Я не это имела... — запротестовала было Дженни, но поймала его взгляд и осеклась.

В этом взгляде было столько восхищения и нежности. Совсем ничего общего с обычной надменно-саркастичной маской демона. И Дженни забыла, что хотела сказать.

Она подняла руку осторожно коснулась его щеки. Медленно провела пальцем вниз, погладила упрямый подбородок, легонько поцеловала. Раум замер, позволяя ей действовать, и девушка осмелела. Еще несколько легких, почти целомудренных поцелуев, осторожные прикосновения, поглаживания. Ладони нырнули под синюю больничную пижаму. Не столько с эротическим подтекстом, сколько в желании сблизиться.

Горячий. Все такой же неестественно-горячей, как и вчера, но выглядит уже гораздо лучше. Если не присматриваться, даже не поймешь, что побывал в передрыге.

— Детка, ты меня провоцируешь, — севшим голосом пробормотал демон.

— Хорошо, не буду, — Дженни хотела было отдернуть руки, но Раум перехватил ее запястья.

— Ну уж нет! Что значит «не буду»?

Девушка охотно послушалась. Помогла расстегнуть пуговицы и прильнула, жалея, что сама не может раздеться.

— Не поднимай меня, пока тебя не выпишут. Я боюсь за тебя.

Он улыбнулся какой-то теплой, незнакомой улыбкой.

— Приятно слышать, что ты обо мне беспокоишься, Дженни-заботливая-мамочка. Не бойся, я почти в норме, остался всего один сеанс. Завтра меня здесь уже не будет.

— Завтра? — недоверчиво переспросила Дженни.

— Ага, — демон привлек девушку к себе. Рука легла ей на грудь, пальцы начали осторожно поглаживать затвердевший сосок сквозь слой ткани. Без намека на продолжение, скорее просто как маленький знак, что ему позволено это — прикасаться к ее телу так интимно и бесстыдно. Дженни прикрыла глаза, наслаждаясь лаской. Осаживать нахала не было ни малейшего желания. — И мы сразу же отправимся к твоему шаману. Эй, детка. Что случилось? — мгновенно уловив ее изменившееся настроение Раум убрал руку и слегка встряхнул девушку, обеспокоенно заглядывая в ее лицо. — Я не собирался тебя домогаться, честно. Я все понял еще в прошлый раз! Если не хочешь — просто скажи.

— Дело не в этом. Мне приятно, когда ты так делаешь, — Дженни чуть покраснела. — Просто... с шаманом ничего не получится...

И она пересказала разговор в кофейне. Коротко и по возможности, стараясь не выказывать своих эмоций, но Раум все равно все понял.

— Ну и дерьмо этот твой Маккензи.

— Он не мой, — она скривилась. Снова, накатили те же чувства, что и вчера. Нет, не злость. Скорее гадливость. Дженни оглядывалась в прошлое и силилась понять, как она могла влюбиться в это ничтожество. Благослови Богиня Раума хотя бы за то, что он вылечил ее от этого позорного чувства. И как же хорошо для Маккензи, что настоящая суть наследника вылезла до того, как он успел стать вожаком!

— Но теперь непонятно, что делать с печатью изгоя. Чарли говорил, шаман не берет деньги...

— Расслабься, детка. Я решу этот вопрос.

— Как?

— Как-нибудь. Завтра поедем к твоим волкам, я поговорю с вожаком. Обещаю, что в столицу ты вернешься уже без клейма. Верить мне?

— Верю, — искренне сказал Дженни.

Это обещание определенно заслуживало поцелуя и не одного. И следующие десять минут в палате стояла тишина, разбавляемая только звуком тяжелого дыхания. Они целовались жадно, словно встретились после многих месяцев разлуки. Дженни с трудом оторвалась от демона, чувствуя, как горят распухшие губы, а тело ломит от взрослых желаний.

Но не в палате же!

«Почему нет?» — тихонько возразила волчица, и Дженни поняла, что почти не слышала ее все эти дни. Безумная пробежка заставила рыжую бестию заснуть.

— Не в палате, — согласился с усмешкой Раум. — Я все еще под ФМЛ, поэтому не рискну, боюсь облажаться. Кроме того, я хочу, чтобы наш первый раз был особенным, а это местечко точно не тянет на особенное, — он ласково провел большим пальцем по ее нижней губе. — Ты такая красивая, Дженни-рыжая-волчица.

Девушка вспыхнула от удовольствия. Эти слова и восхищение в его взгляде. Ах, если бы Раум с самого начала был с ней таким...

Тогда это был бы не Раум.

— Дженни, — демон вдруг стал серьезным, даже немного торжественным. И замялся, словно пытался, но не мог найти слова, чтобы выразить что-то очень личное. — Я...

Неужели...

Внутри что-то сжалось от сладкого предвкушения.

«Давай, скажи это! — попросила мысленно девушка. — Я так хочу это от тебя услышать. Я тоже люблю тебя, ты, невыносимый, наглый, потрясающий демоняка».

Но он сказал другое.

— Поверить не могу, что ты меня спасла. Я же действительно вел себя, как полная свинья.

— Сама не знаю, что на меня нашло, — буркнула Дженни, опуская взгляд, чтобы демон не прочел в нем овладевшее ей разочарование.

— И я в долгу перед тобой.

— Без проблем. Если что — обращайся.

В ответ на ее попытку перевести все в шутку, Раум покачал головой. А потом чуть отстранился. И, выпустив коготь, вычертил на своей ладони руну. Дженни охнула, глядя, как царапины наливаются кровью.

— Я, Раум ди Форкалонен, клянусь своей кровью и именем рода, что никогда не буду ни к чему принуждать тебя, Дженнифер Рейд.

Руна вспыхнула, подтверждая истинность магической клятвы. Дженни вздрогнула.

— Зачем? Я и так тебе верю.

— Я сам себе не верю, — он усмехнулся. — Иногда соблазн все испортить бывает слишком велик, рыжая. Я вырос в атмосфере вседозволенности и равнодушия, а это накладывает свой отпечаток. Мне трудно признавать, что у других тоже могут быть желания, и трудно не пользоваться правом сильнейшего, находясь рядом с тем, кто не может дать отпор. Но, — тут Раум взглянул ей прямо в глаза, непривычно серьезный, без своих обычных ехидных ухмылочек и насмешливых подколов, — Я не хочу, чтобы это однажды встало между нами, Джен. Ты слишком дорога мне.

— Ох... — вот и все, что смогла выдавить Дженни. — Спасибо.

Она не думала, что когда-нибудь услышит от него подобные слова. Это так не похоже на Раума.

Наверное, это тоже можно считать признанием.

Дженни прохаживалась взад и вперед возле машины, бросая поминутные взгляды на дверь ближайшего домика. Прошло чуть меньше четверти часа, как Раум вместе с вожаком клана Маккуин скрылся за ней, но девушка нервничала и чем дальше, тем сильнее.

А вдруг у Раума не получится? Или Дойл Маккуин почувствует свою выгоду и заломит совсем неподъемную цену? А может, просто откажется говорить, это ведь по вине Дженни расстроилась свадьба его дочери.

Вчера, услышав обещание Раума, Дженни подумала, что он рисуется. Или недооценивает тяжесть своего состояния. Но утром, когда девушка вышла из гостиницы, намереваясь поймать такси до больницы, демон уже поджидал ее за рулем массивного несколько потрепанного жизнью «Циклопа».

— Ты долго, Дженни-засоня, — заметил он, стряхивая пепел на брусчатку.

Выглядел Раум отлично. словно не его героически вытаскивали с того света врачи всего шесть дней назад. Новый, с иголки, костюм, безупречно уложенные волосы, неизменная сигара в руке.

— Ты купил новый автомобиль?

— Он не новый, глупенькая, — весело поправил ее демон. — И я взял его в аренду.

Ох, могла бы и не спрашивать. Понятно же, что Раум в жизни не купит подержанную машину.

— В отличие от кузена Армеллина, я терпеть не могу такие гробы на колесах, но в горах с ним будет удобнее.

Уже к обеду «Циклоп» въехал в поселение Маккуин. Раум расспросил, где находится дом вожака и уединился с Дойлом Маккуином для «приватного разговора», оставив Дженни в автомобиле, несмотря на ее робкие попытки напроситься с ним.

Игравшие на другом конце улицы волчата бросали любопытные взгляды в сторону чужачки, но подходить не спешили. И Дженни продолжала кружить возле машины, с каждым шагом взвинчивая себя все больше.

Почему, ну почему ее не взяли?! Это нечестно: ситуация ведь касается ее напрямую. Раум вообще не мастер переговоров — он прет асфальтоукладочным катком, не принимая возражения. Что если демон не удержится и нахамит вожаку, тем самым навсегда закрыв для Дженни возвращение в клан?

Со стороны дороги донесся натужный рев двигателя.

— Ба-буш-ка-а-а, — полетел звонкий детский крик, — Позови Кари, ее жених вернулся!

Дженни вздрогнула и резко повернулась к началу улицы. По грунтовой дороге, пофыркивая, ползла уже знакомая «Баньши».

Чарли? Но он же собирался отказаться от свадьбы? Или просто не успел?

При виде Дженни «Баньши» резко затормозила. Оборотень вывалился из салона, рассматривая девушку с недоверчивым изумлением.

— Дженни?! Но... в гостинице сказали, что ты уехала.

— А я и уехала, как видишь, — ровно ответила Дженни.

— Но... зачем ты здесь?

Девушка нахмурилась. Он что — издевается?

— Чтобы договориться с шаманом.

Лицо оборотня выразило недоумение и обиду.

— Зачем? Я ведь уже договорился!

Она хотела было ответить резко, но поймала горящий любопытством взгляд на чумазом личике. То самая девчонка, что звала бабу, подобралась ближе и, делая вид, что страшно увлечена поглаживанием щенка, слушала их разговор.

Дженни знала эту породу общительных и жадных до новостей волчат. Стоит только обмолвиться при мелкой сплетнице, что Чарли не хочет жениться, как через час весь поселок будет в курсе.

Нет, так позорить его она не станет. Пусть сам скажет эту новость своим будущим родственникам, если уж решил.

— Вчера ты упоминал, что твои планы изменились, — дипломатично ответила она.

Оборотень явно оскорбился.

— Ты просто довела меня. Но Дженни! Я же старший сын вожака! — оборотень приосанился. — Я дал слово избавить тебя от клейма и сдержу его, чего бы мне это ни стоило.

— Можешь не беспокоиться, малыш Чарли, — промурлыкал знакомый насмешливый голос. — Папочка позаботится, чтобы тебе не пришлось жениться в таком нежном возрасте.

Дверь в дом вожака была приоткрыта. У крыльца стоял демон, а за его спиной виднелся широкоплечий еще не старый мужчина и черноволосая женщина средних лет с очень смуглой для оборотня кожей.

При виде демона Чарли сжал кулаки.

— Ди Форкалонен! Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь избавить одну потрясающую рыжую девчонку от украшений на ее ручках. Они ей не идут.

— Без тебя обойдемся, — рявкнул оборотень. — Я сам освобожу Дженни от клейма!

— У меня это получится лучше.

— Вали отсюда, ди Форкалонен. Тебя здесь вообще быть не должно, это я нашел шамана!

— Ты нашел, а я воспользуюсь твоей находкой, малыш Чарли. И благодаря МНЕ, Дженни избавиться от клейма, которым ТЫ ее наградил.

— Не надейся! Это я ее спасу!

На звук скандала со всех сторон начали подтягиваться другие оборотни.

«Богиня, какой стыд!» — Дженни огляделась и захотела провалиться сквозь землю. Ладно Раум. Зная демона, можно не сомневаться, что он наслаждается прилюдно доводя соперника до бешенства. Но Чарли мог бы включить мозг! Тут вокруг его будущая родня, им совершенно не обязательно знать такие подробности.

— Вали отсюда, ди Форкалонен. Я уже обо всем договорился, Дойл Маккуин дал мне слово. Я женюсь на его дочери, а за это госпожа Ванда снимет с Дженни печать.

Нет, это надо заканчивать! Немедленно. Она уже набрала побольше воздуха в легкие, чтобы рявкнуть на двух баранов, но не успела...

— Хороший план, — раздался звонкий женский голос из толпы. — Но может, сначала стоит поинтересоваться мнением невесты?

Оборотни расступились, и на площадку перед домом вожака шагнула новая участница драмы.

Глава 13

Опять этот ди Форкалонен?!

Вся вселенная сузилась до единственного ненавистного наглого лица. Все из-за него! Если бы не та карточная игра, Дженни никогда бы не встретила с демоном, а Чарли не вынужден был бы применить на Императив, чтобы защитить девушку. Остался бы наследником, не потерял Дженни, не женился бы сейчас на какой-то слепой девице, чтобы искупить свою вину.

Все из-за проклятого демона. И вот он снова лезет не в свое дело!

Чарли стиснул кулаки. Внезапно жизненно важно стало не уступить в этом споре. Сделать все по-своему, оставить ди Форкалонена с носом, пусть даже в такой мелочи. Это его, Чарли, план. Его жертва, он должен был спасти подругу детства и получить ее благодарности, а может и что-то большее...

Он не уступит.

— Я уже обо всем договорился, Дойл Маккуин дал мне слово. Я женюсь на его дочери, а за это госпожа Ванда снимет с Дженни печать.

— Хороший план. Но может, сначала стоит поинтересоваться мнением невесты?

Раздраженный оборотень вскинул голову, собираясь ответить что-то резкое. И замер.

Девчонка была хороша. Невысокая — по плечо Чарли, но стройная и гибкая. Волосы оттенка темного шоколада заплетены в толстую косу на затылке. Красиво изогнутые брови — густые, не выщипанные в ниточку, как делают столичные модницы, но это девушку ничуть не портит, скорее наоборот. Кожа цвета слоновой кости, заостренный подбородок и манящие губы — бледно-розовые, чуть припухлые.

Настоящая волчица. Впечатление портили только глаза — распахнутые, неестественно синие, как южные небеса, с расширенными неподвижными зрачками. У здорового волка не может быть таких глаз.

— Кари, малышка... — немного смущенно пробормотал Дойл Маккуин.

Кари? Неужели это и есть его будущая невеста? А ничего так! Красивая, как и обещала шаманка. И вроде совсем не похожа на малахольную беспомощную дурочку, которую Чарли успел себе вообразить после общения с Эрной Маккуин.

Оборотень принялся и чихнул, досадуя на затянувшийся насморк. Трудно знакомиться с кем-то, когда не чувствуешь запахов.

— Привет, — он широко улыбнулся, протягивая девушке руку. И только потом сообразил, что она не видит ни улыбки, ни руки. Просто девчонка держалась так уверенно, что поверить в ее слепоту до конца не получалось. — У нас еще не было возможности познакомиться, но это никогда не поздно исправить. Я — Чарльз Маккензи. А ты Кари?

Вместо того чтобы ответить на приветствие, она прошла мимо него, как мимо пустого места, и остановилась у крыльца.

— Папа, тетя! Скажите, вы действительно считаете, что этот тип будет для меня лучшим мужем?

«Этот тип» она произнесла так, будто говорила о грязном насекомом, и Чарли почувствовал себя оскорбленным. Что значит «этот тип»? Да он, между прочим, один из самых завидных женихов среди Маккензи!

— А вы знали, что собственный отец лишил его права называться наследником, после того, как он применил Императив, чтобы заставить другую девушку выйти за него замуж? — она безошибочно ткнула в сторону Дженни.

— М-м-м... — Дойл выглядел откровенно сконфуженным. — Кари, понимаешь...

— Знали, — спокойно и с достоинством отозвалась шаманка. — Мальчик совершил ошибку. Все мы делаем ошибки, дитя. Но он старается исправить ее и уже поэтому заслуживает уважения.

Девушка на миг растерялась — она явно не ожидала подобного ответа. Наверное, считала, что выкладывает свой самый сильный довод, а тот обернулся пшиком.

— И по-вашему я буду счастлива с волком, который меня не любит, и жениться только ради услуги шамана? Вы все слышали, как он признал это, — девушка повернулась к толпе родственников, надеясь обрести в них более благодарную аудиторию. — Вы знаете меня с детства и, надеюсь, любите. Разве я заслуживаю жизни с таким мужчиной?

Среди оборотней поднялся ропот.

— А что не так? — возмутился, наконец, Чарли. — Да я тебя и не видел никогда, с чего мне любить-то?! Можно подумать, мы первые волки, кому родители устраивают договорной брак!

Он чувствовал невероятную досаду. И разрывался между желанием доказать гордячке, что он не так плох для нее и послать все в бездну.

И чего она недовольна? Можно подумать, к слепой девице женихи толпами выстраиваются! Вот он возьмет и уедет сейчас!

Но как же тогда Дженни? Чарли бросил на нее взгляд и подавил приступ злости. Опять обнимается со своим любовником у всех на виду. И это после того, как весь клан Маккуин слышал, что он женится ради нее!

— «Не так» то, что я для тебя обуза и нудная обязанность, — отчеканила Кари. — «Какая-то слепая дура с надоедливой родней» — так ты сказал?

— Что?! — возмутился Чарли. — Когда это я такое говорил?

— Вчера в кофейне, — девушка усмехнулась. Если бы Чарли не знал, что она слепа, он мог бы поклясться, что она увидела, как вытягивается его лицо. — Я сидела за соседним столиком, а вы очень громко спорили. Скажешь, что этого не было?

Оборотень сглотнул. Он не помнил. Возможно, он вчера и ляпнул что-то такое в сердцах, но это было сказано для Дженни.

— Доил и Ванда Маккуин! — из толпы вылетела разъяренная фурия, в которой Чарли с некоторым трепетом узнал будущую тещу. Сейчас она вовсе не походила на милую, но чересчур назойливую тетюшку. Женщина уперла руки в бока и с гневом уставилась на мужа и шаманку, — Что все это значит?

— Эрна, давай поговорим потом...

— Дитя, ты не понимаешь...

— Вот ведь подлец!

— Гнать ссаными тряпками!

Все заговорили разом и одновременно. Гудела недовольная толпа. Девушку здесь знали и любили, а Чарли за три дня в гостях стать своим не успел. Его принимали не за его собственные заслуги, но как будущего мужа Кари.

— Хватит! — негромкий и резкий голос Ванды Маккуин перекрыл выкрики. Волки замолчали словно по команде. — Дитя, у меня были причины желать для тебя этого союза. Скажи, неужели ты ничего не чувствуешь рядом с ним? А ты, сын Маккензи? — шаманка посмотрела на Чарли в упор.

— Ничего. А что, должен? — оборотень шумно высморкался. Насморк, чтоб его.

А вот Кари отчего-то смутилась

— Это неважно, — голос девушки дрогнул на мгновение, но потом снова зазвучал уверенно. — Он подлый, никчемный тип, позор племени волков. И я не хочу за него замуж.

— Ах так?! — взбеленился Чарли. — Ну и иди ты! Какая принцесса выискалась!

Все! С него довольно унижений. Не хотят, и не надо. Пусть сами разбираются, а он в этом больше не участвует. И не собирается приносить жертву, которую никто не оценит!

Он со злостью рванул дверцу автомобиля. Движитель «Баньши» взвыл, и толпа волков

расступилась, давая ему дорогу. Никто не окликнул, не попросил остановиться, и это убедило Чарли, что он поступает правильно. Не стоит оставаться там, где тебя не ценят.

Вырулив из поселения, оборотень вдавил педаль газа, желая убраться как можно дальше от всех Маккуинов. На душе было удивительно гадко.

С отъездом незадачливого жениха толпа оборотней перед домом вожака не спешила расходиться. Волки гудели, что-то горячо обсуждали, спорили. Несколько раз Дженни поймала на себе неприязненные взгляды. Ее здесь не знали, но уже заочно не любили. Спасибо Чарли — постарался.

Она нашла взглядом Кари. Слепая волчица сидела на ступеньках отцовского дома, охватив себя руками за плечи. Она выглядела измученной, словно скандал выпил из нее все силы.

Дженни искренне посочувствовала ей. Вляпаться в такого, как Чарли, да еще и оказаться втянутой в подобный скандал врагу не пожелаешь.

Она вздохнула и, мысленно готовясь к тому, что ее пошлют, подошла к девушке.

— Ты как?

— Нормально, — Кари подняла на нее невидящий взгляд. — Ты подруга Маккензи, правильно?

Враждебности в ее голосе не было.

— Да. Я...

Громогласное рычание вожака над ухом перекрыл все звуки в округе.

— Все расходимся по домам. Шоу окончено.

— Нет, Доил Маккуин, — четко отчеканила привлекательная женщина средних лет. Та самая, которая раньше требовала ответа. — Мы не уйдем, пока ты не изволишь объяснить, что это было, и почему ты собирался отдать нашу дочь этому мерзкому щенку!

— Эрна... — он закатил глаза. — Не начинай!

Этот призыв разозлил женщину еще сильнее.

— Что значит «не начинай»? Да ты...

— Мальчик ее пара, — перебила ее шаманка.

Она произнесла эти слова негромко, но их услышали все. И замолчали. Даже Эрна еще мгновением раньше готовая разорвать кого угодно, включая мужа, на куски за своего детеныша, замерла с открытым ртом.

— Пара-а-а, — медленно выдохнула она. — Этот... — она замялась, словно не могла подобрать приличный эпитет, — Пара Кари?

Ее муж кивнул.

— Именно это я и пытался тебе сказать.

Женщина задумалась, а потом покачала головой.

— Это не может быть правдой! Ведь тогда они бы сразу почуяли друг друга!

— У мальчика насморк, — шаманка недовольно поморщилась и перевела взгляд на Кари. — А кто-то просто слишком упрям.

Если она надеялась усостыжить племянницу, то зря. Девушка снова выпрямилась и сложила руки на груди.

— Да, у него приятный запах, — слегка охрипшим голосом призналась она. — Но я не животное, чтобы следовать инстинктам. А как личность он мне противен.

— Как хочешь, — было заметно, что эти доводы не убедили шаманку, но и спорить она не видела смысла. — Ты любишь все делать по-своему, Найраторики. Но ваши души связаны. Твоя судьба найдет тебя, хочешь ты того или нет.

— Вот и пусть ищет, — отрезала Кари. — Не надо ей помогать.

— Доченька... — неуверенно начала Эрна, разом растерявшая весь свой боевой задор. — Ты не понимаешь...

— Не надо мама! — она принюхалась, а потом ткнула пальцем в направлении Дженни. — Тут посторонние.

Дженни была более чем согласна с ее просьбой. Эти полчаса и так прошли под знаком нестерпимой неловкости. Последнее, о чем мечтала девушка, это еще глубже погрузиться в семейные разборки Маккуинов.

И все же... как странно. Эта красивая синеглазая девушка с горделивой осанкой и упрямо сжатыми губами — пара Чарли?

Какой же он дурак! Особенное, если вспомнить все, что он наговорил про свою невесту, даже ни разу не увидев ее! Не удивительно, что Кари не желает иметь с ним ничего общего.

Эх, кто бы говорил! Они с Раумом сами наделали столько ошибок, что хоть учебник пиши: «Как не надо строить отношения со своей парой».

— Еще раз говорю: расходимся, — прорычал Дайл Маккуин. — Обсуждать будем сегодня вечером, на совете клана. Не при чужаках.

Его призыв, наконец, возымел действие. Медленно и неохотно, но волки начали расходиться. Эрна подхватила под руку Кари и утащила в дом, бормоча по дороге что-то вроде: «Ах, моя бедная девочка».

Через недолгое время у крыльца остались только Дойл, шаманка и Дженни с Раумом.

— Итак, — вкрадчиво начал демон, — Поскольку потенциальный женишок отвалился, думаю, нам есть что обсудить, мистер Маккуин. Мое предложение может быть очень выгодным для клана...

Глава 14

— А ты подожди здесь, крылатый, — сказала шаманка. И ухватив узловатыми пальцами Дженни за запястье, потащила ее за собой вверх по узенькой тропке.

Первые несколько минут девушка напряженно пыхтела, стараясь поспеть за женщиной. Вот ведь! Вроде и возраст у нее уже солидный, а скачет по горам быстрее козы.

Пришлось поднажать, чтобы не отстать. Всего за десять минут они добрались до перевала. Дженни остановилась и обернулась.

«Ничего себе мы поднялись!», — изумилась она, окидывая взглядом пройденный путь. Разбитая грунтовая дорога упиралась в скалы. Черный «Циклоп» издали походил на большого блестящего жука, а фигурка демона рядом с ним выглядела уж совсем крохотной, но Дженни была уверена — Раум смотрит на нее. Она представила, как он стоит, вскинув голову, вертит в руках сигару и щурится, сиюсь разглядеть ее среди скал, а ветер перебирает белые пряди, и улыбнулась.

— Ну что ты встала? — поторопила ее шаманка.

— Куда мы идем? К вам домой?

Женщина обернулась.

— Нет, Тэлуторики. Мы идем к долине Меокуэни.

— Как вы меня назвали?

— Тэлуторики. Это означает «красный волк» на языке наших предков.

Дженни вздрогнула. Она не помнила, чтобы называла этой женщине масть своего волка.

Дорога оказалась не такой уж долгой. Они прошли по узенькой тропке на гребне перевала, завернули за скалу, и Дженни ахнула. Внизу раскинулась долина. На белесой, словно присыпанной снегом земле яркими цветными пятнами выделялись небольшие водоемы причудливых расцветок — красная, желтая, зеленая. Особенно завораживало самое крупное озеро в центре, вода в котором меняла цвет от желто-оранжевой у края, до насыщенно синего ближе к центру.

Над безмятежной гладью поднимался легкий пар, хорошо различимый в стылом осеннем воздухе.

Дженни могла бы поклясться, что никогда не видела ничего подобного. И все же ее снова посетило странное чувство узнавания и даже родства с этой выгоревшей землей и цветной водой, похожей на пятна краски на белом листе.

— Меокуэни — место силы, — с гордостью сказала шаманка. — Долина священных источников. Они несут в себе огонь недр. Я — каменный волк, ты — волк огня. Вместе нам будет легче убедить Луну снять клеймо.

Угу. Ясно, что ничего неясно.

Но обещание шаманки снять клеймо обнадеживало.

У края долины, там где земля теряла белизну, треугольным холмом возвышался типи — походный шатер, сшитый из шкур. Дженни такие видела только в музее. Именно к нему вела тропка.

С каждым шагом воздух вокруг казался теплее. Жар поднимался из-под земли, обнимал, обволакивал. Откуда-то пришла уверенность, что стоит ей, волчице-полукровке, пожелать, как разноцветные озера вскипят, выплеснутся бурлящей водой и паром. Она, как замороженная, потянулась мыслями к скалам, ощутила тяжелое дыхание земли, биение горных вен и артерий, заполненных раскаленной магмой...

Шаманка остановилась так резко, что Дженни не успела затормозить и налетела на нее.

— Не буди! — строго сказала женщина. — Духи гор спят чутко.

— Но я ничего не делала!

Вопреки своим же словам девушка покраснела. Почему-то под строгим взглядом женщины стало стыдно.

Шаманка покачала головой.

— Ты, как ребенок со смертельным заклатьем в руках.

Дженни сглотнула. Снова вспомнилось, как легко горы отозвались на ее призыв на дороге. Что бы ни говорил Раум, это не было галлюцинацией.

— Почему это происходит со мной?

— Горы признали тебя.

— Я не понимаю.

— Еще поймешь.

Женщина вскинула голову и по-звериному принялась

— Рано, — скупо обронила она. — Обряд лучше проводить на закате. Я пока все подготовлю, а ты поможешь, дитя.

Больше до самого шатра она не проронила ни звука.

Дрова пылали в очаге в центре шатра. Дым столбом поднимался и уходил в дыру. Дженни опустила на меховое одеяло и стянула пальто — жарко. Осенний холод ждал за тяжелым пологом из оленьих шкур, не решаясь пересечь незримую границу.

Кусок неба, видневшийся в проеме входа, медленно наливался темно-синим. Ночь обещала быть безоблачной и ясной, россыпью бриллиантов на бархате цвета индиго уже поблескивали первые звезды. Девушка подняла лицо к зависшей над горными отрогами половинке луны, похожей на кусок козьего сыра. Горьковатый запах трав и прелой листвы смешивался с ароматом смолистых дров от костра. Снова накрыло это удивительное ощущение сопричастности, родства. словно она вернулась домой после многих лет скитаний.

— Нравятся? — с усмешкой спросила шаманка. Она сидела над котелком и крошила в него травы вырезанным из кости ножом с выжженными на рукояти рунами.

— Что именно?

— Наши горы?

— Нравятся, — призналась Дженни. — Мне почему-то кажется, что я здесь уже была.

— Не ты, — женщина прищурилась. — Твои предки.

— Но мои предки Маккензи!

— Мать — да, Маккензи. Младшая ветвь — из тех, что раньше жили здесь. А по отцу мы родня, дитя.

От неожиданности Дженни поперхнулась.

— Что?! Нет, конечно, нет. Вы ошибаетесь, госпожа Маккуин.

Женщина рассмеялась отрывистым смехом, похожим на лай.

— Шаман не ошибается в таких вопросах. Я чувствую в тебе нашу кровь. И горы тоже чувствуют, иначе не признали бы.

— Мой отец — человек! Не волк.

— Значит, его отец. Или отец его отца, — она пожала плечами. — В связях волков с людьми рождаются люди, но кровь помнит. И горы помнят.

— Но я волк, — нерешительно возразила Дженни.

— Ты Тэлуторики. Дитя истинного брака. Ты можешь говорить с луной и землей предков.

От этих слов Дженни стало нехорошо.

— Вы хотите сказать, что я шаман? — сдавленным голосом поинтересовалась она, и веря и не веря словам этой странной женщины.

Трудно не верить, когда по одному твоему желанию сходят горные лавины.

— Можешь стать шаманом, — Ванда Маккуин закончила с травами и пристроила котелок у края очага. — Если будешь учиться говорить и слушать. Особенно слушать. Моя племянница слепа, но видит куда лучше тебя, красный волк.

— Я не понимаю...

— Все ты понимаешь, — голос шаманки звучал насмешливо. — Ты прогнала своего волка, заткнула уши лишь бы не слышать голоса духов.

— Я не прогоняла, — запальчиво начала Дженни. И поникла под понимающим взглядом женщины, вспомнив путанные обрывки мыслей своей волчицы.

По ним получалось, что именно прогнала. И заперла. Но почему она этого не помнит?

— В тебе слишком много от людей, Тэлуторики.

— Меня зовут Дженнифер.

— Вот про это я и говорю.

Девушка ждала пояснений, но их не было. Ванда Маккуин помешивала отвар в котелке и молчала. В полутьме шатра ее лицо казалось маской, вырезанной из темного дерева.

— А вы могли бы учить меня быть шаманом? — решила Дженни нарушить тишину.

Женщина пожала плечами.

— Если ты принесешь клятву остаться со стаей Маккуин, когда я уйду за Луной. Здесь беспокойная земля. Племени нужен шаман, чтобы сдерживать подземный огонь.

Дженни вздрогнула. Ничего себе требование! Но... как же академия? Стая Маккензи? Раум? Все ее мечты и планы?

— Я не могу.

Шаманка только кивнула с таким видом, словно и не ждала иного ответа.

— Тогда и я не могу, дитя.

— Но... вдруг я кому-то причиню вред? Случайно, просто потому, что не умею контролировать свою силу. Я почти уверена, что тот обвал — это моя вина.

— Твоя, — кивнула шаманка. — Но не бойся. Шаман силен только на своей земле.

Вот так.

Дженни вздохнула. Отказываться от силы было жалко. Она привыкла к своему низкому потенциалу в магии — полукровка, порченная кровь. На практических занятиях в академии Дженни никогда не блистала, но брала аккуратностью исполнения и отличным знанием теории. Благо прикладникам большой резерв и не требуется. А тут выясняется, что в ее власти трясти землю и усыплять вулканы. Ну разве не здорово?!

Вот только плата за могущество получается чрезмерно высокой.

— А вы не боитесь, что так и не найдете ученика? Нам в академии рассказывали, что знания не должны быть тайной, известной избранным, иначе они теряются. Я не могу остаться здесь, но если вы меня обучите, и я потом встречу еще кого-нибудь с даром, я передам ему знание, чтобы не пропало. И, возможно, именно мой ученик станет следующим шаманом Маккуин.

— Луна приведет ко мне ученика, — безмятежно откликнулась Ванда Маккуин. — Возможно, Кари одумается и поймет, что ее место здесь.

— А Кари... тоже? — нерешительно уточнила девушка.

— Да. Ее слепота — плата за силу. Она могла бы стать великим шаманом, вместо этого захотела стать слабеньким магом. Такие как мы никогда не будем хороши в колдовстве крылатых, дитя. Наше предназначение не насиловать мир, но договариваться с ним.

Пока Дженни переваривала последнее откровение, шаманка подхватила котелок с огня и шагнула за пределы шатра. Девушка, поколебавшись, последовала за ней.

За это время снаружи совсем стемнело. В воздухе висел туман, а скорее даже пар от горячих источников, — сырой, но теплый. Разноцветные озера светились в темноте, выдавая присутствие в воде магии.

Женщина сделала несколько шагов и водрузила исходящую жаром посудину на каменный алтарь и поманила Дженни к себе.

— Раздевайся, — приказала она, переливая отвар в деревянную чашу.

В смысле — раздеваться? Пальто она и так оставила в типи, сейчас на Дженни только платье. Что, и его снимать?

— Снимай все, — отозвалась на ее мысли шаманка.

Осень вообще-то. Почти зима уже.

Девушка взглянула в равнодушное лицо женщины, вдохнула и потянулась к пуговичкам.

Белье тоже пришлось снять. Ветер, до этого не напоминавший о себе, снова задул, словно радуясь возможности украсть у обнаженного девичьего тела остатки тепла. Дженни сжежилась, обхватила себя за плечи руками. Богиня, как же холодно!

— В воду! — последовал очередной приказ.

Дженни опустила взгляд к озеру. Плеснула волна, окатила пальцы ног. Вблизи можно было разглядеть, что сама вода в источнике прозрачная, а дно окрашено во все оттенки охры и киновари. В центре, где бил горячий ключ, озерцо чуть бурлило и шло пузырями.

Волна еще раз лизнула белесый, словно оплавленный, камень берега, и Дженни решилась. Шагнула в источник и восторженно выдохнула, чувствуя, как все тело окутывает блаженное тепло.

Ну прямо джакузи под открытым небом.

Волосы растеклись по воде мазками рыжей краски в тон камню на дне. На берегу глухо ударил бубен, зазвенели колокольчики. Черный силуэт шаманки встал на фоне почти темного неба с обгрызенной луной. А мгновением позже зазвучала песня.

Пела шаманка, а может пели сами горы вокруг. Гортанный и резкий голос выводил мелодию, растягивая слова незнакомого языка. И глухо стучал бубен, задавая неровный ритм этой дикой песни.

Тыльную сторону ладони начало жечь словно огнем. Дженни опустила взгляд и вскрикнула. Отметины изгоя налились темно-красным и теперь походили на свежие ожоги. И было больно.

«Что происходит? Так и должно быть? Помогите!» — тысячи мыслей теснились в голове, сотни слов рвались наружу. Но можно ли прервать эту... Песню? Заклинание? Молитву?

Еле ощутимый аромат дыма и трав в воздухе. Горячее дно под ногами, прозрачная в мелких пузырьках вода ласкает кожу. Извечные горы вокруг и заунывный голос, похожий на вой ветра меж скал. На краткое мгновение Дженни почувствовала себя такой живой, настоящей, как никогда раньше. словно растворилась в этих безлюдных горах, приняла в себя пронизывающий осенний ветер, горячую воду источников, багровый камень и неспящий в недрах дикий огонь.

Слилась с этим местом, стала его частью.

Проползавшая по небу тучка на миг закрыла луну, и колдовство рассеялось. Дженни снова стояла по горло в горячей воде, а руки все так же пульсировали от боли.

Она закусил губу, и в безмолвной надежде посмотрела на клеймо. Разве печать изгоя не должна исчезнуть? Вот, прямо сейчас. Возьмет и исчезнет, растворится в горячих водах.

Не исчезло.

Песня взлетела вверх, зазвучала пронзительнее и истаяла в темных небесах. Замолчал бубен. Долина потонула в первозданной тишине.

Глава 15

— Вылезай.

— Ничего не вышло, да? — ей захотелось заплакать. Столько усилий и все напрасно. Клейма не исчезли — наоборот, стали видны еще ярче и пульсировали, отзываясь болью.

— Обряд еще не закончен. Вылезай.

Менять горячую ванную на ледяной воздух совсем не хотелось, но Дженни стиснула зубы и, рывком подтянувшись, выбралась из воды. Тут же налетел ветер. Еще более злой и резкий, нечеловечески холодный. Девушка ухватилась было за платье, но шаманка покачала головой и сунула ей в руки чашу.

— Пей.

Отвар был горек и горяч, словно только что с огня. Дженни пила его, обжигаясь. Быстрее бы вернуть посудину и снова съежиться, хоть немного закрыться от пронизывающих объятий ветра.

Но когда она осушила чашу, ветер резко улегся. Стало тихо. Очень-очень тихо. Так, что Дженни могла слышать потрескивание поленьев в очаге шатра.

А еще исчез холод. Теперь внутри медленно разгоралось пламя, оно грело Дженни, и уже плевать, что они в горах, что сейчас ночь и до начала зимы осталось всего несколько дней. Пламя расходилось по телу, оглаживая девушку горячими ладонями. Захотелось отдаться танцу, выйти на ночную охоту, загнать дичь и, впившись белыми клыками в горло, глотнуть соленой крови...

В тишине раздался отрывистый смех, и лишь мгновением позже Дженни поняла, что смеется она сама. Она вскинула лицо к луне, и из груди помимо ее желания вырвался протяжный звериный вой.

Луна на небе подмигнула в ответ на зов. Вспыхнула, проложив дорожку из света прямо к Дженни. Бледный луч коснулся руки, обвился вокруг запястья и потянул за собой по серебристой дороге.

Оставленное за спиной тело скрутила судорога трансформы. Оно упало на четвереньки, выгнулось, превращаясь в огненно-рыжую волчицу, но Дженни уже не видела этого. Она шла за луной, не оглядываясь.

— Папа, папа! Смотри как я могу!

— Чего? — он поворачивается и обдает ее запахом перегара.

Девочка сводит брови, надувает щеки. Мгновение и платьице опадает на пол. В пройму горловины высовывается любопытная мордочка, поблескивают глазки-бусинки. Рыжий волчонок восторженно тявкает, молотит по воздуху смешным хвостиком и лезет обниматься.

Но папа не рад. Он вскрикивает, отшатывается и принимается ругаться.

— Какого... — дальше идут слова, которых она не знает. — Чтобы я больше никогда подобного не видел, Дженнифер! Ты, мать твою, кто? Человек или погань мохнатая?! Если человек и то и веди себя по-человечески!

Он еще долго отчитывает ее, а волчонок жалобно скулит, не в силах понять, в чем и он провинился.

Родители ругаются. Они думают, что Дженни спит, но она не спит. Подслушивает, прижав к стене ухо.

— Какого хрена, Бренда?! С кем ты ее нагуляла? Кто-то из твоих, да?

— О чем ты, Кайл?

— Думаешь, подсунуть мне на воспитание своего ублюдка — это очень смешно, да?! — он повышает голос, почти орет.

— Дженни твоя дочь.

— Она оборачивается! Это по-твоему что?!

Девочка скулит. Ей страшно. Она не хочет, чтобы мама и папа ругались.

— Она твоя копия, Кайл! Посмотри хотя бы на волосы. Луна благословила наш брак. Разве плохо, что девочка может защитить себя?

— Моя дочь не должна превращаться в блохастый комок шерсти!

Это все из-за нее. Она была плохой. Так делать нельзя — папа будет сердиться.

Соседские мальчишки дразнятся, доводя до слез. Не в первый раз, это у них такое развлечение — подкараулить после школы и издеваться.

— Вонючая-мохнатая, уродина хвостатая.

Она идет с гордо поднятой головой, делая вид, что ее это нисколько не задевает. Мама говорила: надо не реагировать и тогда они отстанут.

Не отстали. В спину летит комок грязи, еще один разбивается о подол форменного школьного платья, и в глазах темнеет от ярости. Дженни стискивает кулаки и бросается в драку. Поначалу, у нее даже получается опрокинуть главного задиру. Она наваливается на него сверху, лупит кулаками.

— Вот тебе! Вот!

Потом другие мальчишки приходят в себя и спешат на выручку приятелю. Дженни пинается, кусается, но она одна, а их много и они старше. Не так уж трудно одолеть мелкую тощую девчонку.

Репьи в волосах, платье вывалено в пыль, а противники злорадно гогочут. Один сидит на Дженни, навалившись всем весом, и удерживает руки, другие пользуются моментом, чтобы поиздеваться. Кто-то плюет в лицо и это становится последней каплей.

Мальчишка плюхается в пыль, а на месте девочки поднимается волчонок. Пока еще мелкий, размером с некрупного бульдога, но глаза пылают взрослой яростью, и каждое движение выдает смертельно опасного хищника. Противники разбегаются с испуганными криками — все кроме главного обидчика. Тот сидит на земле и смотрит круглыми от ужаса глазами.

Волчонок обнажает клыки и повинувшись инстинкту делает рывок к горлу. В последний момент мальчишка успевает вскинуть руку. Когда зубы смыкаются чуть ниже локтя с хрустом дробя кость, а рот наполняется горячей кровью, Дженни приходит в себя.

Но уже поздно.

Полные укоризны взгляды мамы. Снова орущий отец — ему пришлось оплатить лечение пострадавшему. Шепотки за спиной. Соседи показывают пальцем, одноклассники шарахаются, как от чумной.

Но хуже всего — ужас в глазах того самого соседского мальчишки. Когда Дженни пришла навестить его в больнице, он забился в шкаф и плакал, умоляя убрать ее из палаты.

Она монстр. Чудовище.

Вечером приезжает незнакомец, которого мама велит называть «дядя Оуэн». Дженни отправили в кровать пораньше, но она, догадавшись, что речь пойдет о ней, снова подслушивает.

— А что ты хотела, Бренда? Волк не должен расти среди людей. Давай я заберу ее в стаю.

Нет! Только не это!

Она превращается в чудовище, поэтому ее заберут у мамы и папы.

— Я не знаю, Оуэн...

— Так будет лучше в первую очередь для самой Дженифер. Подумай о ней.

Нет!

Дженни врывается в комнату с плачем.

— Мапочка, пожалуйста, не отдавай меня! Я обещаю, что никогда-никогда больше не позову ее!

— Уходи!

Как больно гнать ее.

— Уйди, спрячься! Тебя не должно быть. Или...

Или страшный чужой «дядя Оуэн» заберет Дженни у мамы. Насовсем.

Волчица скулит и ластится. Она не понимает почему должна уходить от своего человека. Им же было так хорошо, так весело вместе. Дженни всхлипывает, стискивает кулаки и повторяет:

— Уходи! Уйди, пожалуйста.

И когда рыжий зверь все же уходит, когда опускается засов на каменной двери, вдруг накатывает такая безграничная бесприютная тоска, что хочется завывать.

И забыть. Все забыть.

Лучше не помнить, не знать, что у тебя когда-то был волк, чем снова и снова вспоминать, что сама от него отказалась...

Раум честно выждал час. Потом подумал, накинул время на дорогу в оба конца — неизвестно еще как долго идти туда, куда шаманка повела Дженни. Кстати, куда?

Демон с досадой осознал, что нихрена не выяснил, ни о месте проведения ритуала, ни о порядке, ни даже о том, сколько времени он займет. Что это с ним? Похоже, при аварии он приложился головой крепче, чем думал.

Если бы ждать потребовалось больше одного-двух часов, шаманка бы его предупредила. Или нет? Эти говорящие с духами все с придурью, от них чего угодно ожидать можно.

А он, между прочим, волнуется. Как-никак доверил старой ведьме самое ценное, что у него есть.

Демон бросил взгляд на часы, потом перевел за окно автомобиля. Смеркается. Еще полчаса и ему придется искать пропажу в полной темноте.

— Пошло все нахрен, — выругался он.

Оставив под лобовым стеклом записку, на случай, если Дженни с шаманкой вернутся к машине раньше него, Раум бодрым шагом отправился по той же тропе.

Его расчет оправдался. Дорожка уверенно вела вверх, никаких развилок и прочих неприятных сюрпризов. Пока он поднимался стемнело окончательно и пришлось призвать «светляка». Добравшись до перевала, демон бросил взгляд вниз. Ничего не разобрать, даже с его отличным сумеречным зрением. Склон тонул в чернильной мгле.

К счастью, тут тоже была тропа. Она уводила дальше по кряжу, и демон последовал по ней, предусмотрительно оставив магическую метку. Заблудиться ночью в горах в его планы точно не входило.

Всего через пятнадцать минут с левой стороны что-то забрезжило. Демон подошел к краю, погасил «светляка» и восхищенно выругался.

Красиво.

Сияющие в темноте озера походили на драгоценные камни на черном бархате. Если где и проводить обряд, то в таком месте.

Музыка настигла его на середине спуска. Негромкий и хриловатый голос окарины, он так гармонировал с озерами, скальными пиками и звездным шатром неба, что на мгновение Рауму показалось, что поют сами горы.

Но, разумеется, это было не так.

Звук оборвался, и на тропе, преграждая демону дорогу, выросла черная тень.

— Что, не дождался, крылатый? — в голосе шаманки звучала насмешка.

— Я не люблю ждать, — ровно ответил Раум. — Где Дженни?

— Спит. Обряд закончен. Твое счастье, что ты не пришел раньше, когда я взывала к духам. Ты силен, крылатый, но духи не слабее тебя. И они любят дерзости, а ты дерзок.

— Я вообще везунчик, — вряд ли шаманка уловила скрытый в его словах сарказм. — Получилось снять клеймо?

— Да, Луна ответила на наш зов.

Он выдохнул с облегчением и легкой грустью. Хорошо. Хотя и жаль — ему бы хотелось знать, что рыжая принадлежит ему полностью.

— Если обряд закончен, я хочу забрать Дженни.

— Будет лучше, если она проведет эту ночь здесь.

— Тогда я хочу остаться с ней.

Женщина кивнула с таким видом, словно и не ожидала ничего иного.

— Правильное решение, крылатый. Долина Меокуэни и духи гор будут свидетелем вашего союза.

— Чего? — не понял Раум.

— Следуй за мной.

Взглянув в отрешенное лицо шаманки, он решил обойтись без вопросов. Ну ее — шаманы все долбанутые, это даже дети знают.

К тому же Дженни волновала его куда сильнее. Настолько сильно, что он едва удостоил взглядом светящиеся озера, когда проходил мимо. Только отметил, что магией от них фонит неслабо. Похоже, здесь расположена одна из естественных точек выхода глубинных магических жил. Неудивительно, что шаманка уволокла Дженни снимать печать с ауры именно сюда.

Женщина показала на сшитый из шкур шатер. Ого! Настоящее типи, с какими предки нынешних волков кочевали по равнинам тысячи лет назад еще до великого Исхода других рас. Прямо как в музей сходил.

— Твоя нареченная там, — она подняла лицо к небу. — Луна смотрит. Это хорошая ночь для брака.

Демон закашлялся от неожиданности. Это что такое она имела в виду? Какой брак?

— Пригнись, — приказала женщина, а когда демон неохотно последовал ее словам, обмакнула палец в банку с резко пахнущей мазью и начертила у него на лбу какой-то знак. Раум неплохо разобрался в рунистике, но навскидку узнать символ не смог.

— Надеюсь, это не какое-нибудь ругательство, — проворчал он, чувствуя все нарастающее раздражение. Вся эта мистическая хрень и нетрадиционные магические практики здорово напрягали.

— Благословение, — коротко ответила шаманка. — Я ухожу. Теперь с вами будет только Луна и горы.

И действительно ушла. Очень мило с ее стороны.

Глава 16

Демон откинул лежащую внахлест шкуру, выполнявшую роль двери, и заглянул в шатер. Внутри оказалось неожиданно просторно — можно стоять в полный рост, причем не только ближе к центру. А еще жарко. Свет и тепло исходили от выложенного камнем очага посередине типи, где серый столб дыма поднимался вверх и уходил в вентиляционную дыру.

Аутентичненько. Можно сказать, полная реконструкция.

Раум шагнул внутрь, на ходу расстегивая пальто. Поначалу показалось, что шатер пустует, но нет. С дальней от входа стороны валялся ворох шкур, поверх которого разметалось знакомое рыжее золото волос. И сразу все остальное потеряло смысл. Демон прошел через шатер, опустился рядом с ней. Дженни спала, свернувшись как волчонок под меховым одеялом. Раум откинул прядь с ее лица, нежно провел по щеке, всматриваясь в знакомые черты с болезненной жадностью. Ей снился дурной сон — в ауре вспыхивали и гасли отголоски страха, обиды и боли. Захотелось обнять ее, утешить, защитить от кошмаров.

Неужели он действительно станет причиной, по которой она погаснет, замрет, превратиться в равнодушную куклу? Можно ли спасти ее от этой участи, не расставаясь с ней?

Он знал ответ. И от этого было больно.

Дженни беспокойно завозилась и перевернулась на спину. Сползшее одеяло открыло нагое тело, и Раум сглотнул, не в силах оторвать взгляда от молочно-белой кожи в россыпи веснушек. Снова вспомнилось ее обещание...

Внезапно стало очень жарко. Он стянул и швырнул на выстланную шкурами землю сначала пальто, потом жилет. Медленно расстегнул пуговицы на рубашке. Взгляд упорно возвращался к белому полушарию груди с розовой ягодкой соска. От смешанного с нежностью желания заныло в паху.

Разбудить? Или пусть спит?

Девушка жалобно всхлипнула во сне. Одинокая слезинка выкатилась из-под сомкнутого века, Раум стер ее пальцем.

— Тише, маленькая. Все хорошо, — хрипло сказал он, сам не понимая что несет. Его разрывало от противоречивых желаний. Разбудить рыжую жаркими поцелуями и овладеть. Взять, наконец, то, о чем так долго мечтал — настойчиво, яростно. И защитить, утешить, позаботиться. Но слишком тревожной была ее аура, выдавая, что девушке сейчас совсем не до любовных забав.

— Это сон, детка. Просто дурной сон. Просыпайся.

Дженни еще раз всхлипнула, дернулась и открыла глаза.

Переход между старой детской комнатой и освещенным костром шатром был настолько шокирующим, что сначала Дженни просто не поняла где находится. Душой она все еще была там, в прошлом. Наедине с неприкаянностью и бесприютной тоской, на которую обречен любой оборотень, утративший своего зверя.

Слезы потекли словно сами собой. Дженни скорчилась и зарыдала, оплакивая одинокую испуганную девочку, которой была когда-то.

— Что случилось, маленькая?

Теплые объятия. Голос — обычно насмешливый, а сейчас встревоженный и непривычно мягкий. Она даже не удивилась присутствию демона. То, что Раум здесь, рядом, когда ей так нужна поддержка, было правильно. Дженни вцепилась в него, уткнулась в плечо и заплакала еще горше. Ион обнял ее, баюкая в объятиях, словно ребенка.

— Тс-с-с, Дженни-плакса. Тебя кто-то обидел?

Она замотала головой. Никто не обижал ее, никто не заставлял возводить каменную стену между собой и своей волчицей. Она сама сделала это из-за ужаса перед разлукой с родными и желания ничем не отличаться от других детей.

Но человеком все равно не стала.

— Тогда что случилось? Тебя так расстроило, что шаманка сняла клеймо?

— А? — вопрос ослабил власть прошлого, заставил вспомнить о причине, по которой она здесь. — Она сняла?

— Как видишь.

Девушка чуть отстранилась и опустила взгляд, рассматривая чистую кожу на тыльной стороне ладони. От уродливой метки не осталось и следа.

— Хорошо... — пробормотала Дженни, почти не чувствуя радости.

Раум снова привлек ее к себе, заставляя откинуться на него, и девушка с благодарностью обняла его за шею. Воспоминание больно ранило, сделало ее беззащитной и уязвимой перед миром. А близость демона дарила удивительное ощущение защищенности и тепла. Всего того, чего ей так не хватало в детстве.

— Так что случилось, Джен? — мягко спросил он, вытирая слезы на ее щеках. — Почему ты плакала?

— Ничего... просто сон.

— Не ври мне, Дженни-скрытная-тихоня, — Раум поцеловал ее в нос. — Давай, рассказывай, что за пакость тебе снилась.

Она было открыла рот, чтобы отделаться ничего не значащими общими словами. Как делала всегда, рано усвоив, что никто не будет решать ее проблемы, кроме нее самой.

Открыла и закрыла. Потому что Раум ди Форкалонен не из тех, кто спрашивает из вежливости. Если бы ему было плевать, он бы сумел это объяснить. Максимально доходчиво и обидно.

— Я... тебе это может показаться глупостью...

— Рассказывай свои глупости.

И она заговорила.

Демон слушал молча. Только сжимал объятия крепче, когда голос Дженни начинал дрожать, поддерживая и напоминая: «Я тут, детка. Ничего не бойся».

С каждым словом потерянное прошлое вставало все ярче. словно луч фонарика, гулял по темной кладовке, высвечивая давно забытый хлам и пыльные обломки детских игрушек. Недостающие осколки мозаики, выпавшие из памяти кусочки встраивались, собираясь в единую картину.

Теперь по-иному воспринимались осторожные и мягкие намеки матери. И ярко, словно это было вчера, вспомнилось откровенное удивление вожака Маккензи, когда он обнаружил, что подросток Бренды не умеет оборачиваться, и хуже того — уверена, что никогда и не умела.

Вспомнился мозгоправ, к которому мать водила ее трижды — слишком самонадеянный и настойчивый, он каждый раз доводил ее до истерики. После этих визитов Дженни замыкалась, не желая разговаривать даже с самыми близкими.

— Мне очень жаль, но ребенок, судя по всему, просто не хочет быть обратным, — заявил он после третьего сеанса. — Думаю, мы должны уважать ее выбор.

Мать решила, что надо уважать. Смирилась и даже не напоминала. И простить ее за это сейчас было трудно.

— Понимаешь, я же просто хотела быть хорошей! Не хотела, чтобы меня забрали...

— Понимаю. Детка, ты извини, но твоя мать такая же никчемная кукушка, как и моя.

Эти слова неприятно царапнули. Наверное, потому что были слишком близки к правде.

— Ты никогда не рассказывал о своей матери.

— Ей на меня плевать, — мрачно сказал демон. — Игретт ди Небирос- законодательница мод и самая изысканная женщина бомонда. Пока я был мелким и милешным, она любила меня

тискать и называть «своим зайчиком», особенно на глазах у папарацци и подружек. А потом я подрос и стал хамить в ответ на попытки превратить меня в плюшевого мишку, и вся любовь сразу прошла. Во время развода она, чтобы вытащить из отца побольше денег, спланировала меня дядюшке Андросу, а он редкостная сволочь, — Раум скривился. — Сейчас мы не общаемся. Когда хочу узнать, как у Игретт дела, читаю светскую хронику.

— Но моя мама совсем не такая... Мы проводили много времени вместе.

— А толку, Дженни-сиротка. Если ни защиты, ни помощи.

И это тоже было правдой. Дженни привыкла до последнего оправдывать близких, но глупо врать. Сколько она себя помнила, Бренда Маккензи всегда была слабой, зависимой и несамостоятельной. Уже в десять лет Дженни вынуждена была принимать многие решения не только за себя, но и за маму.

— Понятно откуда у тебя это стремление всех опекать, Дженни-мамочка.

— Но... ей нужна была поддержка.

Раум скептически хмыкнул.

— А тебе не нужна? Сколько тебе было? Десять? В этом возрасте родители должны заботиться о детях, а не наоборот.

С этим трудно было спорить.

Выговорившись, Дженни почувствовала опустошение и легкость. В груди все еще щемило и болело, но плакать уже не хотелось. Мысли обратились из прошлого к настоящему. В нем она больше не была испуганным отвергнутым ребенком.

— Спасибо.

— Не за что, Дженни-гордая-волчица, — демон чмокнул ее в кончик носа. — Обращайся. Мне нравится, когда ты такая.

— Какая?

— Слабая, — он пропустил прядь ее волос между пальцами. — Доверчивая. Готовая принимать помощь, — губы прижались к шее чуть ниже уха. — Когда ты показываешь, что я тебе нужен, — выдохнул Раум ей на ухо.

По спине побежали сладкие мурашки.

— Ты мне нужен, — тихо откликнулась девушка. — Не потому, что можешь решить мои проблемы. Просто потому что ты — это ты.

«Я хотела бы быть с тобой всегда. Просыпаться по утрам в одной постели, целовать, пить вместе кофе. Поддерживать тебя во всех твоих начинаниях. Отдаваться по ночам. Родить детей, похожих на тебя. Не потому, что у тебя есть твой особняк и миллионы, а потому что ты — это ты», — слова, которые ей отчаянно хотелось произнести. Но было стыдно и страшно.

До сих пор Раум не обещал ей ничего, кроме контракта на полгода. Не решит ли он, что Дженни навязывается таким образом?

Вместо ответа он привлек ее к себе и поцеловал так жарко и неистово, что все мысли вылетели из головы. Остались только требовательные прикосновения губ, наглый язык, жар его дыхания на щеке и стальной капкан объятий из которых не хочется вырываться.

Внизу живота приятно заняло, и Дженни вдруг поняла, что сидит в его объятиях полностью обнаженной. А вот на Рауме рубашка и половина пуговиц на ней все еще застегнуты. Непорядок!

Жадные поцелуи и тугие пуговицы. Прохладная пряжка ремня на брюках, дурацкие запонки, которые не сразу и поймешь, как расстегивать. И, наконец, прикосновение обнаженного тела к телу.

Демон опрокинул Дженни на меховое одеяло и навис сверху, опираясь на руки, и Дженни внезапно действительно почувствовала себя маленькой и слабой под его хищным жаждущим взглядом.

— Моя Дженни-конфетка... — севшим голосом пробормотал он. — Хочу тебя. Знаю, что не имею права настаивать, но я хочу тебя, Джен.

Дженни замерла, как птенчик перед змеей, чувствуя, как душу раздирают предвкушение и страх.

Она обещала ему себя. И она тоже этого хочет.

Но страшно. Согласится, шагнуть в неизвестность, зная, что обратного пути уже не будет. И надо бы побыть разумной девочкой, остановить Раума, объяснить все — про пару, про священный брак. Но под его жадным взглядом мысли путаются и не найти нужных слов. Дженни устала от разговоров. Если она доверяет этому мужчине, то доверяет полностью, безоглядно. И так ли важно кто чья пара, если они все равно любят друг друга и хотят быть вместе?

— Да, — выпалила она и зажмурилась, чувствуя, как щеки заливают краской. — Только, пожалуйста... осторожней.

«Мне страшно! Это мой первый раз, и это священный брак перед ликом Луны, который привяжет меня к тебе. Прошу: не обижай меня. Сделай так, чтобы я не пожалела. Я так хочу довериться тебе...» — слова, которые она сказала, если бы не чувствовала себя такой растерянной, если бы мысли не разбегались, а тело не плавилось от желания принадлежать ему.

Удивительно, но Раум понял.

— Не бойся, маленькая, — прошептал он в приоткрытые влажные губы. — Я буду очень осторожен.

Глава 17

От возбуждения перехватило дыхание. Его девочка смотрела на него снизу вверх и в широко распахнутых зрачках отражалось желание и страх. Раум ловил в ее эмоциях знакомые нотки возбуждения и новый, сводящий с ума вкус доверия и любви. Завораживающий, восхитительный, не сравнимый ни с чем, что он пробовал до этого.

Она показалась ему прекрасной — хрупкая обнаженная фигурка на меховом одеяле в его объятиях. И испуг девушки вызывал к незнакомому глубинному инстинкту. Желанию не доминировать, но защитить, позаботиться, уберечь.

Сделать счастливой.

— Дженни-конфетка, — пробормотал демон, чувствуя, как пьянеет от одной ее близости. Коснулся с внутренним трепетом, словно мальчишка, впервые ласкающий женщину. Погладил нежную кожу с тыльной стороны руки, накрыл ладонями грудь... Девушка тихо вздохнула. Возбуждения стало чуть больше, страха меньше. Раум еще раз склонился, чтобы поцеловать ее — долго и нежно, обещая одним поцелуем упоительное продолжение.

— Расслабься, маленькая. Разве тебе когда-нибудь было плохо со мной?

— Нет, — пробормотала Дженни.

С Раумом всегда было восхитительно. И не только потому, что ее тело, с восторгом реагировало на любые прикосновения демона. Просто в сексе он становился заботливым, полностью сосредоточенным на партнерше. Грубый или нежный, напористый или расслабленный и неторопливый, он всегда словно считывал мельчайшие реакции Дженни, чувствовал где и как прикоснуться, когда надо быть настойчивым, а когда лучше отступить.

Пальцы поглаживали живот, вычерчивая круги и спирали на тонкой коже.

— Ничего не будет, пока ты не перестанешь бояться.

— Я не боюсь.

— Дженни-врушка, — демон коснулся губами запястья, поднялся к плечу, оставляя на тонкой коже дорожку из поцелуев.

Она выдохнула и действительно постаралась расслабиться. Сосредоточиться на руках, скользящих по ее телу, на сладких и томительно-нежных прикосновениях губ.

Жадный рот накрыл сосок, и с губ сам собой сорвался короткий стон. Дженни чуть выгнулась на шкуре, подставляя грудь для новых и новых развратных поцелуев. Желание разгоралось в теле, захлестывало разум, изгоняло неуверенность в себе и страх перед будущим.

— Я просто буду тебя целовать, Джен. Везде. Хоть до самого утра, пока ты не перестанешь бояться. Хочу, чтобы тебе тоже было хорошо, — вкрадчиво прошептал демон, обдавая ухо жарким дыханием, и Дженни в ответ прильнула теснее, раздвигая бедра.

Она любит этого мужчину, она хочет быть с ним, она готова доверить ему себя полностью. И будь, что будет!

— В первый раз всегда больно, — с придыханием пробормотала она. И тихо застонала, когда ловкие пальцы легли на низ живота, совсем легко, еле ощутимо погладили сомкнутые влажные лепестки. Мало... слишком мало. Раум любит так играть — дразнить и терзать ее, заставляя изнывать от желания.

Один палец скользнул внутрь — неглубоко, заставив ее задохнуться от острой вспышки возбуждения.

— Больно тоже может быть по-разному, Дженни-трусика, — в доказательство своих слов он укусил ее за сосок — болезненно и сладко до умопомрачения. Низ живота свело от удовольствия.

— Ах-х-х!

Рядом потрескивал огонь в очаге, пахло смолой и дымом. От бесстыдных прикосновений, поцелуев, укусов хотелось выгибаться и кричать в голос, забыв о том, что лишь тонкая

преграда из шкур отделяет их от осенней ночи. Страх уходил, растворялся в мареве желаний. В трепете прикосновений, жаре объятий, сладости поцелуев.

Его хриплый приказ.

— Не сдерживайся. Мне нравится слышать, как ты стонешь.

И горячий рот на ее груди, ласкающие прикосновения там, внизу, от которых из горла рвутся развратные вздохи и крики. Отражаются от плотно натянутой шкуры, летят вместе с дымом вверх, навстречу неполной луне.

Тишина. Безлюдье равнодушных гор. Живительное тепло костра и два сплетенных в объятиях тела. Луна — волчье солнце — одобрительно моргнула и скрылась за тучей, словно храня стыдливость невесты, и вслед за ней ушли сомнения и страхи. Осталось только кипящее раскаленной лавой в крови вожделение, желание ласкать и принимать ласки, стать еще ближе, навсегда...

Собственный еле слышный выдох. Слова, которых демон добивался так долго.

— Возьми меня.

И ответная сладкая тяжесть мужского тела. Дженни заскулила от желания, чувствуя, как возбужденный ствол скользил вдоль покрытых любовным соком лепестков, поддразнивая и лаская. Она даже дернула бедрами навстречу, готовая сама насадиться на него. И пусть будет больно, лишь бы ощутить его полнее, стать единым целым.

— Тише, маленькая. Не торопись, — Раум чуть подался вперед, и у Дженни перехватило дыхание, когда она почувствовала, как бархатистая головка медленно раздвигает мокрые складочки.

— Моя, — простонал демон, врываясь в ее тело.

Боли не было. Почти не было — короткая ноющая вспышка, которая исчезла мгновением спустя. На смену ей пришла огненная волна. Она прокатилась по телу, выжигая все чувства, все мысли, кроме острого, почти болезненного удовольствия. Наслаждения на грани нестерпимого, когда так хорошо, что хочется плакать, сердце колотится в груди с нечеловеческой силой, а все ощущения усилены в десятки, сотни раз.

Жар чужого дыхания на шее. Прикосновение обнаженной кожи к коже. Сладкая боль в распухших от поцелуев губах. Медленное и осторожное движение чужой плоти внутри ее тела.

Оргазм называют «маленькой смертью». Это не было оргазмом, но тоже оказалось похоже на смерть. Слишком сильно, слишком остро. Почти непереносимо...

А потом в какофонию нестерпимо сильных ее собственных ощущений вошли чужие — темные, пряные, страстные. Обрывки незнакомых эмоций и чувств врывались в сознание, как звуки музыки откуда-то издалека, накладывались, смешивались с ее собственными в упоительную, непередаваемую симфонию. Дженни ощутила себя на миг не только собой — испуганной, слабой, впервые познающей близость с мужчиной, но и кем-то другим — сильным, уверенным, точно знающим что и как нужно делать.

От неожиданности девушка всхлипнула, и Раум остановился. В палитре эмоций мелькнула... тревога? Да, тревога.

— Детка, все хорошо? — очень хрипло спросил демон, покрывая поцелуями ее шею.

— Да-а-а, — зачарованно выдохнула Дженни. Происходящее казалось невероятным. И таким восхитительно прекрасным. Она чувствовала его еле сдерживаемую страсть, желание двигаться резче, быстрее. Овладеть, присвоить, подчинить. Чувствовала и скрытую за этим эгоистичным желанием безграничную нежность. И острое, непередаваемое удовольствие, которое ему дарила их близость.

Девушка осторожно положила ладонь ему на плечо, чуть царапнула ногтями и чуть не застонала ощущая эти прикосновения сразу с двух сторон.

— Не останавливайся!

Демона не нужно было упрашивать. Он чуть подался назад, и Дженни не удержавшись застонала уже в голос. Ощущения были настолько убийственно яркими, что казалось еще

немного и она потеряет сознание.

Он задвигался быстрее. Девушка выгнулась и вцепилась в его плечи, царапая кожу когтями. Слабая пикантная боль заставила ее всхлипнуть.

— Да! Да! Еще!

Граница между душами исчезла, они были одним. Дженни целовала и принимала поцелуи. Отдавалась и входила в покорное дрожащее от желания тело. Стонала и ловила губами чувственные, безмерно возбуждающие стоны. И уже не разделяла себя и своего мужчину в прямом мареве взаимной страсти. Разделенные на двоих ощущения, эмоции, чувства стали не вдвое, вдесятеро ярче. Перед глазами плясали звезды, под кожей вспыхивали и гасли россыпи сладких искр, а внизу живота скручивалась жаркая тугая спираль.

— Быстрее! Пожалуйста... — проскулила она. Демон стиснул ее, заставив жалобно ойкнуть, и задвигался быстрее, вколачиваясь в ее тело. Он тяжело дышал сквозь зубы, балансируя в полушаге от оглушительного финала.

Еще несколько яростных толчков, и спираль внизу живота взорвалась. Дженни изогнулась, впилась ногтями в спину демона и замерла в его объятиях, чувствуя, как тело прошивает одна нестерпимо-приятная судорога за другой, снова и снова.

Ответный хриплый стон, и новый всплеск наслаждения — на этот раз чужого, но оттого не менее сладкого. Раум остановился и ткнулся лбом ей в плечо. Лихорадочное дыхание обжигало кожу, по телу еще расходились отголоски невозможного удовольствия, а прямо перед глазами маячила соблазнительно обнаженная шея.

Волчица в душе вострепнулась, подсказывая, как следует завершить обряд...

Глава 18

Нет, это не было разумным жестом или осознанным решением. Слепой инстинкт, голос крови. Ведомая им, Дженни потянулась и впилась в гладкую кожу зубами, оставляя понятный для любого оборотня знак: мое, не трогай!

Рот наполнился кровью — пряной и сладкой, а Раум громко выругался и отпрянул, разрывая их связь. Волчица разжала зубы и обиженно заскулила.

— Дженни, твою мать! Какого хрена...

На его лице читалось такое неподдельное возмущение и обида, что девушка невольно прыснула. И тут же скорчила виноватую рожицу.

— Прости. Дай я... — она потянулась было зализать ранку, но демон ловко уклонился.

— Хватит меня жрать, вампирша недоделанная.

— Извини, — она снова захихикала. — Я не специально. Дай, залижу.

— Угу, случайно прокусила во мне дырку, — проворчал он, но больше не возражал, когда девушка подползла ближе и принялась тщательно вылизывать следы от своих зубов. — Детка, что с тобой? Зачем нужно было устраивать такое в финале? Ты бы мне еще член откусила!

— М-м-м, не подавай таких идей, — кровожадно облизнулась Дженни. А потом прильнула к своему мужчине и уставилась на него снизу вверх, состроив максимально умильную рожицу. — Прости. Я... мне захотелось как-то тебя пометить.

Говорить о том, что метка теперь навсегда будет с демоном, сохранившись отпечатком на ауре, она не стала. Неизвестно, как Раум отреагирует на такую новость.

Он сердито фыркнул.

— Мне тоже постоянно хочется тебя пометить, Дженни-свободная-волчица, но я же не кусаюсь.

От радости перехватило дыхание. Дженни с готовностью отвела от шеи прилипшие волосы и откинула голову.

— Кусай, — попросила она.

По лицу Раума было видно, что предложение не показалось демону заманчивым.

— Ты серьезно, Дженни-любительница-экстрима? — спросил он с таким видом, словно интересовался не ударила ли она головой.

— Да. Укуси меня. Пожалуйста! — она поймала себя на том, что почти умоляет, и осеклась. Еще не хватало!

Он скептически фыркнул, склонился над ее шеей и укусил. Довольно больно, но даже не до крови.

— Сильнее не можешь?

— Пф-ф-ф, детка. Ты меня с Арманом не путаешь? — демон отстранился, недовольно разглядывая бледнеющие следы своих зубов на ее коже. — Нет, засосы смотрятся симпатичнее. Если ты очень хочешь, я могу сделать тебе больно, Дженни-мазохистка, но ты вроде раньше никогда не отличалась любовью к подобным играм.

— И сейчас не отличаюсь, — она помотала головой, стараясь не выдать своего разочарования.

Не укусил...

Точнее, укусил, но не так, как надо. Не пометил.

И правильно, наверное. Раум не знает об особом смысле меток, которые в союзе волков символизируют брачную клятву. Вырванная обманом, она все равно не будет иметь силы. Это все волчица — полоумная невоспитанная бестия, чтоб ее.

— Прости, — еще раз покаянно повторила девушка, пряча взгляд. — Не знаю, что на меня нашло.

— Прощаю, — демон привлек ее к себе, обнял и щелкнул по носу. — Но больше так не делай. Я не люблю игры с болью, но если уж ты настаиваешь на них, рыжая, запомни: я всегда сверху.

А потом поцеловал ее — до того жарко, страстно и непристойно, что все подробности только что случившейся близости заново вспыхнули в памяти, пробежали по телу мучительно-сладкой дрожью. И Дженни вдруг осознала сразу несколько вещей.

Во-первых, она больше несвободна. Навсегда связана вот с этим невыносимым и замечательным типом. Причем предупредить его о последствиях, к которым приведет близость, так и не удосужилась. И неизвестно еще понравится ли Рауму эта новость.

Во-вторых, она больше не чувствует его эмоций. От этого стало обидно. словно ей позволили заглянуть в другой мир — чужой, незнакомый, притягательный и опасный, а потом с размаху захлопнули перед носом дверь.

Теперь понятно, почему говорят, что близость со своей парой дарит ни с чем несравнимое наслаждение. Как жаль, что Раум не оборотень и в не способен почувствовать все, что чувствует Дженни.

И, в третьих, она совершенно не против повторить.

— Да, с тобой не соскучишься, Джен, — усмехнулся демон, отрываясь от ее губ. — Ты точно волчица, а не самка богомола? Я слышал, они отгрызают самцам голову после секса.

— Что? Я не... — она начала было протестовать, но поймала его улыбку — насмешливую и теплую. Раум нежно провел пальцем по припухшей нижней губе.

— Впрочем, оно того стоило. Самый крышесносный секс в моей жизни. Как насчет еще одного захода?

— Можно, — краснея, согласилась девушка. — Вот только... мне бы в ванную.

Но конструкция шатра отродясь не предполагала ванной. Так и выясняется, что заниматься сексом в типи, находясь в десятке миль от любого жилья, не самая лучшая идея.

— Да, помыться не помешает. Можно там и повторить, — Раум поднялся и потянул девушку за собой, принуждая встать. — Пойдем.

— Куда?

— Пф-ф-ф, детка. Тут снаружи куча горячих ванн на любой вкус.

Робкие возражения о святом месте и спящих под долиной духах огня демон слушать не стал, а когда Дженни заупрямилась, не желая выходить из шатра, просто поднял ее на руки и понес.

За прошедшие часы воздух стал еще холоднее, но от горячей воды по-прежнему поднимался пар, и все пространство над источниками было затянуто белым туманом. Ледяной воздух ожег тело, но Раум, чертыхнувшись, щелкнул пальцами и чувство холода ушло. Теперь тело как будто обдувал сухой и жаркий ветер.

Демон донес ее до ближайшего источника и опустил в воду. Сам чуть отошел, разбежался и нырнул — красиво, как на показательных выступлениях по плаванию. Вошел в воду почти без брызг, неслышно. Дженни завистливо вздохнула. Вот ведь позер...

А потом завизжала от того, что кто-то дернул ее за ногу. От неожиданности девушка оступилась и ушла под воду с головой. Но тут же вынырнула, пылая жаждой мщения.

— Ты?! Да я тебя...

— Сначала догони, — расхохотался демон. И поплыл вдоль берега. Дженни зарычала и бросилась в погоню.

Уже после первых минут стало ясно, что в воде она Рауму не соперник. Проклятый демоняка плавал лучше дельфина. Но сдаться без сражения не позволяла гордость, поэтому Дженни сцепила зубы и поднажала. Демон напротив сбавил скорость и расстояние между ними стало сокращаться. Ободренная девушка заработала руками и ногами еще быстрее, уже планируя,

как сейчас догонит его, навалится сверху, а потом...

«Потом» не получилось. Демон снова ушел под воду. Дженни зашипела от разочарования и тоже остановилась, выискивая его на водной глади. Ну вот куда делся этот кошак водоплавающий?

Кошак вынырнул прямо перед ней, снова напугав до икоты. И стиснул в объятиях, словно не заметив ни ее возмущенного фырканья, ни кулаков, молотящих по его плечам.

— Попалась, — промурлыкал демон, наклоняясь над ее лицом. — Будешь вырываться — подниму и уроню.

И по лицу было видно — не пустая угроза. Непременно поднимет и уронит.

Дженни замерла, влюбленно глядя на него снизу вверх. Вид у Раума был лихой и совершенно несерьезный: влажные волосы прилипли ко лбу, в глазах плясали веселые искры. Мальчишка! Как есть мальчишка, ничего не осталось от высокомерного аристократа или жесткого дельца. Но таким — беспечным, готовым шутить и дурачиться он ей нравился еще больше.

— Тогда я тебя укушу, — пригрозила она.

— О да, ты можешь, — он досадливо потер след от укуса, который не спешил заживать. — Как же неудобно без регенерации...

Мимходом кольнула совесть, но Дженни не стала ее слушать. Вид собственной метки на его шее завораживал. И да — себе можно не врать — дико возбуждал.

— Тебе идет.

Глаза Раума опасно сузились.

— Иде-е-ет, значит, — протянул он. Объятия превратились в стальной капкан, и Дженни, вжавшись в его тело, ощутила насколько демон готов к продолжению их брачной ночи. — Ты ведь даже не раскаиваешься, Дженни-кусака?

— Неа.

— А придется. Мое чувство справедливости требует как следует тебя наказать, — с этими словами демон потянул девушку за волосы, заставляя запрокинуть голову и подставить губы для поцелуя.

В этот раз не было осторожности и нежности. Только грубый напор, дикая животная похоть. Не было и долгой прелюдии, Раум поднял ее, до синяков стиснув ягодицы стальными пальцами, и ворвался — яростно, мощно. Вошел сразу на всю глубину, заставив застонать от блаженства.

Дженни оплела его бедра ногами, вцепилась в плечи. Что-то внутри замирало от страха — вдруг не удержит, но в то же время сознавать себя настолько маленькой и слабой рядом с мужчиной было восхитительно. Снова обрушились чужие ощущения, его напор, агрессивное и собственническое желание овладеть, подчинить, спорить с которым не было ни малейшего помысла.

И это было...

...волшебно, непередаваемо, упоительно?

Не похоже ни на что.

И прекрасно.

Она горела в руках демона, чувствовала, как мощный горячий ствол скользит в ее теле. Каждый раз, когда он погружался полностью, из груди сам собой вырывался глухой животный стон.

Слишком хорошо... Так остро и ярко, что долго не удержаться.

На этот раз все случилось одновременно. Сладкая упоительная волна накрыла тело. Дженни вскрикнула и обмякла — разделенный на двоих оргазм полностью лишил ее сил. Демон тяжело выдохнул сквозь зубы, глуша стон. Железная хватка его пальцев на бедрах ослабла, и

девушка без сил опустилась бы на дно, если бы Раум не подхватил ее. Они замерли в обнимку — по плечи в воде.

— Хорошо, — пробормотала Дженни, устраивая голову у него на плече.

— Хорошо, — согласился он, целуя ее в закрытые глаза. — Но я, похоже, перехапал. Ты засыпаешь, Джен.

— Вовсе нет! — попыталась возразить она, вяло удивившись — почему в его голосе столько тревоги?

— Вовсе да! — отрезал демон. И снова поднял ее на руки. — Спать!

— Ладно, — спорить с ним не хотелось. Спорить с ним сейчас — сразу после слияния, после подчинения, растворения, признания его власти и права оберегать ее, вообще казалось неправильным. — Завтра... еще раз.

Наверное, ответ ей приснился. Не мог же Раум на самом деле сказать: «Может быть. Посмотрим, как ты себя будешь чувствовать».

Глава 19

За ночь костер прогорел и типи выстыл, впустив предзимний холод. Он свободно гулял по шатру, норовил забраться под меховое одеяло. Единственным источником тепла оставалось мирно посапывающее рядом тело. В полусне Дженни дрожала и прижималась к нему теснее, а проснувшись, обнаружила себя буквально распластавшейся на демоне сверху. Но когда она попробовала аккуратно с него слезть, чтобы подложить поленья в очаг, Раум сгрел ее в охапку и навалился, вжимая в медвежью шкуру.

— Моя, — сонно пробормотал он. — Не пуцу!

— Я только разжечь костер, — прошептала Дженни ему на ухо. — Пусти, пожалуйста.

— Не-а...

Будить его — такого смешного, сонного и взъерошенного не хотелось. К тому же так было теплее. Поэтому Дженни перестала возиться и расслабилась, перебирая белые пряди. Перед глазами маячил след от вчерашнего укуса. За ночь он зажил, но не исчез полностью. Отметины от зубов показались Дженни невероятно сексуальными. Она не удержалась и провела языком вдоль своей метки, вдыхая одуряющий запах своего мужчины.

Все хорошо. И зря она боялась, что потеряет себя. Брак заключен, а она не чувствует в себе никаких изменений. Нет желания стелиться перед Раумом ковриком и готовности прощать любое свинство. А любовь и нежность были с ней и раньше, иначе она никогда бы не допустила этой близости.

Некоторое время Дженни лежала тихо, как мышка, опасаясь потревожить его сон. Но потом роль мягкой игрушки ей наскучила, и девушка начала шалить. Погладила Раума по спине, пощекотала между ребер, отчего он недовольно дернулся. И опустила ладонь ниже, мягко обхватив член. Тот, в отличие от самого демона, уже проснулся и ощущение гладкого, перевитого венами ствола в ладони заставило Дженни задохнуться от неожиданного желания. В памяти во всех подробностях встала вчерашняя ночь.

Даже жарко стало — и никакого костра не надо.

Она задумчиво двинула рукой. Один раз, другой. И вдруг поняла, что хоть глаза Раума и по-прежнему закрыты, мерный ритм дыхания определенно изменился.

— Ты не спишь!

Хитрый демоняка даже ухом не повел. Тогда Дженни попыталась отдернуть руку, но поверх ее пальцев сомкнулась мужская ладонь. При этом демон продолжал все так же прилежно сопеть, изображая спящего, только по губам поплыла довольная улыбка, выдавая поганца.

— Продолжай, — то ли попросил, то ли приказал он.

— Мне холодно. Хочешь чтобы я продолжила — раздуй костер.

— Костер не единственный способ согреться.

— С ним уютнее. Ну, пожалуйста!

— Угу, уют — это сейчас самое важное... — фыркнул Раум. И вылез из-под одеяла.

Утренний холод ему не понравился, и демон воспользовался уже знакомым заклинанием с теплым воздухом. Дженни завистливо вздохнула — полезная все-таки штука. И волосы высушит, и согреет. Надо бы попросить, пусть объяснит, как он это делает.

С костром Раум тоже не стал возиться. Перетащил остатки поленьев, сложенные у входа, кое-как пристроил поверх еще тлеющих углей. Дженни нахмурилась, морально готовясь вылезать на холод, чтобы объяснить не нюхавшему леса аристократу, как правильно складывать дрова в очаге, но это не потребовалось. Демон просто швырнул в горку магический импульс и дерево польхнуло, словно облитое маслом.

Раум с матюками отшатнулся.

— Так и спалить все к хренам собачьим можно!

— А вот, — хихикнула Дженни. — Будешь в следующий раз спрашивать у более опытных

товарищей, Раум-руки-из-задницы.

Демон повернулся и изумленно приподнял бровь.

— Как ты меня назвала? — вкрадчиво спросил он.

Ой-ой! Прячьтесь все — босс настроен серьезно.

— Никак. Тебе показалось, — Дженни показательно заткнула рот двумя руками и замотала головой. — Раум-проблемы-со-слухом, — шепотом добавила она.

— Кажется, кое-кто обнаглел, — он ласково улыбнулся. И шагнул к ложу. Дженни завернулась в одеяло и поползла от него, не переставая хихикать. Было страшновато, но не по-настоящему — сладкий ужас, как на аттракционах. Вид грозно приближающегося демона рождал в теле неясное предвкушение. И хотелось дразнить его, провоцировать, заставлять делать глупости.

Далеко она не уползла — спина уперлась в туго натянутую шкуру. Раум встал, нависая над ней и с пакостной ухмылкой, сдернул с девушки меховое одеяло. Не успевший прогреться воздух немедленно накинута на ее обнаженное тело, кусая за мягкие места, и Дженни взвизгнула, протестуя против подобного обращения.

— Так откуда, говоришь, у меня руки? — он в два движения скрутил ее, поймав запястья в магическую петлю. Навис сверху над беспомощной девушкой, не касаясь ее тела. И вдруг пощекотал между ребер. Дженни дернулась и задргала ногами.

— Из плеч, — она хихикнула и добавила чисто из вредности, — Но кривы-ы-ые...

— Кривые, значит? — щекотка сменилась поглаживанием — осторожным, нежным и безумно возбуждающим. — И в чем это проявляется?

Девушка чуть выгнулась, потянулась к демону, чтобы прижаться. А этот гад возьми да и отстранись!

— Раум, мне холодно.

— Так в чем проявляется моя криворукость? — он снова наклонился, разделив согревающее заклинание на двоих. Горячие губы прижались к шее, ладонь опустилась на грудь, пальцы смяли недовольно съежившийся от холода сосок.

— Ты... костер разводить не умеешь... — пробормотала она с придыханием. От близости его обнаженного тела сознание уплывало, и мысли приняли единое, очень конкретное направление. — И готовить... И...

— И что еще? — ласково прошептал Раум, прикусывая ее за ухо.

— Мыть полы!

— Ужасное упущение, — со смешком согласился он. — Что это за высший демон, который не умеет мыть полы и готовить? Стыдоба!

Он обнял ее и перекатился. Теперь демон лежал на шкуре, а девушка на нем сверху. Здесь, ближе к костру, уже было тепло и потребность в согревающем заклятье отпала. Дженни приподнялась и осторожно села, намеренно поерзав на его бедрах. Реакция его тела порадовала, даже откровенно польстила. От близости возбужденного члена к ее самому чувствительному местечку в животе сладко заныло. Вот только по-прежнему связанные запястья ужасно мешали.

— Развяжи меня!

— А что мне за это будет? — рука по-хозяйски поползла вверх по внутренней стороне ее бедра — сжимая и поглаживая нежную кожу. А на наглой физиономии демона засияла так хорошо знакомая похотливая ухмылка.

— Даже не знаю... Моральное удовлетворение от мысли, что поступил правильно?

— Звучит не слишком соблазнительно. Попробуй еще раз, — он толкнулся вперед бедрами, и Дженни задохнулась от желания, чувствуя, как возбужденный ствол скользит вдоль влажных складочек.

— Все, что хочешь, — пробормотала она, уже не чувствуя желания играть.

— Правильный ответ, рыжая. А хочу я тебя.

Невидимые пути на запястьях исчезли. Дженни закусил губу, погладила распростертого под ней мужчину по плоскому животу с четко прорисованными мышцами, поднялась к груди, намеренно царапнув кожу коготками. Снова поерзала, заставляя и себя, и его помучиться в сладком предвкушении.

— Давай, детка, — хрипло приказал демон. — Или ты предпочитаешь, чтобы я был сверху?

Она покачала головой, медленно приподнялась и опустилась, не сумев сдержать тягучего стога. Вчера все произошло слишком быстро, но сегодня Дженни прочувствовала каждое мгновение единения, когда двое становятся одним целым. Ощущать, как напряженный член медленно раздвигает влажные лепестки и входит в ее тело, было восхитительно. И так же медленно эмоции и ощущения Раума входили в ее собственные, смешиваясь в пьянящий, сводящий с ума коктейль.

Когда их тела соединились полностью, Дженни тихонько вскрикнула.

— Умничка, — мужские ладони обхватили ее ягодицы. — А теперь поскакали.

В другой ситуации от этой фразы у нее началась бы смеховая истерика, но сейчас все было слишком ярким и сладким. Дженни уперлась ладонями в грудь демона, поднялась и опустилась, инстинктивно угадывая нужные движения. Вверх-вниз.

Она делала это намеренно медленно, чтобы распробовать каждый оттенок своих и его ощущений, прочувствовать каждый дюйм входящий в ее тело.

Остро,пряно, бесстыдно... Почти нестерпимо хорошо. И действительно похоже на скачку на лошади. Дженни ускорила темп и опустила взгляд вниз, замороженно наблюдая за тем, как соединяются их тела. Развратное, непристойное, но невероятно возбуждающее зрелище.

По коже прокатилась жаркая дрожь чужого удовольствия. Она подняла взгляд к лицу демона и замерла, пойманная в мистический плен его глаз. Обычно узкие кошачьи зрачки казались огромными, почти скрыв радужку.

Теперь она двигалась не отрывая от него взгляда. Вверх и вниз, стараясь насадиться глубже. Дыхание в унисон, движение в едином ритме.

Не разрывая контакта, Раум положил руку на низ живота и коснулся скользкого чувствительного бугорка. Тело словно прошла молния, внутри что-то сладко сжалось, низ живота скрутила восхитительная судорога. Девушка остановилась, всхлипнула и выгнулась. А в следующее мгновение оказалась лежащей на спине. Мужские руки стискивали запястья, в тело снова и снова врвался горячий мощный ствол, и оставалось только стонать и вскрикивать от восторга, ощущая как по телу снова и снова проходят волны наслаждения.

Чужой оргазм снова заставил ее тело взорваться от экстаза. Дженни жалобно застонала и обмякла. Демон, не выпуская ее из объятий, опустился рядом. И несколько минут они просто лежали, сплетаясь в объятиях. В накрывшей их обоих блаженной апатии Дженни все еще чувствовала его внутри, ловила затухающие отголоски его эмоций. Из тела словно вынули все кости, мышцы превратились в подрагивающее желе.

— Моя хорошая, — пробормотал Раум с совершенно несвойственной ему нежностью. И поцеловал ее в висок.

Этот простой и безыскусный жест чуть было не заставил Дженни расплакаться. Вдруг отчаянно захотелось как-то выразить всю сложную гамму эмоций, которую она чувствовала к нему, поделиться своим теплом и восторгом.

— Я люблю тебя, — выдохнула она.

Вот так! И пусть говорят, что девушке не к лицу признаваться первой, но если она этого не скажет, Раум точно не решится.

Но он промолчал. Только стиснул ее так, словно хотел сломать ребра, а потом резко отстранился.

— Вставай, Джен. Нам надо помыться и убираться отсюда. Впереди длинная дорога.

Глава 20

Поворот, поворот, еще один поворот. Долбанный серпантин, долбанные горы. Как же они достали!

Раум стиснул руль и постарался сосредоточиться на дороге, понимая, что злиться совсем не на горы. Маррейстоун навсегда останется в его памяти, как особое место. Место, где он был по-настоящему счастлив.

Пусть ненадолго, на один вечер, но позволил себе забыть о грузе обязательств и нерешенных проблем. О высшей несправедливости, из-за которой Дженни никогда не сможет стать его судьбой.

Всего один вечер, когда он поверил, что может побыть кем-то другим. Не высшим демоном и не будущим главой клана ди Форкалонен. Просто мужчиной рядом с желанной до умопомрачения женщиной.

Прозрение пришло вместе с ее признанием и было болезненным.

Он хотел сказать, что тоже любит. И не смог. Потому что помнил — каждая минута рядом с ним для Дженни подобна еще одной капле медленного яда.

Целовать ее, клясться в любви и жрать одновременно — это не любовь. Это худший и подлейший вид лицемерия, а Раум всегда презирал лгунов. Особенно таких, которые сотворив любую гнусность, находят себе оправдания и остаются чистенькими в своих глазах.

Он не щенок Маккензи и не дядюшка Андрос. Он врать не станет.

Сидевшая рядом девушка зло фыркала и глядела в окно с преувеличенным интересом. От нее фонило невысказанной обидой, и это было правильно. У Дженни есть все основания, чтобы обижаться.

«Я тоже тебя люблю, рыжая, — мысленно обратился к ней Раум. — Ты даже не представляешь, как я тебя люблю. И ты не поймешь, проклянешь, возненавидишь меня. Но я сделаю это. И это будет моим признанием. Тем самым, которое я не скажу, а ты не услышишь.

Знала бы ты, как мне тошно от того, что придется сделать.

Прости меня, Джен. За то, что ворвался в твою жизнь. За то, что преследовал, присвоил, влюбил в себя. За то, что хотел поступить с тобой так, как привык поступать со всеми женщинами...

За то, что случится совсем скоро.

Тебе будет очень больно. Но мне будет больнее. Ты справишься, выступишь. Ты сильная девочка, жизнь лупит тебя, но ты встаешь снова и снова. Встретишь кого-нибудь, полюбишь... Я уже заранее мечтаю придушить этого урода, которого ты полюбишь. Не могу думать о том, что ты будешь с другим. Что он будет целовать твои губы, входить в тебя, ловить твои стоны. Что другому ты прошепчешь свое признание. Когда я думаю об этом, я готов убить, Джен. Его или тебя...

Или себя, за то, что согласен на это.

У тебя все будет хорошо, Джен. Я очень постараюсь, чтобы у тебя все было хорошо. Я знаю: ты гордая и не возьмешь у меня денег, но есть множество способов всунуть их так, чтобы не возникло подозрений и лишних вопросов. Клянусь: ты никогда не будешь нуждаться.

Ни ты, ни твои дети, ни твой долбанный муж, которого я уже ненавижу. Так и вижу его мерзкую самодовольную харю, один-в-один, как у Маккензи. Приличный волк, до оскомины правильный зануда из хорошей семьи. У тебя все с ним будет так, как ты мечтала. Как любят рисовать в рекламе для оборотней: домик, увитый плющом, куча детишек и пикники по выходным, семейные ценности. И однажды ты забудешь меня...

А я... Мне будет херово. Очень херово, просто невероятно херово, но я тоже выживу. Постараюсь. У меня есть адрес лучшего мозгоправа во всем Нью-Эборе и много виски. Скоро еще будет жена — породистая сучка вроде моей мамы. И нет, Джен. Я никогда больше никого не подпущу к себе ближе, чем на вытянутую руку.

Это слишком больно. Почти так же больно, как пить твое «люблю» и знать, что этим убиваю тебя.

И вряд ли найдется еще одна такая сумасшедшая, которая сумеет полюбить меня. Я — редкостный кусок дерьма, Джен, ты была права, права с самого начала.

Ладно, без нежных чувств вполне можно жить. Жил же я как-то двадцать семь лет до того, как мы встретились. Бизнес и борьба за власть — тоже веселые занятия, мне будет чем развлечься оставшуюся вечность без тебя.

Но я не забуду. Не пойду к менталисту, не сотру из памяти ни единого мгновения. Потому что лучше быть с тобой и потерять, чем никогда не знать.

Прошлая ночь была лучшей в моей жизни, Джен. Ни с кем и никогда мне не было так хорошо. Все игры в доминирование, хитрые позы и искусные куртизанки — суррогат. Фальшивые стекляшки в сравнении с настоящей близостью. Ничто перед твоим даже невысказанным вслух «люблю» — ты могла бы и не говорить этих слов. Я и так знаю, девочка моя.

Но спасибо тебе за то, что ты сказала.

Ты даже не представляешь, как это мне нужно. Я и сам ни хрена не понимал, как мне это нужно. Как нужна ты...

Как воздух.

Да, я люблю тебя, Джен. И поэтому я сделаю то, чего не хочу делать больше всего на свете. Ради тебя...»

Демон скрипнул зубами и вдавил педаль газа. Ему хотелось завывать от тоски в голос.

— Здравствуйте, доктор. Это снова я.

Доктор Мактулл в ответ расплылся в улыбке — отнюдь не дежурной. Он явно был рад визиту Дженни.

— О, юная леди. Давненько вас не было. Как дела?

— Ну. . так, — она пожала плечами. — Вы были правы, доктор.

— На то я и доктор, — он польщенно кивнул. — А в чем именно я был прав?

— Насчет пары. . От судьбы не уйдешь, Луна умеет убеждать... — она запнулась, не зная стоит ли рассказывать обо всем кому-то постороннему. Пусть даже доктору. Да еще этот мутный статус то ли жены, то ли любовницы...

Мактулл оживился.

— О, так вас можно поздравить с браком?

— Не знаю, как насчет «поздравить»... — Дженни вздохнула.

Она до сих пор не была уверена, что не совершила ошибки. Тоска, поселившаяся в сердце еще там, у горячих источников, не спешила уходить. Дженни понимала, что не имеет права требовать ответных признаний или дуться. Но обида на молчание демона лежала на сердце тяжелым камнем.

Обратная поездка до столицы оставила тягостное впечатление. Почти двенадцать часов наедине в арендованном автомобиле — Раум сказал, что так получится быстрее, чем на поезде, и оказался прав. Но путешествие, которое девушка ожидала с предвкушением, вышло мучительным. Демон всю дорогу гнал «Циклопа», словно пытался уйти от погони, Дженни угрюмо молчала, глядя в окно. От утренней близости и легкости не осталось и следа.

После сказанных в порыве нежности и благодарности слов все резко испортилось. Как будто Дженни разбила что-то хрупкое. Задала вопрос, о вет на который не мог ей понравиться.

Почему Раум ничего не сказал на ее признание? Он ведь любит ее! Иначе не отдал бы щит, не поклялся бы никогда не принуждать.

Или она наивно приняла за любовь обычную заботу?

Стоило спросить об этом самого демона, но Дженни боялась. Слишком страшно было услышать ответ.

А сам Раум молчал.

Они переночевали в безымянном мотеле в нескольких часах езды от столицы. Демон снял один номер на двоих. С одной кроватью, разумеется, и это отчего-то невероятно разозлило девушку. Она поклялась себе, что пошлет его в бездну, если он полезет ночью. Да, она его любовница по контракту и жена, по воле Луны, но это не значит, что она станет покорно сносить такое обращение. Дженни живое существо, а не секс-игрушка, назначение которой развлекать господина по вечерам.

Но Раум не стал приставать Просто лег рядом, такой же мрачный и отстраненный, каким был всю дорогу, поцеловал ее в макушку и уснул. Дженни отвернулась к стенке, уткнулась новым в подушку и чуть не заплакала от разочарования.

Почему? За что? Что она сделала не так?!

Если бы сейчас можно было открутить время назад и вернуть тот момент, она бы промолчала.

А сразу после возвращения Раум потащил ее в клинику. Даже домой заехать не дал. И слушать все возражения Дженни, которая доказывала, что с ней все в порядке — в аварии она не пострадала, спала в последние дни достаточно и вообще хорошо себя чувствует — не стал.

И вот теперь она сидит в кабинете доктора Мактулла под его ласковым взглядом и не знает, как рассказать ему о том, что произошло в горах Маррейстоун.

— А как в целом ваше самочувствие? Сон, аппетит, энергия? Вы выглядите похудевшей. Плохо питаетесь?

— Ну... так, — она пожала плечами.

В последние дни со всеми этими переживаниями просто кусок в горло не лез. Да и сон — неглубокий и тревожный — часто прерывался кошмарами.

Доктор нахмурился.

— Вот это очень плохо, юная леди. Нельзя так преступно пренебрегать своим здоровьем! Я сейчас отправлю вас на стандартное обследование, но даже без него вижу эмоциональное истощение и сниженный тонус. Поэтому, как ваш лечащий врач, категорически рекомендую, даже настаиваю на полноценном питании. Здоровый сон минимум восемь часов, умеренные физические нагрузки — лучше всего спортивная ходьба. Упаси вас Богиня — никакого поднимания тяжестей. И никаких сильнодействующих препаратов!

— Каких? — удивилась Дженни.

— Без консультации со мной — никаких! — отрезал доктор, подписывая листок назначения.

Глава 21

Раум даже в особняк с ней не поехал.

— Извини, детка, у меня дела, — сообщил он, усаживая девушку в такси. — Вечером буду.

— Ясно, — процедила Дженни. Ей хотелось расплакаться. А еще больше устроить скандал и спросить у проклятого демоняки какого хрена происходит. Почему Раум общается с ней так, словно она надоедливая обуза?! Если на что-то обижается, пусть так и скажет, она готова извиниться.

Нет, вряд ли обижается. Раум ди Форкалонен, который дуется, словно капризная девица, это даже не смешно. Когда демону что-то не нравилось, он умел донести это сразу — очень доходчиво и безо всяких игр в молчанку.

Но что тогда происходит? Почему внимательный и заботливый мужчина превратился в мороженую рыбину?

От тяжелых мыслей и недосыпа, помноженного на недоедание начало ломить виски. Сидя в такси, Дженни предвкушала, как заберется в мягкую постель и отключится от всего происходящего.

Мечтам не суждено было исполниться. В холле дома она наткнулась на незнакомого демона.

Незнакомого, но не неизвестного. Да, Дженни не была ему представлена, но она иногда читала газеты. А даже и без них семейное сходство слишком бросалось в глаза. Перед девушкой стояла немного постаревшая копия Раума. Рост чуть выше, лицо более вытянутое, глаза голубые, а не красные, но ошибиться невозможно.

Леонард ди Форкалонен. Потомок древнего аристократического рода. Владелец крупнейшей в стране синема-студии, газет, мюзик-холлов. Особа приближенная к его демоническому величеству.

Отец Раума.

Демон рассматривал Дженни холодно и пристально. Под этим взглядом девушка сразу вспомнила, что на ней все еще дешевая одежда, купленное в обычном провинциальном магазинчике, волосы не уложены, а ногти давно нуждаются в маникюре. Вспомнила свое сомнительное даже по меркам оборотней происхождение и чересчур свободное поведение.

И еще много чего вспомнила не слишком-то лестного, зато доказывающего, что какая-то там полукровка совершенно не пара высшему демону и будущему наследнику медийной империи.

Вот тоже талант — так посмотреть, чтобы собеседник сразу и в полной мере осознал свою ничтожность. Холодно, с легкой гадливостью и отстраненным любопытством. Как на клопа, найденного под подушкой.

«Милой светской беседы о погоде не будет», — отметила про себя Дженни. И остро пожалела, что настолько не в форме. Сейчас она и без всяких пафосных аристократов чувствовала себя несчастной, запутавшейся и очень уязвимой.

— Добрый день, сэр, — поприветствовала она демона. От вежливой улыбки сразу же заболели щеки. — Вы ищете Раума? Он вернется вечером.

— Знаю, — кивнул мужчина. — Я здесь, чтобы посмотреть на тебя.

— Простите, я очень устала, и если вы не возражаете, хотела бы отложить...

— Возражаю.

Она осеклась и вздохнула.

— Хорошо. Какое у вас дело ко мне?

— Я не собираюсь беседовать в холле, — скривился демон. И поманил ее за собой в гостиную.

Пришлось последовать за ним.

— Кофе, — обронил он, не глядя на служанку, — Черный, без сахара. И распорядись, чтобы нас

не тревожили.

Чего хочет Дженни спрашивать не стал, снова словно указывая этим ей на ее место. Но вместо того чтобы расстроиться или предаться самоуничтожению, девушка почувствовала злость. У нее была тяжелая дорога, а до этого тяжелая неделя. Она побывала в аварии, чуть не потеряла свою пару, окончательно рассорилась с другом детства, сняла клеймо изгоя и вышла замуж. И сейчас ей хочется отдохнуть, а не терпеть попытки богатенького сноба поставить ее на место!

Но вслух она этого говорить не стала. Леонард — отец Раума. И если Дженни хочет быть со своим мужчиной, ей стоит хотя бы попробовать поладить с его родней.

— Итак, чего вы хотели? — снова спросила она как только за служанкой закрылась дверь.

— В первую очередь — посмотреть на тебя, — мужчина открыл инкрустированный слоновой костью портсигар и Дженни снова поразились сходству отца и сына. Не только внешность, но и привычки, мелкие жесты. — После скандала у ди Небиросов до меня стали доходить тревожные слухи. Доброхоты и советчики утверждают, что я вот-вот стану счастливым свекром, — он скривил тонкие губы.

Сердце сладко сжалось на этих словах. Ах, как бы ей хотелось, чтобы это было правдой!

— Я думаю, слухи преувеличивают, сэр, — осторожно заметила девушка.

— Разумеется, — фыркнул демон. — Это полный бред. У моего сына бывают капризы и странные прихоти. Я не препятствую им — демон должен перебеситься в молодости, попробовать все что хочется и осуществить все свои сексуальные фантазии. Однако Раум прекрасно понимает разницу между женой и постельной игрушкой.

Дженни вздрогнула. Эти небрежно сказанные слова были равносильны хлесткой пощечине.

— Я не игрушка.

— Ты любовница по контракту, — отрезал мужчина. — Статус чуть выше, чем у рабыни. Считаешь, что это называется как-то иначе?

Пальца сами собой сжались в кулаки. Что она могла ему ответить? Что подписала контракт под давлением обстоятельств? Вряд ли Леонарда интересовали ее мотивы. Что она жена Раума перед Луной и другими волками? Так ведь узы односторонние, к тому же она так и не решилась рассказать своему любовнику всей правды.

Поэтому Дженни стискивала кулаки и молчала.

Демон раскурлил сигару и с наслаждением затянулся.

— Обидно? Понимаю. Но для тебя же самой будет лучше, если ты не станешь питать глупых иллюзий, Дженнифер. Демоны женятся на связях и деньгах. Что, разумеется, не мешает нам заводить столько постельных игрушек, сколько мы пожелаем. Общество относится к этому снисходительно. Понимаю, почему тебе нравится Раум. Мой сын не скуп и не имеет слишком уж специфических сексуальных пристрастий.

— А вы откуда знаете про пристрастия? — пробормотала Дженни. Предельная откровенность демона неприятно шокировала.

— Знаю, — жестко отрезал он. — Так вот: я прекрасно тебя понимаю. И, заметь, не имею ничего против твоего существования — лучше одна любовница из приличной семьи, чем новая шлюха каждый вечер. Я даже рад: мальчик вырастет и становится более постоянным в своих пристрастиях. Если ты поведешь себя правильно, то за короткий срок сможешь скопить на годы безбедной жизни...

— Я не...

— Не перебивай! — жестко оборвал ее демон. Он опустил сигару в пепельницу и вдавил с такой силой, что коричневый столбик развалился в его руках. — В разговоре с тем, кто выше тебя, нужно проявлять сдержанность, девочка. Так вот: я не имею ничего против твоего существования. Но если ты будешь мешать предстоящей свадьбе, я тебя уничтожу.

Последняя фраза ошеломила. Оглушила, выбила почву из-под ног.

— Свадьбе? — беспомощно переспросила девушка. — Какой свадьбе?

— Моего сына, разумеется. Раум женится. Он разве не сказал?

Скрипнула дверь и в комнату вошла служанка с подносом. Дженни невидящим взглядом смотрела, как та выставляет на кофейный столик чашку, сахарницу и молочник с подогретыми сливками, а в голове навязчивой мелодией крутилось: «Раум женится, Раум собирается жениться».

Дверь за служанкой закрылась, Леонард взял щипчики, добавил пару кусочков сахара, задумчиво поболтал ложечкой в чашке.

— Они с Шеризой давно помолвлены, у наших семей общие деловые интересы, поэтому брак был исключительно вопросом времени.

Дженни зажмурилась и тяжело выдохнула. Договорной брак. Это еще как-то можно пережить. Она и так знала, что Раум никогда не женится на полукровке. Так ли важно каким будет ее статус, если они будут вместе?

— Значит, он ее не любит? — поинтересовалась она, следя, чтобы голос не дрожал.

Демон изумленно вскинул брови.

— Любит? Дженнифер, ты меня разочаровываешь. Я говорю о бизнесе, это куда важнее. Надеюсь, ты не собираешься убеждать меня, что любишь моего сына и жить не можешь без него?

— Не собираюсь.

Выворачивать душу перед этим демоном она точно не станет.

— Вот и хорошо. Любовь... — он поморщился и отхлебнул кофе. — Страсть таких как мы — редкостная дрянь. Хуже наркотика: разрушает и того кто любит, и объект любви. Достаточно посмотреть на брата моей первой жены. Никому не пожелаю. Я серьезно переживал за сына, когда случилась та история два года назад. К счастью, обошлось.

Дженни вздрогнула, но каким-то чудом удержала нейтральное выражение на лице.

— А могло не обойтись? — поинтересовалась она с таким видом, словно знала о чем речь.

— Могло. Ему не стоило селить эту девицу здесь. Никогда не видел его настолько одержимым, — Леонард отпил еще немного кофе. — Я боялся, что это навсегда, но к счастью у Раума устойчивая психика. С тех пор я стараюсь приглядывать за любовницами сына.

Вспомнилась комната. Та самая, хранящая воспоминания. И Дженни остро пожалела, что все-таки не вошла внутрь. Знай она о чем именно сейчас идет речь, было бы легче.

— И вы уверены, что ко мне у него нет никаких чувств? — светским тоном спросила она. — Я ведь тоже девица, которую Раум поселил здесь.

Мужчина коротко рассмеялся.

— Да, ты дорога ему, но я вижу разницу, девочка. Клин клином вышибают. Так ведь говорят у волков? Нет? Значит, у каких-то других оборотней. Думаю, ты в какой-то степени послужила заменой, помогла окончательно избавиться от зависимости. Он даже начал снова общаться с Армеллином. В том числе поэтому я, кстати, не возражаю против твоего присутствия в жизни сына, — демон бросил выразительный взгляд на часы. — Мне надо идти. Так мы договорились, Дженнифер?

Она кивнула, ощущая, как внутри все смерзается в ледяной комок.

— Если Раум решил жениться, это его личное дело. Я не буду вмешиваться.

Произнести эти слова было нелегко. Но Дженни знала, что выполнит обещание. Не станет унижаться и устраивать сцены ревности. Если Раум собирается жениться по расчету, ее истерики и слезы все равно ничего не изменят.

— Вот и молодец, — он скупой улыбнулся. Презрительное выражение лица сменилось на заинтересованное. — Я же говорил, что ты умная девочка, Дженнифер. Думаю, после того, как

мой сын наиграется, я сам займусь устройством твоей судьбы.

Что на такое можно ответить?

— Спасибо, сэр. Вы очень добры.

Демон не уловил сарказма. Он еще раз покосился на часы, потом смерил девушку раздевающим взглядом.

— Я могу выделить еще полчаса. Если хочешь, поднимемся наверх и ты сама убедишься, насколько щедрым покровителем я могу быть.

Краска бросилась Дженни в лицо. Весь этот раз разговор ее не покидало гадкое и тягостное ощущение, но последнее предложение просто переходило все границы.

Богиня, неужели он это серьезно, а не с целью оскорбить?

Демон смотрел на нее весьма доброжелательно, даже, можно сказать, милостиво. Он окончательно убедился, что Дженни «хорошая» и «умная» девочка — свое место понимает и препятствий браку чинить не станет. Поэтому и снизошел до такого царского предложения.

Ее чуть ли не затрясло от омерзения. Значит, так ее воспринимают другие демоны? Как дешевую девку, которой не зазорно предложить по-быстренькому перепихнуться?!

Она уже открыла рот, чтобы ответить резко, высказать все, что она думает об этом предложении...

Открыла и закрыла. В чем она хочет его убедить? Леонард ди Форкалонен никогда не поверит, что она «не такая», он даже не услышит ее. Все закончится безобразным скандалом, на который сейчас просто нет сил.

Вечером. Она выскажет все вечером. И не этому мужчине, а его сыну.

— Нет, спасибо, — максимально сдержанно ответила Дженни. — Пока Раум мой покровитель, я считаю правильным проявлять лояльность.

Лорд ди Форкалонен одобрительно покивал.

— Похвально. Но на меня эти ограничения не распространяются, — он снова посмотрел на нее, как умеренно голодный человек на аппетитный кусок мяса. — В чем-то даже понимаю сына. Хотя ты и оборотень, есть в тебе что-то такое...

— Простите, я хотела бы отдохнуть, — выдавила Дженни, чувствуя почти нестерпимое желание встать под душ, чтобы смыть с себя этот липкий оценивающий взгляд. — Я вторые сутки в дороге и очень устала.

— Отдыхай, — с легким сожалением согласился демон. — Жаль, что ты оборотень, Дженнифер.

Она была слишком зла и занята мыслями о будущем, чтобы спросить почему «жаль». Просто кивнула, с трудом дожидаясь, когда же он, наконец, освободит гостиную.

Глава 22

Демон ушел, оставив после себя еле уловимый запах крепких сигар, ополовиненную чашку кофе и мысли черные, как угольная шахта. Дженни без сил опустилась на диван и взялась за виски. Ее слегка тошнило от недоедания и общей усталости, а в душе боролись за главенство отвращение, гнев и отчаяние.

Раум женится.

Он когда-то любил (а может до сих пор любит) другую женщину.

А еще его отец считает Дженни шлюхой, с которой можно по-быстрому перепихнуться, подарив на прощание пару украшений.

И одной подобной новости хватило бы, чтобы испортить день.

Так, спокойно! Надо выдохнуть, разобраться, навести порядок. Скоро придет Раум, и к его приходу Дженни должна знать, что ему скажет.

Свадьба... Сердце снова сжалось от боли. Можно сто раз повторять себе, что все понимаешь, что готова к роли пожизненной любовницы, что не это главное. Но это ложь.

Если бы не было той ночи у горячих источников в горах Маррейстоун, Дженни, наверное, просто ушла. Потребовала у Раума свободу в благодарность на спасение его жизни, расторгла контракт. Миллиона, который демон перечислил на ее счет, с лихвой должно хватить, чтобы покрыть все выплаты и неустойки.

Но ночь была. И теперь Дженни связана с тем, кто предназначен ей Луной на всю жизнь. Обречена на роль постельной игрушки.

Девушка прикрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула и спросила себя: готова ли она к столь горькой плате за право быть рядом с любимым мужчиной?

Готова. Но только если Раум тоже ее любит. Прыгать на задних лапках и заглядывать в глаза, вымаливая крохи внимания, она не будет никогда. Слишком унижительно.

А Раум так и ничего не ответил на ее признание...

Мысли снова уцепились за «девицу», о которой упомянул лорд ди Форкалонен. Та самая, чью тайну прятала безлика гостевая комната на втором этаже. Та, которую любил Раум.

Кто она? Леонард говорил так, словно был уверен, что Дженни знает подробности. С чего он так решил, если Раум ей даже о свадьбе рассказать не удосужился?

Можно спросить. Но что если демон не захочет отвечать?

Дженни вскочила и направилась к лестнице. Она знала, что надо сделать!

На пороге комнаты девушка снова замешкалась. Вторгаться в чужую жизнь подобным образом — гадко.

Но пусть это некрасиво, пусть непорядочно, Дженни нужны ответы. Она должна знать правду о женщине, которую любил Раум. Должна увидеть их вместе. Чтобы понять, кто она для него.

И чтобы увидеть ту, другую.

Дженни решительно пересекла комнату, села в укрытое чехлом кресло, закрыла глаза и расслабилась, снимая незримые запоры, которые когда-то старательно налагала на собственный дар. Тот откликнулся неожиданно легко, словно и не спал беспробудным сном эти годы.

А волчица шевельнулась, принялась и заскулила. Ей здесь не нравилось.

Правильно ли она поступает? Простила бы сама, если бы Раум взялся так подглядывать за ее жизнью? Кто знает, какие тени прячутся в чужом прошлом?

«Только один раз. Про нее... и про него. Про них! Хочу знать».

Внутри запела тугая пружина, завертелась, раскручиваясь. Перед глазами вспыхнул черный

смерч, водоворот. Мгновение Дженни словно парила в воздухе, вглядываясь в него, а потом рухнула в крутящуюся и воющую бездну.

— Соси старательней, детка.

Дженни снова была в тех же покоях, но теперь она словно парила под потолком. И сама комната выглядела иначе — обжитой, живой. Расчехленная мебель, приоткрытая дверца шкафа, небрежно брошенное на кровать платье — темно-серое с отложным воротничком. Скромное и дешевенькое, совсем не подходящее этому месту.

Взгляд обежал обстановку и замер на двоих. Беловолосый мужчина в расстегнутой рубашке, вольготно развалился в том самом кресле. Обнаженная девушка на коленях перед ним. Светлые волосы рассыпались по плечам, мерные движения головой туда-сюда не оставляли сомнений в том, чем именно занимались эти двое.

Дыхание перехватило от боли и ярости при виде этого зрелища. Дженни знала, что будет неприятно. Но не ожидала такой мучительной ревности, тоски и почти ненависти. К незнакомке, осмелившейся ласкать ее мужчину. К Рауму, который изменял ей задолго до того, как они познакомились.

Дженни захотела увидеть его лицо. Поймать на нем подтверждение, что все это — просто грязные мужские развлечения, что это хрупкое светловолосое создание ничего не значит для демона.

С ревнивой въедливостью Дженни разглядывала и сравнивала девушку с собой, и сравнение было мучительным. Незнакомка казалась совсем миниатюрной — изящной, нежной. Несмотря на вполне женские (и весьма приятные) формы в ней ощущалось что-то от ребенка. Рядом с такой любой задохлик почувствует себя крутым парнем.

Отчего-то это уязвило. Дженни выше этой девочки-тростиночки на полголовы, шире в кости, а под кожей играют мускулы. Способна бежать несколько часов без остановки, отправиться в многодневный поход по лесу, умеет охотиться и ухаживать за лошадьми и вообще слишком сильная и самостоятельная. О таких, как Дженни, не хочется позаботиться, защитить, сдуть пылинки. Скорее уж нагло хлопнуть по заду и спросить: «Как делишки, брателло?»

А влюбляются вот в таких. Нежных одуванчиков.

Рука демона легла на затылок светловолосой девушки, медленно потянула, принуждая ее податься назад. Так, словно Раум захотел по какой-то причине прервать акт. Она покорно отстранилась, выпуская возбужденный ствол из полуоткрытых припухших губ.

Если бы в этом слепке реальности у Дженни был голос, она бы закричала. Потому что, наконец, узнала соперницу.

Нежное, почти детское личико, огромные голубые глаза, глядящие на демона покорно и растерянно. В ней было что-то незащитное и неуловимо раздражающее. Что-то от прирожденной жертвы.

Дженни видела ее одетой и куда более уверенной в себе. Окруженной флером уважения и недоступности, в сопровождении безумно влюбленного мужчины. Но все же ошибки быть не могло — перед Раумом стояла на коленях белокурая анхелос Таисия ди Небирос. Жена его кузена.

Мгновенно недостающие детали головоломки сложились в единую стройную картину. Взгляды, которыми обменивалась эта троица. Еле уловимые намеки в беседе. Почти неприкрытая враждебность Армеллина.

— Вот и вся любовь, — произнес Раум, разглядывая ее лицо со странной жадностью. — Если убрать сентиментальную чушь, остаются только секс и деньги.

В его голосе звучала злая тоска, а ищущий, почти просящий взгляд спорил со циничным смыслом только что сказанных слов.

На лице девушки мелькнуло и пропало упрямое выражение.

— Как вам будет угодно, — тихо ответила она.

За внешне смиренным тоном ощущалось несогласие. Спокойное и стойкое, и Дженни на мгновение позавидовала умению Таисии соглашаться не соглашаясь.

Демон тоже почувствовал его.

— Играешь в покорность, детка? — свистящим от ярости шепотом спросил он и хлопнул себя по колену. — Садись-ка, хочу попробовать твои нижние губки.

Подглядывающую за ними девушку почти затошнило от ревности и злости. Забывшись она зарычала, предупреждая: не лезь, мой мужчина.

Видение из прошлого не услышало. Таисия медленно села спиной к демону, принимая в себя возбужденную плоть, и тихонько застонала.

— Тащишься? — со злой издевкой спросил Раум, тиская ее грудь. — Ври себе сколько хочешь, но ты любишь трахаться, сладенькая. И тебе нравится прыгать на мне.

Он резко двигал бедрами, с непонятной злостью сжимал и тискал изящное тело, словно стремился заставить партнершу стонать и кричать как можно громче.

Дженни почувствовала, как к острой, словно боль от пореза, ревности примешивается возмущение. В этом акте было что-то противоестественное. Не похожее ни на любовь, ни на близость, ни тем более нежность. Что-то про доминирование и подчинение, унижение и отвержение. Алчущее и раздосадованное выражение на его лице. Grimаска отвращения и возбуждения на ее нежном личике. Словно оба партнера получали извращенное удовольствие от противостояния.

Комната с багровыми портьерами и золочеными обоями, дорогая мебель и миниатюрная полностью обнаженная девушка в руках высокого сильного мужчины. Светлые локоны, рассыпавшиеся по хрупким плечам... Такой редкий пепельный оттенок...

В это мгновение Дженни накрыло узнаванием. Она уже видела эти волосы — светлые, тонкие и легкие. Видела у своего отражения в зеркале — наведенная Раумом иллюзия.

Шок от внезапного открытия вышиб ее из видения. Реальность дрогнула, подернулась рябью, пара в кресле застыла, как одиночный кадр из синема-ленты, и девушка с облегчением скользнула в уже знакомую черную воронку.

Она пришла в себя в той же комнате и долго сидела, сжимая кулаки.

Скотина, мерзавец, кобель! Ну и что, что это было давно, больше двух лет назад. Все равно, все равно...

Сильней всего ранило воспоминание о светло-пепельных локонах на месте ее рыжих кудряшек — живое подтверждение, что она всего лишь бледная тень на месте по-настоящему желанной женщины. Дженни не сдержалась и заплакала.

Должно быть, Рауму нравилось ее сопротивление. Распалаяло, напоминало о той, другой. О девочке-одуванчике Таисии ди Небирос, которую демон любил и ненавидел за равнодушие. Снова колодой карт перед мысленным взором замелькали воспоминания: многозначительные слова, взгляды. Все, что связывало двух мужчин и одну женщину...

Не зря волчица бесновалась от ревности и норовила вцепиться белокурой анхелос в горло. А Дженни... Дженни просто дура.

Замена. Временная игрушка вместо той, другой, о которой он все еще помнит.

Глава 23

Поток самобичевания оборвал звук со стороны коридора. Кто-то поднимался по лестнице. Не служанка — их форма предполагала туфли на низком каблучке.

Дженни утерла слезы рукавом, встала и направилась к двери. Нельзя, чтобы Раум застал ее такой — униженной, морально раздавленной. Наверное правильно было бы отложить этот разговор до завтра, но она не вынесет еще одну ночь наедине с неопределенностью.

— Раум!

Демон обернулся на зов и нахмурился.

— Джен... Что ты здесь делаешь?

— Живу, — не смогла удержаться она от сарказма. — Для тебя это сюрприз?

— Что ты делаешь в этой комнате?

— Зашла посмотреть, — Дженни взглянула на него в упор. — Ты против?

— Нет, — Раум сглотнул. На его лице застыло странное напряженное выражение, а в глазах читалась отчаянная решимость. — Служанка сказала, что мой папаша был здесь и говорил с тобой?

— Да, — кивнула девушка, радуясь, что он сам начал этот разговор. — Раум, кому принадлежала эта комната?

— Он и это про это проболтался? Кому-то и его демоническое величество не указ, я смотрю...

Дженни недоуменно моргнула.

— Император? При чем здесь он?

— Мы подписывали обязательство о неразглашении, — демон шагнул, и девушка попятилась, пропуская его внутрь. — Все причастные. И Леонард тоже.

Он положил на стол металлический кейс. Медленно провел пальцами вдоль полированной столешницы, покосился на кресло, и на губах демона заплясала язвительная ухмылка. Совсем такая же, как была в видении. Дженни стиснула кулаки, не чувствуя боли от впившихся в кожу ногтей.

Нет, она не будет набрасываться с требованиями и обвинениями прежде, чем не прояснит все.

— Почему обязательство?

Раум резко развернулся.

— Значит, он не рассказал?

— Намекнул. Об остальном я догадалась сама. Это Таисия, да? Она была твоей любовницей!

Как она ни пыталась сдержаться, последние слова прозвучали обвинением. Демон сжал челюсти.

— Рабыней, — хрипло выдохнул он.

— Что?

— Она была моей рабыней. Моей и моих кузенов. По временному контракту.

— Но... — Дженни растерялась. Все заготовленные слова вылетели из головы. — Но как?

— Немного хитрости, настойчивости и таланта вести переговоры, — он язвительно улыбнулся. — Если альтернатива тюрьма, хорошие девочки охотно соглашаются на подобные отношения.

Дженни дернулась. Лицо полыхнуло, как от пощечины. «Всего лишь рабский контракт, детка. Год в обмен на целую жизнь», — зазвучали как наяву в ушах его слова.

— Смотрю, ты часто вербуешь себе любовниц подобным образом, — пробормотала она, пытаясь за сарказмом спрятать боль.

Еще одно совпадение, еще одно подтверждение, что она всего лишь замена. Дешевая копия рядом с блистательным оригиналом.

Сравнение с Таисией даже не унижало, оно убивало. Размазывало, вдавливало в пыль, заставляя чувствовать себя ничтожеством.

— Не часто, — его лицо странно скривилось. — Ты — вторая. И это тайна, Джен. Не вздумай сплетничать.

— Ты веришь, что я могу о таком сплетничать?

Хорошего же Раум о ней мнения!

— Просто предупреждаю. Если выплывет, что я тебе разболтал, его демоническое величество изволит очень разгневаться. Анхелос запрещено склонять к подписанию рабских контрактов.

Дженни прикрыла глаза. Ей казалось, что весь этот длинный, невероятно тяжелый день обрушился на нее свинцовой плитой, придавил и не дает вдохнуть. Хотелось уйти, сбежать, запереться в ванной и от души порыдаться.

Но они еще не закончили. И если сейчас уйти, второй раз она может не найти решимости выяснить все.

— И... ты любишь ее?

Демон рассмеялся злым каркающим смехом.

— Тебя это беспокоит? Нет, не люблю. Таким как я в принципе не свойственно любить кого-то.

«И тебя тоже, Дженни-наивная-идиотка», — услышала она за его словами.

К горлу подкатили слезы, и девушка с ужасом поняла, что еще мгновение и она разревется. Жалко, позорно, прямо на его глазах.

Нет! Нельзя, невозможно допустить подобного. Она не станет так унижаться!

Остатки гордости заставили Дженни сжать кулаки и выпрямиться. Она поймала взгляд демона и снова удивилась боли и отчаянию, которые читались в его глазах.

Или ей показалось?

Уже неважно. Она получила ответ на свое сказанное в приливе нежности признание.

Осталось выяснить последний вопрос. А что делать с полученным знанием... Это Дженни решит позже. Не сегодня, не сейчас, когда снова проснувшаяся головная боль резко пульсирует в висках. Не сейчас, когда она измотана до последней степени, раздавлена открывшимся знанием и ощущением сделанной ошибки.

— Еще твой отец сказал что ты женишься.

— Женюсь? — Раум задумался, а потом кивнул. — Да, женюсь.

В его голосе не слышалось никаких эмоций. Только пустота и равнодушие, и это отчего-то страшно ее разозлило.

— И когда ты собирался сказать мне об этом?

Демон неопределенно пожал плечами.

— Скоро.

— Скоро?! — какой бы измученной Дженни себя ни чувствовала, ее снова охватила ярость. — А ты не думал, что порядочные люди о таких вещах предупреждают до того, как тащить в постель?!

— Так то люди, — Раум язвительно улыбнулся. — А я демон. И порядочным меня еще никто не называл, детка. Разве что порядочной скотиной.

Он шагнул к ней почти неуловимым для взгляда скольльзящим движением и вдруг оказался рядом, совсем близко. Мужские руки легли на талию, притянули Дженни к полному опасной силы телу. Она возмущенно взвизгнула и уперлась ладонями ему в грудь.

— Нет, Раум! Мы еще не закончили.

— Еще нет, — с болезненным отчаянием согласился демон, склоняясь над ней.

От первого поцелуя она увернулась и замолотила кулаками по плечам.

— Нет! Раум,пусти! Я не хочу! Пусти! Ненавижу тебя...

— Да! — выдохнул он. — Ненавидь.

И поцеловал.

Тело послушное голосу Луны мгновенно откликнулось на настойчивые прикосновения. Дженни всхлипнула, приоткрыла губы и ответила на поцелуй. В крови вскипело желание, смешиваясь со жгучей обидой. Ноги подкосились, и чтобы не упасть, девушка вцепилась в демона. Пальцы сами собой запутались в белых прядях.

Не было нежности, трепета, разделенной на двоих игры. Раум целовал Дженни с таким жадным отчаянием, словно пытался заклеить. Воздуха уже не хватало, в ушах тяжело стучал ток крови, губы распухли, поцелуй из страстного превратился в почти болезненный, алчущий и все длился и длился...

Демон резко разжал объятия и оттолкнул ее. Не будь за спиной кровати, Дженни непременно бы упала, а так удалось сесть. Почти с достоинством. Раум тяжело дышал и не отрывал от нее потемневшего взгляда. Потом по его лицу пробежала короткая судорога, демон стиснул кулаки и отвернулся.

— Я хочу, чтобы ты покинула мой дом, — сквозь зубы произнес он.

— Что? — изумленно переспросила девушка.

— Ты. Должна. Уехать. Сегодня.

— Ты прогоняешь меня?

В это невозможно было поверить. Несмотря на его поведение по дороге в столицу, несмотря на все откровения сегодняшнего гнусного дня. Они же... Она же...

— Выгоняю, — ударом плети хлестнул его голос. — Я расторгаю контракт, Джен.

Дженни сидела, беспомощно разевая рот, как свежепойманная рыба. Мужчина, которого она успела полюбить, за которого готова была отдать жизнь, которому доверилась — впервые, целиком и полностью, теперь готов был вышвырнуть ее из своей жизни, как использованную и уже не особо нужную вещь.

Взвыла, заплакала волчица в душе.

«Я же говорил: держись подальше от ди Форкалонена, — занудел в ушах голос Чарли. — Я был прав».

Губы шевельнулись, сияясь спросить... Что? О чем можно с ним разговаривать?

Щелкнул кейс, на стол легли бумаги. И когда он успел их подготовить? Или... давно решил избавиться от Дженни, как только получит желаемое?

— Подпиши, — жестко сказал демон.

Ноги ослабели так, что встать с кровати получилось не с первого раза. Дженни добрела до стола. Невидящий взгляд скользнул по ровным строчкам. Ажурная вязь юридических формулировок ускользала от ошеломленного разума.

Дядя Оуэн учил никогда и ничего не подписывать без тщательного изучения.

— Я... мне нужно прочитать... подумать...

— Хочешь найти лазейку, чтобы остаться? — от неприкрытой насмешки в его голосе слезы

брызнули из глаз. — Чувствую, чтобы выгнать тебя, придется попотеть.

Эти слова были как удар под дых — болезненный и подлый. Но они же заставили Дженни вспомнить о гордости. Она зашипела, схватила перо и не глядя на расплывающиеся буквы оставила росчерк внизу. Рядом упали две капли и расплылись по листу.

Демон тут же отобрал у нее бумагу и спрятал в кейс. Его лицо осветила мимолетная торжествующая улыбка.

— Компенсация уже перечислена на твой счет.

— Компенсация? — тупо переспросила девушка. Слова звучали рядом и далеко, словно сквозь ватное одеяло. Их смысл ускользал.

— Поскольку договор расторгнут по моему желанию, тебе полагаются выплаты.

— Засунь ее себе в... — она грубо, очень грубо объяснила, что он должен сделать со своими погаными деньгами. Избалованный кусок дерьма, привыкший, что все на свете продается и покупается!

Злость спасала. Подстегивала, отгоняла слезы, помогала держать лицо. Когда Дженни шагнула к двери, она выглядела спокойной.

Раум нагнал ее уже в коридоре. Поймал за рукав и встал, перегородив дорогу.

— погоди, Джен. Тебе не обязательно уезжать прямо сейчас. Можешь переночевать здесь, я прикажу служанкам упаковать вещи...

— И подарки свои туда же засунь, — ровно посоветовала Дженни. И подумала, что если он попытается ее задержать, она сорвется. Впадёт в истерику, набросится на него с кулаками, обернется. Сделает что-то, чего будет стыдиться до конца своих дней.

— Давай я хотя бы вызову для тебя такси.

— Отвали!

«Пожалуйста! Просто дай мне уйти!»

Раум словно услышал ее безмолвную мольбу. Медленно разжал пальцы и посторонился, пропуская.

— Прощай, Джен, — уловил чуткий слух волчицы еле слышный шепот.

Если бы Дженни вслушалась в него, она очень удивилась бы тому, сколько боли звучало в голосе демона.

Ушла...

Раум выдохнул. В груди болело — так резко и остро, словно Дженни на прощание вырезала у него сердце и унесла с собой. И как теперь жить без этого проклятого органа?

Как жить без нее.

Он вцепился пальцами в подоконник и уперся пылающим лбом в стекло, провожая взглядом фигурку в синем пальто. Девушка двигалась неестественно ровно, переставляя ноги словно механическая кукла. Гордая...

Гордая, сильная смелая.

Не его... больше не его.

Дико, нечеловечески хотелось броситься за ней. Нырнуть прямо сквозь стекло, догнать, схватить, обнять. Сказать, что любит и что никогда ее не отпустит. Но Раум не двигался с места. Не для того он только что уничтожил все, что их связывало.

Надо было действовать жестче. Осыпать ее злыми насмешками, оскорбить, оттолкнуть. Но он не смог. У Раума, мать его, тоже есть чувства. Он и так еле нашел в себе силы сказать те слова.

Если бы Джен заплакала, он бы не выдержал. Не смог бы доиграть до конца свою роль. И это

было бы эгоизмом.

Может, Раум и подонок, но в этот раз он поступит правильно.

Демон перевел взгляд на кейс и грустно улыбнулся.

Подписала.

Не стала вчитываться, задавать лишних вопросов, советоваться с юристами. Хорошо. Он постарался спрятать истинный смысл бумаги за вязью юридических формулировок, но Дженни умна и упряма. Она могла что-то заподозрить.

Обошлось. И теперь ни одна демоническая скотина не сможет поймать рыжую волчицу в ловушку рабского договора. Потому что право заключать подобные контракты от ее имени Раум оставил за собой.

Слабое утешение, но хоть какое.

Качнулась дверь, выпуская гостью за ограду Шейди Манор.

Вот и все.

Навсегда.

Демон уперся лбом в стекло с такой силой, что оно жалобно хрустнуло.

— Джен... — беззвучно шевельнулись губы.

Никто не ответил. Двор медленно погружался в сумерки — синие, стылые. Растопыренные ветви деревьев чернели на фоне неба, навевая тоску.

— Я поступил правильно, — вслух напомнил себе Раум. Хриплый голос в безмолвии гостиной показался чужим. Воронье карканье.

Если правильно, то почему, мать его, так больно? Почему хочется выть и крушить все вокруг?

— На хрен! — резко выдохнул демон. В два прыжка добрался до бара, вытащил едва початую бутылку коллекционного пятидесятилетнего виски, выдрал пробку и отхлебнул, не заморачиваясь такими условностями, как стаканы или лед.

В бездну все, сегодня он напьется. Нажрется, как свинья, до отупения, блаженного беспамятства, пьяных соплей. Вольет в себя столько виски, что места для тоски уже не останется.

Демоны устойчивы к алкоголю, но при должном упорстве нет ничего невозможного. Не зря в подвале ждет своего часа еще пара ящичков «Черного Джека».

Раум снова отхлебнул и ухмыльнулся сардонической злой улыбкой.

Глава 24

Сперва Чарли почувствовал запах. Еле ощутимый, но невероятно завлекательный аромат. Он принялся, пытаясь понять, чем это пахнет. Цветы? Листва после дождя? Кажется, еще толика мускуса и звериной шерсти... Или это только кажется?

Оборотень замер посреди коридора, глубоко втягивая носом воздух. Шагавший рядом приятель — темнокожий джинн с параллельного потока — прошел чуть дальше и остановился, вопросительно вскинув бровь.

— Ты чего?

— Чувствуешь как пахнет?

Тот принялся и пожал плечами.

— Ну да, полы помыли.

— Да нет же! — Чарли поморщился. Вонь от мокрых ступеней и моющего средств — вульгарная и резкая, вклинивалась, пыталась заглушить нежный аромат. Но тот все равно ощущался — шлейфом, отзвуком далекой песни. Манил, намекал на невиданное блаженство.

На мгновение нестерпимо захотелось сменить облик, но Чарли сдержался.

Он и так выследит источник сладостного аромата. Найдет, поймает, заберет себе...

Приятель все еще топтался рядом, бестолково нюхая воздух.

— Так чем пахнет-то?

— Ничем, — Чарли пожалел, что вообще заговорил об этом. Не чувствует этот чурбан с отбитым нюхом ничего и хорошо. Самому мало будет!

— Прости, мне пора. Увидимся позже на лекции, — буркнул оборотень и, глубоко вдохнув воздух, пошел по следу.

Это оказалось не такой простой задачей.

Аромат дразнил, то исчезал, то появлялся снова. Следуя за ним Чарли вышел из корпуса, пересек главную аллею, свернул к библиотеке. Здесь не мыли полы, но запахи чужих ног, тел, сырой земли и прелых листьев почти заглушили тонкий флер. Дважды Чарли терял путеводную ниточку и приходилось нарезать круги по расширяющейся спирали, чтобы поймать растворившийся было в воздухе и чужой вонь след.

После того как оборотень нашел его во второй раз, понял, что уже не потеряет. Прекрасный запах усилился, теперь он доминировал, заглушал все прочие. Завлекал, опутывал, манил... Чарли прикрыл глаза, весь обратился в нюх и перешел на бег. Найти, догнать источник чарующего аромата стало вдруг важнее всех других желаний и планов.

Путеводная нить привела его к корпусу прикладных магических технологий. Распихивая шумных первокурсников, оборотень взлетел по лестнице, открыл какую-то дверь, ввалился в помещение...

И замер. Над лабораторным столом склонилась девушка, словно теплым золотистым светом окутанная этим желанным, невероятно прекрасным ароматом. Стройная, высокая, исполненная какой-то неуловимой грации и гармонии. Волосы цвета жидкого шоколада забраны над головой в тяжелый узел, открывая беззащитную шею. Чарли поперхнулся, не зная, как начать разговор с этой красавицей. Пусть он еще не видел ее лица, в том, что девушка именно красавица оборотень не сомневался ни мгновения.

— Здравствуй, — хрипло пробормотал он.

Девушка медленно отложила радужную призму, выпрямилась и обернулась. Ее ноздри дрогнули, а потом губы чуть скривились.

— Маккензи. Что ты здесь делаешь?

— Я... — оборотень завис, не зная, что ответить на этот вопрос.

Его несостоявшаяся невеста была хороша. Нет, даже не хороша — прекрасна, восхитительна, бесподобна. Луна на ночном небе, теплый огонь в ночи. Чарли мимоходом поразился, как он мог не разглядеть этого в прошлый раз.

В памяти шевельнулось нехорошее. Связанное с их первой встречей — ее слова, жесты, но оборотень помотал головой, прогоняя непрошенные воспоминания. Ему было настолько неприятно думать о поездке в Маррейстоун, что Чарли очень постарался забыть все подробности позорной сцены и даже вполне преуспел в этом. Сохранилось только чувство досады и легкого стыда, а подробности кто кому что говорил благополучно истерлись.

Еле уловимый порыв ветра снова донес божественный запах, и мысли о неудачном знакомстве окончательно испарились. Чарли качнулся вперед и заговорил, сам не понимая что несет.

— Пошли в кино. Сегодня... сейчас.

Она фыркнула.

— В кино? Ты издеваешься что ли?

Оборотень недоуменно моргнул. Почему она так подумала? Он совершенно серьезен. Одна мысль о том, чтобы оказаться с этой девушкой на соседних сидениях, в темноте поднимала в душе дикую бурю эмоций.

— Не издеваюсь. Ты моя невеста, и я хочу пригласить тебя в кино.

Синие глаза недовольно сузились.

— Я не твоя невеста, — зло и резко обрубил Кари. — Уходи.

Чарли помотал головой. Что за бред она несет? Как это не его невеста? Ну да — они повздорили немного, не поняли друг друга там, в горах. Он психанул и уехал (зря, ой зря, прямо как умопомрачение нашло!). Но договоренность вроде осталась. И не зря же шаманка хотела выдать племянницу именно за него, Чарли.

— Все еще обижаешься?

Девушка безразлично пожала плечами.

— Нет. Ты чужой для меня человек... оборотень, — на последнем слове ее голос чуть дрогнул и Чарли понял — все-таки обижается.

Это заставило снисходительно улыбнуться. Понятно, что он повел себя не лучшим образом, и девушка собирается его помучить в ответ. Если Кари так хочется, Чарли готов побегать за ней, выпрашивая прощения. Ему не сложно, а ей приятно.

— Ну прости, — оборотень покаянно повесил голову. — Мы оба погорячились, наговорили лишнего. Давай начнем все с начала прямо сейчас. Я готов загладить свою вину

Кари поморщилась.

— Не надо ничего «начинать». Я прошу тебя — уйди. Так же, как ты ушел тогда.

Ох уж эти женские заскоки и истерики.

— Честное слово, ты тогда меня просто довела. Клянусь, я совершенно не собирался тебя бросать и вот так уезжать, тем более перед всей твоей родней.

Кари приподняла бровь.

— ТЫ бросил МЕНЯ? — недоуменно переспросила она.

— Ну да... Я понимаю, что виноват, но согласись, что доля твоей вины тоже есть.

Он шагнул ближе, уже не соображая что несет. Не в силах оторвать взгляда от манящих спелых губ, пронзительной синевы глаз, высокой груди, очертания которой угадывались под мешковатым платьем.

— Я... хочу... — пробормотал Чарли.

Девушка вздрогнула, задышала чаще и отшатнулась, наткнувшись спиной на подоконник.

— Не подходи!

Почему в ее голосе столько страха? Он же не собирается делать ничего плохого. Просто... хочет обнять ее, поддержать, поцеловать...

— Не бойся... — пробормотал Чарли. — Я только...

Что именно «только» он и сам не знал. Воображение, растравленное близостью девушки, ее сладким запахом и страхом, подсуло настолько непристойную и дико возбуждающую картину, что Чарли даже споткнулся. Он же не такой... и вовсе не собирался насиловать ее прямо здесь на лабораторном столе...

Волк внутри недовольно зарычал, не желая признавать глупых человеческих условностей.

Кари шагнула в сторону, ощупывая рукой подоконник и этот немного неуверенный жест напомнил Чарли, что его невеста не видит, а значит вряд ли сумеет убежать от него.

— Не бойся меня, — повторил он и выставил перед собой руки в древнем жесте миротворца.

— Я не боюсь, — глухо ответила девушка. — Просто хочу, чтобы ты ушел.

Разумеется, уходить Чарли не собирался — вот еще глупости. Они так и не объяснились толком, а кроме того, ему все еще невыносимо хотелось обнять свою строптивую невесту и сорвать пару поцелуев с манящих губ. Он сделал еще шаг, девушка снова отступила и уткнулась спиной в закрытую дверь в углу.

— Сзади, — вдруг выкрикнула она с явным испугом. — Обернись!

Оборотень недоуменно покосился за спину — там ничего не было. И быть не могло — он бы сразу услышал или почувствовал присутствие чужака. И чего она кричала-то?

Но когда он повернулся к Кари, чтобы задать ей этот вопрос, оказалось, что спрашивать уже некого. Дверь в углу хлопнула, со стуком опустился засов с той стороны. Чарли подошел и подергал ручку — заперто. Напрягшись, он припомнил стандартную планировку лабораторий — по всему получалось, что второго выхода из подсобки быть не должно. Да и нюх подсказывал, что девушка все еще там, за дверью.

Оборотень раздраженно постучал.

— Эй, ты чего? Что за шутки?

С той стороны раздался тяжелый вздох.

— Это не шутки, Маккензи. Я не хочу с тобой разговаривать. Пожалуйста, не преследуй меня или я буду вынуждена пожаловаться брату.

— Я твой жених, между прочим.

— Ты — жалкий, избалованный и инфантильный щенок, — зло отозвался девичий голос за дверью. — Я уже один раз сказала и повторю еще раз, что не хочу иметь с тобой ничего общего. Оставь меня в покое!

Вот это было по-настоящему обидно! Так обидно, что Чарли даже опешил. И снова, как в горах Маррейстоун, в душе вскипело возмущение, желание плюнуть, оставить ее. Только теперь оно мешалось с другим, не менее сильным. Желанием обнять, зацеловать до распухших губ, назвать своей. Доказать ей, что он не такой, услышать слова извинения и восхищения.

Он со злостью пнул дверь. Обитое металлом дерево недовольно загудело.

— Думаешь, ты имеешь право безнаказанно оскорблять меня? Я ведь и ответить могу!

— Ничуть не сомневаюсь, — язвительно ответила девушка. — Отвечай, я послушаю.

Это остудило. Грубости вряд ли помогут ему завоевать строптивую невесту, поэтому Чарли несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, успокаиваясь.

— Кари, в чем дело? За что ты так меня? Я же извинился!

Девушка за дверью тоже тяжело вздохнула.

— Просто пойми: я НЕ ТВОЯ невеста, мы даже не успели заключить помолвку. И вся моя родня признала, что этот брак был бы ошибкой.

— Но...

Как назло, в этот самый момент в помещение нелегкая принесла пожилого благообразного преподавателя. Увидев незнакомого оборотня, он недоуменно поднял бровь.

— Добрый день, юноша. Вы ко мне?

— Он зашел сюда по ошибке, — заявила Кари, распахивая дверь. — И уже уходит.

Под требовательным взглядом мужчины действительно пришлось сдать назад. Чарли втянул на прощание божественный запах своей нареченной, бросил еще один взгляд на девушку, стараясь запомнить ее облик и запах до мельчайших деталей, и поклялся себе, что еще вернется. Кари Маккуин должна принадлежать ему!

Глава 25

Все события после расставания слились в невразумительный серый туман. Механически переставляя ноги Дженни добралась до поворота на шоссе и села в такси, словно ожидавшее ее специально. Водитель завел двигатель и вырулил на дорогу, не интересуясь куда везти неожиданную пассажирку. В душе трепыхнулось вялое удивление, но спрашивать о чем-то, говорить, общаться не было сил.

Таксист высадил ее у ворот кампуса и уехал. Как добралась до общежития девушка уже не помнила. Просто вынырнула из тумана ночью, обнаружив себя лежащей на неразобранной кровати. Комната, в которой она прожила больше года, показалась неожиданно тесной и чужой.

Боль от предательства Раума словно выключили вместе с любыми другими чувствами. Не было ни радости, ни тоски, ни гнева. Даже тело казалось посторонним предметом, который Дженни отчего-то вынуждена таскать, словно неудобный костюм.

И волчица замолчала.

«И хорошо, что молчит, — отстраненно подумала Дженни. — У меня нет сил утешать ее сейчас. Завтра... все завтра».

С этой мыслью она уснула.

Но и утром ничего не изменилось. В окна заглядывал унылый серый день, заставляя задуматься стоит ли этот мир того, чтобы просыпаться. Затянутое белесыми облаками небо намекало, что не стоит, но Дженни все-таки встала, больше по привычке. Пусть она сейчас не видит никакого смысла в том, чтобы двигаться, дышать и жить, та, прежняя Дженни, которая умела грустить, смеяться и разговаривать со своей волчицей, однажды вернется.

— Кто-то умер? — поинтересовалась соседка, разглядев при свете дня ее лицо.

Дженни пожала плечами.

— Ты надолго?

— Насовсем.

— Поссорилась с ди Форкалоненом?

Дженни еще раз пожала плечами. Она по-прежнему ощущала себя немножко неживой, и в этом было спасение. Напоминание о Рауме не вызвало никаких чувств.

Дриада была не слишком любопытна и настырно лезть в душу не стала. Но слухи в кампусе разносятся быстрее ветра. К началу второй пары все сплетницы были в курсе, что Раум ди Форкалонен дал отставку рыжей выскочке. В Дженни снова тыкали пальцами.

Некоторые девчонки даже подходили, чтобы выразить приторное сочувствие, за которым легко угадывалось злорадство. Дженни встречала насмешки все с тем же великолепным равнодушием. Настоящим — не наигранным. Не дождавшись ни слез, ни истерик, ни вспышек ярости, завистницы отходили разочарованными.

А вот Вэл сразу поняла, что с ней что-то не так.

— Рассказывай! — потребовала она, встряхнув Дженни за плечи с силой, которую трудно было заподозрить в хрупкой сильфе. — Что он сделал?!

Волчица только повторила упражнение с пожиманием плечами. Сотрясать воздух, рассказывая подробности сложных отношений с Раумом? А смысл?

Смысла не было ни в чем. В том, чтобы есть, ходить на лекции, с кем-то общаться. Окружающие, да и она сама, казались Дженни нелепыми заводными куклами, актерами, играющими в плохом фильме. Единственная причина, по которой она продолжала участвовать в этом фарсе, заключалась в том, что следовать давно заведенному порядку было легче.

Разумом девушка понимала насколько неестественно ее состояние. Да, не больно, но в том, чтобы следить за собственной жизнью из зрительного зала мало радости.

Но пока равнодушие спасало, и Дженни завернулась в него, как в кокон. События и люди

проносились мимо, не затрагивая душу. Яркая, цветная жизнь протекала рядом, огибая девушку, как бурный поток в горной реке огибает камень. Скучные и серые дни, лишённые слез, радости, грусти. Любых тревог и переживаний. Похожие на верстовые столбы за окном поезда.

Встать утром. Привести себя в приличный вид. Дойти до учебного корпуса. Высидеть положенные пары, прилежно записывая слова лектора. Вернуться в общежитие. Сделать домашние задания. Лечь спать.

Вэл, видя ее в таком состоянии, расстраивалась до слез и из кожи лезла, чтобы растормошить, вернуть прежнюю Дженни.

— Не надо, — попросила волчица подругу, после очередной неудачной попытки. — Это пройдет. Само.

— Когда?

— Когда-нибудь.

Это прошло ровно на седьмой день после расставания, когда вернувшись с лекций Дженни обнаружила, что вся ее половина комнаты завалена многочисленными пакетами — Раум упаковал и переслал все свои подарки.

— С-с-скотина, — прошипела она, сжимая кулаки. Отстраненное безразличие раскололось на тысячи осколков, как стекло от удачно брошенного камня. Взрыкнула волчица. Дженни схватила ножницы и с яростью набросилась на ни в чем не повинные вещи. Первым под удар попало платье из искристого шелка. То самое, которое Раум подарил ей сразу после выхода из тюрьмы. Тупые ножницы для бумаги неохотно кромсали тонкую льнущую к коже ткань. Девушка зарычала и дернула, пытаясь помочь себе руками, но шелк не поддавался, оправдывая свою славу не только красивого, но и прочного материала.

— Дженни! — возмущенно вскрикнула Вэл за спиной. — Ты что делаешь?!

— Ненавижу, — пропыхтела она. — Пусть подавится своими подарками!

— Хватит, прекрати! — подруга выдернула из ее рук оружие мести. — Вещи ни в чем не виноваты, зачем ты их портишь?

— Это мои вещи! Я имею право делать с ними что угодно!

— Ну ладно, — Вэл неожиданно улыбнулась и протянула ей назад ножницы. — Если тебе станет от этого легче, режь. И с возвращением, Джен!

Девушка взяла ножницы, но запал уже прошел. Даже если Дженни сейчас разрежет каждую из этих брендовых шмоток на тысячи кусочков, Раум вряд ли узнает об этом. А ей хотелось не просто уничтожить навязанные проклятым демоном тряпки, но и сделать это максимально скандальным образом. Швырнуть ему в лицо его подачку.

— Знаешь, — Дженни злорадно улыбнулась. — А пожалуй, ты права. Портить их не так уж весело. Давай лучше вот что сделаем...

— А ты права — это действительно весело, — хихикнула Вэл и с шумом втянула молочный коктейль через трубочку.

С балкона общежития открывался отличный, просто шикарный вид на лихорадочно роющихся в помойке девиц. Они сосредоточенно пытели, распихивая друг друга локтями, а порой с визгом вцеплялись друг другу в волосы, сражаясь за право обладания той или иной дорожкой тряпкой от-кутю.

— Камеру бы сюда, — ухмыльнулась Дженни.

В груди тлел огонек злорадного удовлетворения. Взгляд выхватывал среди сражающихся у помойки фурий то одно, то другое знакомое лицо. Те самые девчонки, что усиленно набивались в подруги, когда узнали о романе Дженни с Раумом, а потом говорили гадости за спиной.

— Я не понимаю: ты специально именно их позвала? — спросила Вэл, от которой тоже не ускользнул этот факт.

— Не-а. Я повесила объявление у главного корпуса для всех. Но за обновками пришли только самые небрезгливые.

За спиной послышались смешки. Все общежитие высыпало поглазеть на невиданное зрелище. Парни и те девчонки, которым не хватило места на балконах, стояли на улице полукругом. Можно не сомневаться, что модниц запомнят в лица и поименно, и любое появление на территории в отвоеванных в помойной битве шмотках будет сопровождаться повышенным вниманием, но совсем не таким, о каком мечталось.

Стоявшая за спиной девчонка рассмеялась, пихнула Дженни локтем в бок и преувеличенно громко, чтобы слышали все вокруг, выкрикнула:

— Ой, смотри, и Адалия там! И Лиза... она-то на что надеется? Ей чтобы в твои шмотки влезть сначала надо год на диете сидеть.

Дженни безразлично пожала плечами.

— Продаст.

В глазах злословившей девицы отразилось: «А что — можно и так?». И сразу после — жгучая обида. Спуститься к мусорке, чтобы сражаться за подарки Раума ей, как и многим другим, не позволяла гордость, но зависть к менее щепетильным товаркам не давала просто пройти мимо.

И она была не одинока. На лицах многих девчонок из тех, что одеты победнее, читались похожие чувства. Можно не сомневаться, что они еще долго не забудут своим небрезгливым сокурсницам это сражение за платя и туфли.

— Не жалеешь? — спросила Вэл вечером, когда они сидели в комнате Дженни, пили чай и хихикали, вспоминая давешнее зрелище.

— Ничуть! За удовольствия надо платить.

А главное: можно не сомневаться, что известие о Великой Помойной Битве за Шмотки дойдет до Раума. И Дженни очень надеялась, что уязвит его хоть немного.

Сильфа требовательно заглянула в глаза.

— Как ты? Уже лучше?

— Не знаю.

Если бы от Раума было так же легко избавиться, как от его подарков!

Зрелище драки между завистницами исцелило хоть отчасти раненое самолюбие, но демон сумел задеть не только ее гордость. В глубине души все так же ныло и кровоточило дурацкое, выросшее вопреки ее желанию чувство. Малейшее воспоминание отзывалось болью, а хуже всего было понимание, что это навсегда.

Свою пару, с которой обвенчался перед ликом Луны, нельзя забыть. Мама так и не впустила в свою постель другого мужчину, не завела новую семью.

Раньше считалось, что волк лишившийся пары умирает. Сходит с ума от тоски. В некоторых кланах до сих пор верили в это, хотя опыт поколений давно доказывал обратное. Если захочешь, если будет ради чего, будешь жить и с дырой в сердце. А Дженни вдруг очень захотелось выжить назло сволочному наглому демоняке. И не просто выжить, а добиться успеха, стать богатой, знаменитой, счастливой.

— Мне... одиноко, — грустно призналась она.

Не хватало близости, тепла, поддержки. Материнских или дружеских объятий, способных прогнать ноющую боль в груди.

Но мама далеко. С Чарли они рассорились окончательно, а Вэл... Увлеченная своим романом Дженни совсем отдалилась от подруги. И она и так в последнее время слишком злоупотребляла их дружбой. Снова просить помощи было стыдно.

Но Вэл поняла все правильно. Она всегда все правильно понимала.

— Моя соседка завтра уезжает к родителям. Хочешь пока пожить у меня?

Они уже подходили к общежитию Вэл, когда из кустов неожиданно вынырнул и преградил им дорогу темный мужской силуэт. Вэл вскрикнула и шарахнулась в сторону. Дженни сжала кулаки и глухо зарычала.

— Тише, тише, — зашикал незнакомец. — Пожалуйста, не надо меня убивать!

— Не надо так напрыгивать на беззащитных девушек из темноты, — проворчала Дженни, не сводя взгляда с подозрительного типа. Лицо его, да и вся фигура, терялись в тени, но ей почему-то показалось, что он молод. Кто-то из студентов?

— Извини. Не хотел тебя напугать.

— Кто ты и что тебе нужно?

— Э-э-э... — подозрительный тип замялся. — Я... просто человек. Я к Валенте.

На этих словах Дженни снова напряглась, готовясь защищать подругу. Мало ли какие намерения у этого парня. Нормальные мужчины не прячутся по кустам в темноте.

Но сильфа вдруг подалась вперед. В широко распахнутых глазах отражалась надежда, сомнения, недоверчивая радость.

— Брендон? — дрогнувшим голосом переспросила она. — Это ты?

— Я, — он шагнул, выступая из тьмы на залитую луной сторону тропинки. Мелькнуло хорошо знакомое по постерам и спектрографиям в журналах лицо, встрепанные темные волосы, озорная мальчишеская улыбка, ради которой десятки тысяч фанаток по всему миру готовы были отдать душу. Дженни ущипнула себя на всякий случай.

Брендон Гаррет. Да, да — тот самый Брендон Гаррет. Басист «Нежных упырей», кумир восторженных девиц, поп-идол и звезда. Здесь, в кампусе Академии, прячется в кустах в полусотне метров от женского общежития. И, кажется, он действительно пришел сюда ради ее подруги.

— Я... — он совершенно трогательно смутился. — Ничего, что я без предупреждения, Перышко? Ты ведь не против меня видеть, да? То есть: я хочу сказать, я ведь не нарушил никаких твоих планов? Ты не писала, но вдруг у тебя кто-то есть...

В ответ сильфа издала восторженный писк и повисла у него на шее. Брендон стиснул ее, закружил. А потом аккуратно поставил на землю и поцеловал. Страстно, жарко и явно не собираясь ограничиваться только объятиями.

— Ты почему не предупредил? — спросила сильфа в перерывах между поцелуями. — Я бы тебя ждала.

— Да я сам не знал получится ли выбраться. Д'Эрбэ лютует. По его плану мы должны все выходные развлекать высший свет на приеме у ди Небирсов, — тут он улыбнулся — застенчиво и гордо. — А я сбежал. Хочу украсть тебя на уик-энд.

— Всегда мечтала, чтобы меня украли! — выдохнула Вэл, влюбленно глядя на него снизу вверх

Дженни отвернулась. Пусть в душе она искренне радовалась за подругу, смотреть на замершую в страстных объятиях парочку было больно. Слишком уж контрастировало чужое счастье с собственным безнадежным положением.

Она отступила, планируя по-тихому смыться. Ясно же, что Вэл сейчас не до нее. Но далеко уйти ей не дали.

— погоди! — сильфа отстранилась, уворачиваясь от очередного поцелуя. — Дженни, не уходи! Брендон, это Джен — моя лучшая подруга!

— Ах да, — парень повернулся в Дженни, протянул руку и широко улыбнулся. — Извините за мой манеры, просто я очень соскучился. Приятно познакомиться, Вэл много рассказывала про вас.

— А ты запомнил?! — восторженно пискнула сильфа.

— Конечно, — заверил он ее, чмокнув в нос. — Я помню все, что ты рассказывала, Перышко.

Дженни недоверчиво оглядела его и протянула руку в ответ, собираясь пожать, но Брендон вдруг склонился и поцеловал кончики пальцев.

— Всегда целуешь руки девушкам при знакомстве, — хмуро поинтересовалась Дженни.

— А что такое? — он очевидно растерялся и выпустил ее руку. — Это же признак хорошего воспитания. Разве нет?

«И откуда ты такой хорошо воспитанный взялся?» — с досадой подумала Дженни. Но вслух предпочла промолчать. Не дело это — ссориться с каждым парнем своей лучшей подруги.

И все же избавиться до конца от настороженности не получалось. Брендон выглядел славным парнем. Даже слишком славным для звезды и кумира миллионов девиц по всей стране. Не может быть, чтобы он в действительности был таким бесхитростным. Он богат, красив, окружен восторженными почитателями и может получить любую девушку по щелчку пальцев, а милые и заботливые поп-идолы встречаются только в глупых любовных романах. Значит, ему что-то нужно от Вэл. И если влюбленная сильфа не в состоянии критически оценить своего соблазнителя, Дженни сделает это за нее.

Коварный соблазнитель оторопел от ее холодности. Его брови скорбно взмыли вверх. Брендон обернулся к Вэл с таким видом, словно спрашивал у нее подтверждение все ли сделал правильно. Сильфа одарила его нежной улыбкой и успокаивающе погладила по руке.

— Просто в академии принято быть проще, вот Джен и не привыкла.

Лицо парня разгладилось, но потом с другого конца аллеи послышались голоса, и Брендон снова напрягся.

— Слушай, а может уйдем отсюда? — шепотом попросил он. — Если меня узнают...

— Конечно! — сильфа ухватила его под локоть. Дженни снова собиралась удрать, но не вышло. Второй рукой Вэл вцепилась в ее ладонь. — Пошли ко мне! Моя соседка уезжает на выходные, а ты хотел посмотреть, как я живу.

Глава 26

Скверное предчувствие возникло в коридоре, когда до выхода из здания оставалось больше тридцати шагов. Кари остановилась и принялась думать, пытаясь понять, что ее насторожило. И чуть не застонала, поймав знакомый запах.

Это он. Ну да — точно он! Поджидает снаружи. Еле заметный ветерок задувал в приоткрытую дверь, выдавая его присутствие. Девушка оперлась рукой о стену и, стараясь ступать как можно тише, сделала шаг назад.

Когда же он, наконец, уймется и прекратит ее преследовать? Она ведь уже десять раз сказала «нет»!

Не стоило засиживаться допоздна. Или надо было попросить Брайана, чтобы он ее встретил — брат ведь предлагал.

Придется пожаловаться брату. Лучше бы отцу, но тогда ее заставят вернуться в Маррейстоун, а у них с Аланом только-только заканчиваются обсчеты теоретической части.

Кари прислушалась к энергетическому контуру заклинания, опоясывавшего здание. У входа и окон охранные структуры усиливались дополнительной сигнализацией, звучавшей где-то на пределе слышимости — басовито и грозно. Следуя за этим звуком девушка добралась по коридору до запасного выхода. Разумеется, в такой поздний час он был закрыт, однако особое видение магии дает ряд бонусов. Например, возможность проникать за чужие заклинания, не нарушая структуры.

«Тебе надо становиться взломщиком — озолотишься» — шутил бывало Брайан.

Запирающие чары не были сложными, а от обычного замка, у Кари имелся ключ. Она выскользнула за дверь и выдохнула. Теперь главное не заблудиться. Привычный маршрут она помнила отлично, а вот с поиском дороги от запасного выхода к стоянке такси могли возникнуть проблемы.

Мысленно Кари нарисовала схему кампуса и двинулась вперед, ориентируясь на запахи, звуки и еле слышное звучание стационарных чар.

Это могло сработать. Даже скорее всего сработало бы, вот только она не приняла в расчет, что преследователь тоже был волком. Волком с очень хорошим верхним чутьем.

— Кари! Вот ты где, — раздался знакомый голос и ветерок снова донес притягательный до полной потери воли запах. Кари запаниковала. Звук шагов говорил, что Маккензи ее обнаружил и сейчас движется наперерез, быстро сокращая дистанцию. Если она срочно что-то не придумает, то он ее перехватит.

Это было глупостью, почти самоубийством, но она развернулась и побежала по аллее.

У самого входа в общежитие, сильфа разжала пальцы, прошептала: «Подождите, я проверю — вдруг соседка еще не уехала» и упорхнула в сторону ярко освещенного входа. Дженни осталась в кустах наедине с Бренденом.

Несколько мгновений стояла напряженная тишина, а потом парень откашлялся и спросил.

— Что-то не так? Я тебе не нравлюсь?

Прямолинейный какой! Девушка на мгновение смутилась.

— Я тебе не доверяю, — призналась она после паузы. — Ты появляешься из ниоткуда, исчезаешь. Пусть Вэл согласна на это, но мне кажется, что так неправильно. У нее талант находить мурашек, а ты дуришь ей голову. Вэл моя лучшая подруга, не хочу, чтобы ей снова было больно.

— Мы знакомы всего пять минут, а ты уже уверена, что я мурашка?

Девушка вздохнула. Все-таки стоило промолчать, когда он целовал руку. И вообще не идти с ними. Зачем им третий лишний? Как будто она не помнит, как скучно это было, когда Вэл была с Арманом?! Рядом со своим мужчиной сильфа совершенно менялась — превращалась из неглупой, наделенной чувством юмора девушки в покорное до аморфности существо, способное только смотреть снизу вверх на господина и повелителя.

Может с Бренденом у нее все не так, конечно, но проверять не хочется. Да и сам музыкант явно не в восторге от ее персоны.

Но раз уж он начал этот разговор, надо расставить все точки. Иначе напряжение будет только накапливаться и расстраивать Вэл.

— Я не знаю кто ты и какой ты. Но если бы не ты, она давно нашла бы себе нормального парня...

— А я не нормальный? — с обидой уточнил Брендон. — Это потому что я человек, да? Низшая раса...

Дженни зашипела от возмущения. Вот уж в чем, а в расизме ее никогда не обвиняли.

— Это потому что ты звезда, — отдельно и холодно объяснила она. — Богатенький, смазливый и избалованный мальчик. Ты ведь никогда на ней не женишься.

— Женюсь, — со спокойным достоинством возразил собеседник. И извлек из кармана маленькую бархатную коробочку ну очень характерного вида. — Как раз сегодня собирался делать предложение.

— Что, — Дженни уставилась на нее, перевела растерянный взгляд на парня. — Но... Ты ведь Брендон Гаррет. У тебя таких Вэл в каждом городе десятков!

— Ты ошибаешься, — все так же спокойно отозвался Брендон. Услышав обвинения Дженни он словно повзрослел в одно мгновение. Лицо разгладилось, стало уверенней, из движений исчезла мальчишеская порывистость. — У поп-звезд гораздо меньше прав и возможностей, чем может показаться со стороны. Продюсер запрещает нам крутить романы с поклонницами — вредно для репутации. Вчера ты ее бросил, а сегодня она уже дает скандальное интервью в желтой газетке. Мы должны быть идеальными. Парни мечты для всех и ни для кого. Чтобы любая девочка могла представить себя с любым из нас. Кроме того, — тут он поморщился, — мне с ними вообще тяжело, они бешеные. Влюблены в какие-то свои фантазии, хотят странного...

— А Вэл ничего не хочет, готова подстраиваться и ждать сколько угодно, — жестко закончила за него Дженни.

Его лицо закаменело.

— Похоже, мы не найдем общего языка. Жаль, но я это переживу.

Повисло молчание, и Дженни начала грызть совесть. По-хорошему этот парень действительно пока не сделал ничего, чтобы заслужить подобные обвинения. Разве что был слишком смазлив, популярен и богат. А ее собственный опыт, да и печальный прошлый роман Вэл показывал, что от отношений с подобными мужчинами не бывает ничего кроме проблем и боли в разбитом сердце.

— Извини, — выдавила она. — Я просто очень беспокоюсь за Вэл. Не понимаю зачем тебе делать ей предложение. Вы же общались всего пять дней два месяца назад...

Парень усмехнулся.

— Это кто сказал? Мы переписываемся каждый день. Наверное, ты не такая уж хорошая подруга, если не в курсе.

А ведь действительно! Последние два месяца сильфа выглядела совершенно счастливой и довольной жизнью. Иногда она порывалась рассказать что-то, но в последний момент передумывала и сводила все к необязательной болтовне. Не будь Дженни так сосредоточена на Рауме, она непременно заподозрила бы неладное.

Слегка кольнула ревность, но девушка тут же устыдилась этого недостойного чувства.

— Прости, — повторила она. — Я действительно не знала.

Он пожал плечами.

— Пожалуйста, давай не будем ссориться. Ради Вэл. Мир?

Брендон покосился на протянутую руку, усмехнулся и все-таки пожал.

— Мир. Про кольцо пока не говори, хорошо?

— Конечно. За кого ты меня принимаешь?

— Даже если Вэл согласится, мы не сможем объявить об этом официально, — он вздохнул. — Мистер д'Эрбэ — наш продюсер — сказал, что я вылечу из шоу-бизнеса, если попробую еще раз заикнуться о женитьбе. Бойфренд мечты должен быть холост. Фанатки, чтоб их...

— Их можно понять, — Дженни усмехнулась, вспоминая собственное увлечение «упырями». Их проникновенные песни до сих пор трогали какие-то потайные струнки в ее душе, но мечты о том, как Мэтью или Сэмми познакомится с Дженни, влюбится и увезет на прекрасный тропический остров, чтобы назвать своей женой, как-то рассосались. Прошли, как подростковые прыщи.

— Понять? — возмутился парень. — А ты знаешь, что эти озабоченные курицы пишут рассказы про свальный грех между нами?!

Девушка покраснела и уставилась себе под ноги, вспоминая свой единственный опыт в эпистолярном жанре. Давно, лет пять назад, еще когда она жила в Синих горах. Толстая тетрадь в синем клеенчатом переплете хранила рассказ о чересчур нежной братской дружбе между Мэтью и Сэмми до тех пор, пока не попала в руки соседскому парню, и тот не погнушался поделиться найденным с приятелями. Волкам ее творчество понравилось. Они читали его вслух трижды, и каждый раз глумились и ржали, как кони.

Больше Дженни рассказов не писала.

— Это... просто девичьи фантазии, — попробовала возразить она.

— Ты бы хотела, чтобы о тебе так фантазировали?

Она содрогнулась.

— Нет! Конечно, нет!

— Ну вот. А потом ты удивляешься, что я не завожу отношений с поклонницами. Да мне страшно представить, что у этих дев в голове!

— И что: всю жизнь — вот так? — тихо спросила Дженни. — Скрываться от журналистов, от продюсера, жить отдельно? Ты на гастролях, а Вэл ждет?

— Нет, конечно. Еще пару лет покатаюсь, накоплю денег пока «Упыри» популярны. Вэл как раз закончит учебу. Потом осяду и займусь настоящей музыкой. Но я хочу знать, что она меня дождется.

Беседу прервало появление сильфы в компании ее соседки. Девушки душевно попрощались, и Вэл, дождавшись пока соседка отойдет достаточно далеко, сбежала по ступенькам к их укрытию.

— Комната наша до конца выходных!

Дженни покачала головой.

— Я не иду.

На лице Брендона отразилось заметное облегчение, а вот сильфа удивилась.

— Почему? Ты же сама говорила, что тебе одиноко.

— Потому что вы давно не виделись, а третий лишний.

Она обняла подругу и мысленно от всей души взмолилась, чтобы на этот раз ей повезло. Этот Гаррет, похоже, действительно хороший парень, а Вэл заслуживает счастья.

— Увидимся на следующей неделе, — Дженни повернулась к Брендону и скорчила зверское лицо. — Но если ты ее обидишь, я тебя на лоскутки порву.

— Не обижу. Что я дурак что ли? — фыркнул парень. — Пошли, Перышко. Покажешь, как ты живешь.

Они показались ей такими милыми, когда поднимались по лестнице, держась за руки. И

Дженни, наконец, поверила, что у подруги все будет хорошо.

Когда влюбленная парочка ушла, сразу стало холодно. Словно они унесли с собой теплый огонек. Дженни сгорбилась,хватила себя за плечи и побрела по тропинке.

Глава 27

Видит луна, как же страшно бежать непонятно куда вслепую, ориентируясь только на звуки, запахи и еле ощутимое биение магии! Чтобы бегать надо видеть.

А преследователь настигал. Он был зряч, вынослив и полон сил. Кари чужла его запах, слышала голос за спиной — все ближе и ближе. Голос упрашивал остановиться.

Брусчатку под ногами сменил утоптаный грунт. Справа и слева через равные промежутки пульсировали осветительные заклинания.

— Кари! Да подожди же ты!

Она все-таки споткнулась о какой-то корень и кубарем полетела по тропинке, в последний момент успев выставить перед собой руки. Острый сучок некстати подвернувшейся ветки скользнул по ладони, рассаживая кожу, и Кари вскрикнула от боли.

— Дурочка! Ты что творишь?!

Все пространство вокруг окутал Тот Самый Запах. Muskusный, пряный, заставляющий терять разум. Кари всхлипнула и замотала головой. Нет! Она не животное, чтобы слепо следовать инстинктам.

— Нет! Уйди, убирайся!

— Тише, тише, — мужские руки обняли ее. Помогли подняться, прижали к сильному телу. — Ты совсем с ума сошла? Тебе же нельзя бегать.

— Оставь меня в покое! — она попыталась было упереться ладонями ему в грудь, но Маккензи легко перехватил ее запястье.

— У тебя кровь, — изменившимся голосом сказал он. А потом горячие губы припали к коже, заливая ранку.

Кари вскрикнула от ужаса и отдернула руку, но было уже поздно. Луна взяла свое — еле слышный шепот укрепившихся между ними связей подсказал ей, что уже ничего не исправить.

— Кари, — хрипло пробормотал оборотень, уткнувшись в ее волосы и вдыхая запах, как наркоман, дорвавшийся до любимой дури. — Моя Кари. Я все время думаю о тебе. На лекциях, дома, с друзьями. Ты снишься мне по ночам. Пожалуйста, хватит обижаться.

Она бессильно уронила руки, обмякла и тихо заплакала. Она никогда в жизни не ощущала себя настолько беспомощной, никогда так не ненавидела свое увечье. Не будь она слепа, воспользовалась бы заклинанием временно отбивающим нюх, чтобы это умопомрачение, наконец, прекратилось. Желание накатывало волнами, побуждая прижаться, обнять оборотня в ответ, коснуться его, позволить ему все. Еле слышный навязчивый шепот, которому почти невозможно противостоять. Если ли что-то ужаснее, чем сходить с ума от запаха и прикосновений мужчины, которого презираешь? Который кажется противным, жалким, недостойным...

— Ну что ты? — в его голосе зазвучала тревога, переходящая в ужас. — Кари... Пожалуйста, не плачь! Что с тобой?!

— Уйди, — с бессильным отчаянием попросила девушка. — Просто оставь меня в покое!

— Не могу, — растерянно пробормотал он. — Как же ты... Я тебя не брошу! Прости, пожалуйста прости, если чем-то обидел, — не будь Кари так расстроена и зла, она непременно заметила бы, что из голоса оборотня пропали так бесившие ее самодовольные нотки. Вместо них появилась тревога и неуверенность.

Девушка снова попыталась освободиться, но в это мгновение Чарли ее поцеловал.

Это был не первый поцелуй в жизнь Кари. В свое время наслушавшись рассказов подруг о неземном блаженстве, она поставила эксперимент, выбрав в качестве жертвы застенчивого паренька с первого курса. Кажется, внешне он был неказист, но для Кари это не имело никакого значения. Куда важнее привлекательный запах и хороший характер.

Две недели первокурсник провожал ее до дома и водил по концертам, каждый раз трогательно стесняясь и теряясь, когда приходил удачный момент проявить инициативу, хотя запах и выдавал его желание. Пришлось Кари самой делать первый шаг.

Это оказалось довольно приятно, но и близко не подходило к определению «неземное блаженство». К тому же паренек, осмелев после месяца ежедневных поцелуев, начал намекать на большее. Даже предложение сделал, а брак совершенно не вписывался в ее планы.

Она еле избавилась тогда от навязчивого поклонника и надолго зареклась целоваться.

Но в этот раз все было по-другому. Этот раз гораздо больше походил на «неземное блаженство», как его представляла себе девушка. Шок, сладкая истома, внезапно ослабевшие колени. Желание продолжать, делать это снова и снова. С ним. Вот с этим мерзким, дурно воспитанным, инфантильным щенком. Кари совершенно этого не хотела, но вдруг поняла, что отвечает на настойчивые прикосновения мягких губ. Волчица внутри заурчала от восторга, и это так разозлило девушку, что она укусила оборотня за нижнюю губу.

Сильно укусила, до крови. И мгновением позже похолодела, осознав, что натворила.

Но это сработало. Маккензи выпустил ее из объятий. Кари отшатнулась, со всхлипом глотнула ночного воздуха и поняла, что они больше не одни на этой аллее. Запах прохожего показался ей знакомым, а мгновением позже она вспомнила, где встречалась с ним раньше.

— Дженнифер! — она шагнула наугад и с облегчением поняла, что не ошиблась. — Дженнифер Маккензи! Пожалуйста, помоги!

— Я помогу, — тут же радостно подал голос оборотень.

Кари в ответ обнажила клыки и глухо зарычала. Поможет он! Помогайка выискался!

— Я сказала: оставь меня в покое, Маккензи!

Вместо этого он снова поймал ее в объятия и прижал к себе, показывая, что никуда не отпустит.

— Чарли, что ты делаешь? — послышался мрачный девичий голос, и Кари, наконец, облегченно вздохнула. Теперь избавиться от Маккензи будет делом техники.

— Дженни, не вмешивайся. Она моя невеста.

— Напомни, что-то я забыла, когда случилась ваша помолвка? — язвительно отозвалась девушка. — Ах да, никакой помолвки ведь не было! Она сказала, что не выйдет за тебя, и ты уехал весь разобиженный и гордый.

— Была! Ты ничего не понимаешь...

— Я понимаю, что ты лапаешь девушку, которая этого не хочет. Отойди от нее, Чарли.

На этих словах Кари снова затрепыхалась, пытаясь вырваться, но оборотень был настороже. Словно догадываясь, что второй возможности поймать строптивую невесту у него не будет.

— Ты же Маккензи! — взорвался он. — Ты должна быть на моей стороне!

— Ну да, — все так же язвительно прокомментировала девушка. — Мы же Маккензи. Одна семья. Это означает, что я должна всегда тебя поддерживать и покрывать все твои гнусные делишки. Не важно, что ты натворишь: проиграешь восемьсот тысяч или нападешь на девушку.

— Я не нападаю!

— Кари, ты хочешь с ним обниматься?

— Нет! — категорично отозвалась девушка, несмотря на умоляющий шепот на ухо: «Кари... пожалуйста...»

— Вот видишь. У тебя проблемы с тем, чтобы понимать слово «нет»? Отпусти ее немедленно, или я вызову охрану.

Из горла оборотня вырвался злобный рык.

— ОНА МОЯ ПАРА! — прорычал он. — И МЫ ТОЛЬКО ЧТО ЗАКЛЮЧИЛИ ПОМОЛВКУ!

Сердце упало в пятки. Кари до последнего надеялась, что Маккензи не понял почему его так тянет к бывшей невесте. Конечно, любой нормальный оборотень на его месте давно бы сделал верные выводы, сама она поняла почти в ту же минуту, когда почуяла его запах. Но ведь этот парень такой самоуверенный балбес! Кажется, что он вообще не имеет привычки включать мозг.

Догадался. И сейчас ее единственная защитница уйдет, оставив ее без поддержки. У оборотней не принято лезть в разборки между парой.

— Дженнифер, подожди! — выкрикнула она. — Можешь не вмешиваться, но пожалуйста, вызови охрану! Я ничего не заключала, и хочу заявить о домогательствах!

Державший ее парень задохнулся от обиды и, наконец, разжал объятия. Кари тут же отскочила в сторону.

— Даже если она твоя пара, — глухо отозвалась его соплеменница, — это не дает тебе права насилловать ее.

— Да какое насилие! — снова возмутился оборотень. — Она... мы же... мы ПАРА!

— Она так не считает.

Дженнифер подошла и опустила ей руку на плечо, отчего Кари почувствовала себя увереннее.

— Она просто не понимает... Кари! — его голос дрогнул, в нем прорезалось отчаяние. — Хватит обижаться! Нам же все равно не деться друг от друга. Встретить дарованную Луной пару — великое счастье...

— Не надо мне этого счастья, — девушка выпрямилась и скрестила руки на груди. — Мой клан принял тебя, как друга, а ты оскорблял моих родных за их спинами. Не скрывал, что считаешь себя великим подарком для вечной девицы. Жаловался, что тебя заставляют жениться на инвалиде. Говорят, ты хорош собой, но я не вижу твоего лица и могу судить только по поступкам, а поступки у тебя гадкие.

— Ну... — он смутился. — Я виноват, да. Но, пожалуйста, дай мне шанс! Я же извинился и признал свою вину. Хватит обижаться!

— Я не обижаюсь, ты мне просто неприятен. Я перестану себя уважать, если уступлю тебе, — ровно ответила девушка и отвернулась, показывая, что больше не намерена разговаривать. — Отведешь меня к стоянке? — спросила она у Дженнифер.

— Конечно.

— Но... мы же помолвлены теперь! — выкрикнул ей вслед Чарли.

— Я так не считаю, — отрезала Кари. — Это моя жизнь, и я сама выберу себе пару.

Как Дженни и опасалась, Чарли последовал за ними. В отдалении, но она все равно ощущала лопатками его взгляд, а временами порыв ветра доносил и запах. Кари тоже его чуяла и всякий раз нервно ежилась.

Чтобы не ждать, Дженни вызвала такси еще по дороге. Стоило им выйти за ворота, как к остановке вырулил ярко-желтый автомобиль.

При звуках подъезжающего такси, ее спутница облегченно выдохнула и наконец-то улыбнулась.

— Спасибо огромное! Просто слов нет, как я тебе благодарна. Если бы не ты...

— Он бы ничего ужасного не сделал, — возразила Дженни. — Поверь, я Чарли почти всю жизнь знаю. Он балбес, да. Но не сволочь.

Кари пожала плечами, и в голову девушки закрались подозрения.

— Ты ведь не его боишься, не так ли? — спросила она. — Ты боишься себя. Что не устоишь.

Слепая волчица чуть побледнела и приложила палец к губам. А потом кивнула на такси.

— Не хочешь ко мне в гости? Моя хозяйка очень вкусно готовит.

Дженни уже открыла было рот, чтобы отказаться. И закрыла. Куда ей идти? В одинокую комнату в общежитии, чтобы там подышать от тоски, снова и снова прокручивая в памяти все, что было между ней и Раумом?

К тому же Кари притягивала ее. В их судьбах ощущалась странная схожесть. Дар шамана, нежеланная пара, подаренная Луной...

— Пожалуйста, — добавила Кари, уловив ее колебания. — Мне нужно обсудить с кем-нибудь... это...

— Конечно, буду очень рада, — улыбнулась Дженни.

Уже садясь в машину, она обернулась и увидела Чарли у ворот. Оборотень посмотрел на нее, как на предательницу и отвернулся.

Глава 28

Кари снимала комнату в небольшом домике в пригороде всего в десяти минутах неспешной езды от академии.

— Я же вольнослушатель, мне общежитие не положено, — объяснила она. — Да и Брайан — мой брат — тоже здесь живет. Мама считает, что так я буду под присмотром, — она усмехнулась. — Но чаще присматриваю я за ним.

Разделить плату за такси на двоих новая знакомая категорически отказалась.

— Я приглашаю, значит, я и плачу, — отрезала она. И чтобы прекратить спор протянула деньги таксисту.

Дженни пожала плечами и вышла из машины. Потянулась, оглядывая безмолвную и пустую улицу. Пригород с небольшими частными домиками, район для среднего класса. Днем здесь, наверное, было уютно, но ночная тишина и полное отсутствие прохожих придавали пейзажу зловещие черты.

Налетел порыв ветра, усиливая тревожное ощущение. Где-то вдалеке залаяла собака, и Дженни вздрогнула, спиной ощутив чужой пристальный взгляд. В памяти всплыл ужасник «Кошмар в пригороде», на который Чарли вытащил ее летом. Там действие происходило почти в таком же районе, состоящем из частных домиков.

В синема-театре она хихикала, наблюдая за похождениями злобного маньяка в маске. Но сейчас смеяться совсем не хотелось.

Дженни сглотнула, резко обернулась, ожидая, что увидит за спиной лишь пустую дорогу.

Но у калитки дома на противоположной стороне улицы действительно стоял мужчина. Фонарь над его головой освещал подтянутую немного коренастую фигуру, дорогое пальто из шерсти и высокомерное лицо с брюзгливой складкой у края губ. Это лицо показалось девушке смутно знакомым.

Мужчина еще раз тяжело и пристально взглянул на Дженни и скользнул за ворота калитки — неслышно, словно призрак.

— Ну вот и все, — жизнерадостно объявила Кари, вылезая из автомобиля. — Как тебе наш домик? Брайан говорит, что он очень уютный, хоть и нуждается в ремонте.

— А кто живет напротив? — перебила ее Дженни. Знакомо-незнакомый мужчина никак не выходил из головы. Она снова и снова пыталась понять, где могла встретить этого неприятного человека раньше. И не могла.

— Сосед какой-то. Кажется, его зовут Макмиллан.

Макмиллан. Сразу вспомнилась пропахшая медикаментами приемная госпиталя и грубый мужчина, на которого Дженни по своей неосторожности налетела. Всего две недели назад, а кажется, что уже прошла целая жизнь.

— А что?

— Ничего, — пробормотала девушка, мысленно поражаясь тому, как тесен мир. — Обозналась.

На пороге их встретила добродушная женщина, которая так искренне обрадовалась при виде Кари, словно та была ее непутевой племянницей, загулявшей на всю ночь.

— Кари, деточка! Что же так поздно? Я уже начала волноваться!

— Извините, миссис Дэвидсон. Постараюсь приходить пораньше. Это Дженнифер, она моя... — тут волчица на мгновение замялась, — Моя подруга из академии.

Пухлое лицо женщины расплылось в улыбке.

— Ах, как приятно! Дженнифер, милая, ты обязательно должна попробовать пирожки! Я как чувствовала — напекла сегодня больше чем обычно. Надо съесть, не то пропадут.

Пирожков действительно оказалось две румяные, пышущие жаром горки. А запах на кухне стоял такой, что рот сам собой наполнился слюной.

— М-м-м... мне кажется, это слишком много, — дипломатично заметила Дженни, когда хозяйка попыталась впихнуть им оба блюда.

— Мы возьмем по две штучки, а остальное отдайте Брайану, — со смешком предложила Кари. — Он все равно жрет так, как будто у него глисты.

— Ничего подобного! — возмущенно ворчала хозяйка, наваливая по пять пирожков на каждую тарелку и разливая чай по чашкам. — Мальчик просто хорошо кушает, что очень правильно в его возрасте. И вам не помешало бы брать с него пример. Тощенькие, в чем только душа держится! От тебя вот жених сбежал...

— Если бы сбежал... — пробормотала вполголоса Кари. — Спасибо, миссис Дэвидсон. Уверена, что все это очень вкусно. Мы пойдем ко мне.

— Извини ее, — позже сказала она Дженни, когда они, с трудом отделившись от чрезмерно общительной женщины, устроились в ее комнате в компании блюда с пирожками, пузатого чайника и двух чашек. — Она вдова, дети разъехались. Ей нужно о ком-нибудь заботиться.

Дженни в ответ заверила ее, что ничего страшного. Настойчивая опека пожилой женщины отчего-то не раздражала, напротив, казалась милой. Как будто она приехала погостить к пожилой тетушке.

— Я не знаю, что делать, — мрачно призналась слепая волчица, покачивая в ладонях кружку с чаем. — Маккензи ведь не отстанет?

— Скорее всего, нет, — признала Дженни, вспоминая собственный печальный опыт. А ведь она не была парой Чарли, он просто пытался защитить ее от Раума. — А ты... совсем не хочешь его в качестве мужа?

— Не хочу! — категорично мотнула головой Кари. — Пойми, я себя уважать перестану!

— Но тебя к нему тянет?

— Тянет, — с печальным вздохом согласилась она. — С головой накрывает, с каждым разом все труднее сохранять разум. А теперь еще и обручение, — на этих словах Кари совсем поникла.

— Но зачем ты согласилась на обручение, если он тебе противен?

— Да не соглашалась я! Все как-то само получилось. Сначала он не спросясь зализал, — она продемонстрировала уже поджившую царапину на ладони. А потом, когда полез целоваться, я его укусила, — Кари схватилась руками за голову. — Как умопомрачение нашло, — пожаловалась она. — Я же говорю — мозг словно отключается. «Луна умеет убежда-а-ать», — передразнила она свою тетку.

Дженни сочувственно вздохнула. Она понимала Кари, как никто другой и сочувствовала ей.

Дурацкая парность, лишаящая волков самого ценного — свободы выбора. Обрекающая на влечение вопреки голосу разума, собственным желанием и чувствам.

— Этому можно сопротивляться, — заверила она волчицу. — Тяжело, но можно. По крайней мере, пока ты его не любишь...

Кари откусила пирожок и снова тяжело вздохнула.

— Если начну пользоваться заклинаниями, отбивающими нюх, стану совсем беспомощной. К тому же теперь даже без запаха будет тянуть.

— Почему?

— Из-за помолвки, — на этом слове она скривилась, словно разжевала лимон. — А уехать я не могу. Если вернусь в Маррейстоун, мама меня оттуда уже не выпустит.

— К тому же ничто не мешает Чарли поехать за тобой, — закончила за нее Дженни.

— Именно.

— А если все-таки дать ему шанс?

— Нет! — отрезала волчица. — Я никому не позволю решать за меня! Ни маме, ни тетке, ни

Луне. У меня три старших брата. Когда я родилась слепой, мама решила, что я всегда буду опекаемой, зависимой от нее, отца, братьев, мужа. Я доказала, что это не так, научившись сама охотиться, находить дорогу и заботиться о себе. Когда открылся дар шамана, тетка решила, что я должна заменить ее. Я снова сделала все по-своему. И мужа себе я выберу сама!

Дженни покосилась на нее с уважением. Кари не хвасталась. За спокойными словами угадывались часы, дни, годы, отданные для достижения цели. Несгибаемая сила воли, упорство и готовность отвечать за свои слова.

Пожалуй, Чарли действительно не заслуживал эту девушку. И уж точно не заслуживал получить ее без малейших усилий, просто по воле Луны.

— Кроме того, — добавила Кари со смешком. — он меня раздражает. Тебе не понять. У тебя с твоей парой все хорошо...

— Если бы, — при напоминании о Рауме Дженни скривилась. А потом вдруг спохватилась. — А ты откуда знаешь, что у меня есть пара?

— Чувствую. Я же шаман, пусть и необученный.

— Я тоже шаман, но ничего такого не чувствую.

Сидевшая рядом волчица оживилась.

— Серьезно? Так давай я тебя научу!

Глава 29

В ту ночь они проболтали до пяти утра, а потом Дженни так и заночевала в той же комнате на диванчике. «Чего тебе делать в кампусе на выходных? Оставайся, миссис Дэвидсон обещала шоколадный пудинг на завтрак!» — сказала слепая волчица.

И на следующий день Дженни тоже не уехала. Вместо этого она позавтракала на уютной кухне вкуснейшим пудингом и яичницей. Познакомилась с Брайаном Маккуином — здоровенным парнем, который даже среди волков выделялся ростом и мускулатурой. И, вслушиваясь в веселую пикировку брата и сестры, поймала себя на непривычном ощущении покоя и щемящей грусти. Словно вернулась домой. Не в Синие горы к маме и другим волкам Маккензи, и даже не в неласковый город ее детства. Просто домой... Ведь дом там, где хорошо.

Маленький домик миссис Дэвидсон дышал теплотой. Здесь долгие годы жили счастливые, любящие друг друга люди, и стены помнили их близость, заботу, детский смех и тихое счастье.

— Конечно, — ответила новая знакомая, когда Дженни поделилась с ней этим наблюдением. — Думаешь, я просто так выбрала это место? И Брайана сюда перетащила — ты бы видела, в какой душегубке он раньше жил.

После завтрака была совместная прогулка. Кари со смехом объясняла, как ориентируется без зрения — за счет слуха, нюха и шаманского дара. Как и обещала, она пыталась научить Дженни чувствовать незримые связи, объединяющие все живое, но для Дженни рассказ о тайных струнах мироздания так и остался красивой метафорой. Сколько она ни напрягалась, слышала только лай соседской собаки и рев двигателей проезжающих автомобилей.

Зато время в попытках пролетело незаметно.

— Ничего, — постаралась утешить ее Кари. — Тренируйся и однажды все обязательно получится.

К вечеру второго дня, Дженни с изумлением поняла, что слепая волчица стала для нее подругой. Кажется, даже с Вэл ей не было настолько легко и интересно общаться.

И у них нашлось столько всего, что нужно обсудить! Привычки, взгляды, любимые музыкальные группы, скудный опыт шаманства, мужчины...

Да, мужчины. Они так разговорились, что Дженни сама не заметила, как уже на третий день знакомства выложила все подробности своего печального романа с Раумом ди Форкалоненом. Даже те, которые скрыла от Вэл.

Просто Кари была оборотнем. Ей не нужно было объяснять что такое пара и почему этому влечению так трудно сопротивляться. Она понимала с полуслова, умела слушать.

А еще она не советовала и не осуждала.

— Звучит очень хреново, — подытожила Кари, когда Дженни закончила свой рассказ. — А думала, это мне подфартило с парой.

— Я сама виновата. Никто не заставлял меня быть такой доверчивой душой.

— Я бы тоже поверила на твоём месте. Не ругай себя. Все равно уже ничего не исправить. Не исправить? Хммм...

— Что? — спросила Дженни после пятиминутной паузы во время которой подруга хмурилась и зажимала пальцы, словно подсчитывая что-то в уме.

— Да вот подумала насчет «исправить». Почему мы так уверены, что связь нельзя разорвать?

— Ну, это все знают...

— Вот именно, что «все знают»! — в невидящих глазах загорелся фанатичный огонек. — А ты в курсе, что до сих пор не проводилось ни одного полноценного исследования в области импринтинга у волков? В императорской библиотеке только статьи со статистическими выжимками, культурологические изыскания и опросы. Саму природу связи не исследовал никто. И тем более никто не пытался ее разорвать.

— Ты хочешь сказать...

— Да! — Кари даже подпрыгнула от восторга на месте. — Надо поговорить об этом с Аланом!

На робкий вопрос Дженни: «Кто такой Алан?», — подруга только хитро улыбнулась и пробормотала: «Увидишь!»

И потащила ее в сторону академии.

По дороге девушка напряженно размышляла. Предложение слепой волчицы казалось безумием, почти кощунством.

Но именно поэтому оно могло сработать.

Кому еще из волков придет в голову такая дикая идея, как разорвать связь, созданную Луной? И кого из чужаков соплеменники Дженни подпустят к святой святым?

Всех волков с рождения учат, что пара — это на всю жизнь. Судьба, подарок Луны, высшее счастье. Кто будет спорить со своей судьбой и противиться возможности стать счастливым?

Но если связь можно уничтожить...

Странно, но эта мысль не обрадовала. Наоборот, стало грустно и зябко. Волчица внутри заскулила, упрашивая не разрывать освященный Луной брак.

— Знаешь, я не уверена, что хочу этого, — призналась Дженни, когда они уже подходили к корпусу прикладных магических технологий. — Я все еще люблю его.

— Любишь? — недоверчиво переспросила Кари. — Или убедила себя, что любишь? Ты уверена, что это твое чувство, а не голос инстинкта.

Дженни прислушалась к себе и решительно тряхнула головой.

— Люблю! Иногда почти ненавижу, убить готова. Иногда злюсь. И все время скучаю. Кажется, что обернусь, а он рядом. И утром, когда просыпаюсь... — голос задрожал. Она поняла, что еще немного и расплечется, и замолчала.

Чувства к Рауму болели и ныли где-то глубоко внутри. Без него все было не так. Серым, скучным, лишенным вкуса и запаха. И Луна здесь была ни при чем. Дженни просто не хватало гадского демоняки. Его голоса — то насмешливого, то охрипшего от страсти. Не хватало дурацких прозвищ, объятий, в которых так уютно засыпать. Ночами снилось, что он снова рядом. И тем больнее было открывать глаза по утрам.

Просто Дженни умудрилась влюбиться, как последняя идиотка. Влюбиться в бесстыжего, эгоистичного мужчину, для которого была только игрушкой на пару месяцев.

Когда-нибудь это отболит и пройдет. Тогда можно будет рвать постылые узы, снова выходить замуж. Но сейчас... сейчас, даже если она разорвет связь, это ничего не изменит. То, что приковало ее душу к Рауму ди Форкалонену, сильнее и глубже инстинктов.

— Тебе, может, и не нужно, а мне просто необходимо! — решительно объявила Кари. — Кроме того, никто не сказал, что это в принципе возможно. Для начала я просто хочу обсудить это с Аланом. Да и познакомлю вас заодно.

— Это твой мужчина? — уточнила Дженни.

Должна же быть причина, по которой слепая волчица так отчаянно сопротивляется зову Луны.

— Кто, Алан? — Кари расхохоталась. — Нет, он личинка чокнутого профессора. Знаешь, одного из тех легендарных сумрачных гениев, которые меняют облик мира, но не способны поменять себе рубашку. Если нам удастся найти бриллианты для рабочего прототипа приемника, я готова поклясться, что он получит Высшую Императорскую премию за прорыв в области передачи звука... О, пришли!

За дверью скрывалась обычная лаборатория по комплексным магическим воздействиям. Правда, настолько захламленных Дженни еще не встречалось. По всему полу валялись чертежи, обрывки бумаг, яблочные огрызки. На письменном столе возвышалась батарея грязных кружек, блюдо с окаменевшими останками печенья и куча булыжников. На

расположенном в центре комнаты постаменте тихонько гудела и искрила непонятная машина, похожая одновременно на медицинский сканер и смертный луч из фантастической синемаленты про злобного профессора Фьюмса.

А из-под стола торчали длинные ноги в штанах и полосатых носках. Правый был протерт на пятке.

— Алан, я привела подругу — хочу показать ей нашу работу, — громко объявила Кари.

Под столом что-то зашуршало, завозилось, послышалось сдавленное ругательство. А потом на свет показался сначала тощий зад в обвисших штанах, а затем и обладатель этого зада — смешной взъерошенный очкарик в мятой рубашке. Худой и нескладный, он если чем и походил на безумных профессоров из синематографа, то разве что фанатичным блеском в глазах.

В руках очкарик сжимал прозрачный кристалл размером с перепелиное яйцо.

— Привет, — при виде Дженни парень оживился. Он предпринял было попытку пристроить свою находку на стол, но кристалл покатился по чуть наклонной полированной поверхности и упал в щель между столом и стеной. Очкарик издал горестный стон.

— Опять! Кари, он постоянно от меня убегает и теряется! Что делать?

— Тут я тебе не помощник, сам знаешь, — со смешком развела руками девушка. — Вот так и работаем, — обернулась она к Дженни.

— А над чем вы работаете? — любопытствовала девушка.

— Ты не знаешь?! — Алан мгновенно оживился, позабыв про сбежавший кристалл. — Я сейчас объясню...

— Ой, зря ты это спросила, — пробормотала Кари и, повывисив голос, обратилась к очкарику. — Только без лишних подробностей, пожалуйста. Дженни все равно ничего не понимает в общей теории связи. Я и сама в ней почти ничего не понимаю, — пояснила она в ответ на любопытный взгляд девушки.

— Конечно, конечно. Я самыми простыми словами... — парень поправил очки и зачистил. — Всем известно, эфир является отличным проводником метафизических частиц Кси и позволяют связывать...

— Мы пытаемся создать прибор для передачи звука на расстоянии, — перебила его Кари. — И у нас почти получилось.

— Звуча... Это как? Чтобы можно было поговорить с кем-то находящимся в соседнем здании?

— Смотри шире, — она усмехнулась. — С кем-то, кто за сотни миль. А еще прибор сможет создавать запись звука, которая не будет портиться после первого же прослушивания. У Алана совершенно новый подход — ничего общего с тем, что используется сейчас. Я же говорю — он гений.

— Но... — Дженни осеклась, пытаясь привести в порядок мысли.

Смело. Так смело, что дух захватывает от масштабности замысла и перемен, которые он обещает привнести в обычную жизнь. Но вот только магическим советом еще десять лет назад было авторитетно доказано, что передача и запись звука невозможны.

— Знаю, знаю, — запальчиво выкрикнул гений в мятой рубашке с пятном на воротнике. — Изобретать передачу звука все равно, что изобретать вечный светоч и прочее бла-бла. Но ты можешь сама посмотреть мои расчеты. Вот, — он подбежал к бумажной стопке, громоздившейся на письменном столе, и выхватил из самого низа толстую папку. Стопка угрожающе покачнулась и наклонилась, теперь она напоминала знаменитую Падающую башню в Таскледо.

— На, прочти, — выкрикнул Алан, впихивая папку в руки Дженни. Ошалевшая от такого стремительного превращения смешного очкарика в одержимого маньяка девушка покорно взяла ее и застыла, не зная что делать с этим сомнительным даром.

— Алан! — укоризненно протянула Кари. — Мы ведь уже обсуждали это — не стоит так набрасываться на гостей. Ты хочешь побить прошлый рекорд? Сколько продержался

профессор Гранье? Десять минут, да? А Дженни здесь всего две и уже собирается сбежать.

— Я не собираюсь... — попробовала возразить девушка, плавно теряя ощущение реальности от творящегося в лаборатории дурдома.

— Нет, пусть она прочтет! Пусть сначала прочтет, а потом скажет, что это невозможно! — кипятился юный гений. — Давай, открывай. Ну же!

Дженни покорно перелистнула страницу. На титульном листе было написано «Музыка сфер. Проект на соискание ежегодного гранта фонда развития магической науки Леонарда ди Форкалонена». В памяти всплыло высокомерное лицо отца Раума и его предложение выступить «щедрым покровителем». Девушка вздрогнула и резко захлопнула папку.

— Вы подавали документы на грант?

— Подавали, — Кари ощупала заваленный бумагами стул, смахнула листки на пол и села. — Но научный совет не стал даже читать наши выкладки. Подняли на смех — мол, это все равно что проект вечного источника энергии. Дилетантство и профанация.

— Угу, — безнадежно поддакнул ей юный гений. Приступ бешеного энтузиазма оставил его так же стремительно, как и накатил. Алан махнул рукой и без сил опустился на пол в окружении мятых бумажек. — Я всего лишь аспирант. Кто будет слушать аспиранта?

Дженни недоумевающе нахмурилась.

— Но если вы сами говорите, что проект полностью готов, то что мешает вам запатентовать его, не впутывая демонов?

— Э-э-э... — Кари смущенно откашлялась. — Он не совсем готов. Точнее, готов, но только в теоретической части, ее мы уже запатентовали. Но для работающего прототипа нужны очень дорогие материалы...

— Бриллианты, — горестно откликнулся Алан, хватаясь за голову. — Я попробовал уже все другие камни из минералогической коллекции — не то. Слишком сильные искажения. Нужны долбаные бриллианты! Хотя бы две штуки...

— Бриллианты? — Дженни вспомнила ожерелье с черными бриллиантами. К посылке с одеждой была приложена опись, в которой перечислялись все подаренные демоном украшения. Раум поместил их в банковскую ячейку, арендованную на ее имя, и еще сегодня утром Дженни твердо была уверена, что не притронется к ним, даже если будет голодать.

Однако куда правильнее будет использовать камушки для благого дела.

— Мне кажется, с бриллиантами я могу вам помочь.

Глава 30

В чем-то Кари была куда практичнее нее. Это Дженни очень хорошо осознала, когда подруга настояла на заключении официального соглашения, по которому Дженни передавала камни в дар в обмен на долю в доходах от изобретения.

— Это будут очень хорошие деньги. Разве тебе помешает финансовая независимость?

Дженни пожала плечами. Ей идея двух юных мечтателей по-прежнему казалась фантастичной и неправдоподобной. Но если подаренные ди Форкалоненом бриллианты сделают Кари немного счастливее, значит, она не зря забрала их из сейфа.

Воспоминания о Рауме никуда не делись. Они все так же отзывались всплесками боли на любое напоминание о беловолосом демоне. И, кажется, в жизни Дженни напоминало о нем все.

Чтобы отвлечься, девушка включилась в работу над «Музыкой сфер». Теперь она все свободные часы проводила в лаборатории, которую ее усилиями перестала походить на свинарник. Вечерами Дженни провожала Кари до дома, охраняя от настырного оборотня, который так и не бросил идею завоевать свою невесту.

— Ты не обязана это делать, я вполне могу попросить брата.

— Но я хочу!

Самой Дженни это было нужно куда больше, чем ее новой подруге. Присутствие здравомыслящей и ироничной Кари гнало прочь тоску.

Из домика миссис Дэвидсон ее не отпускали без ужина, а после ужина возвращаться было уже поздно, поэтому Дженни почти переехала в гостевую комнату.

Жизнь, разделенная между учебой и работой, понеслась стремительно, как автомобиль по гоночной трассе. На хандру и мысли о разбитом сердце просто не осталось времени. Новые друзья, учеба, работа не давали расслабиться и иногда Дженни ловила себя на том, что днем чувствует себя почти счастливой.

Тоска приходила ночью. Прокрадывалась в одинокую девичью спальню, напоминала о себе стылým холодом.

Днем Дженни беспечно улыбалась и крутилась, пытаясь успеть сделать тысячу дел. И даже почти не вспоминала о проклятом демоне. Всего-то раз сто в час, не чаще.

Раум не появлялся в академии с того дня как они расстались. Наверное, опять уехал по делам. Или занялся подготовкой к свадьбе. Ну и хрен с ним! Пусть женится на ком хочет, спит с кем хочет, лишь бы подальше от нее.

Потому что Дженни сама не знает, как поведет себя, что сделает и скажет, если снова встретит самовлюбленного беловолосого демоняку.

Так прошло почти две недели. Кое-как, но Дженни сумела подобрать и склеить осколки своей разбитой жизни. Она даже поверила, что однажды вопреки всему все же сможет стать счастливой.

А потом ее начало тошнить по утрам.

Дурноту Дженни почувствовала как только проснулась, но не придавала ей значение. Не настолько ей плохо, чтобы проводить весь день в постели, тем более что на сегодня Алан запланировал демонстрацию возможностей своей чудо-машины.

Девушка быстро умылась, оделась и спустилась на кухню, по которой уже плыл восхитительный запах блинчиков.

— Доброе утро, милая, — расплылась в улыбке миссис Дэвидсон. — Ты как раз вовремя.

— Много не кладите, мне нехорошо, — попросила Дженни. — Кажется, съела что-то несвежее.

— О, сейчас начнется... — меланхолично пробормотала Кари.

В точном соответствии с ее прогнозом квартирная хозяйка горестно закатила глаза и

разразилась речью о смертельной опасности питания вне дома. По ее словам получалось, что каждый кусочек, съеденный в студенческой столовой, отнимал минимум год жизни и совсем скоро и Дженни, и Кари, и даже Брайану грозило умереть во цвете лет.

В процессе этой обличительной речи, добрая женщина щедро наложила на тарелку Дженни горку блинчиков и обильно полила их кленовым сиропом.

И лучше бы она этого не делала.

Едва Дженни унюхала резкий, омерзительно воняющий солодом и карамелью запах, как к горлу неудержимо подкатила тошнота. Девушка закрыла рот ладонью и бросилась в уборную.

Ее вывернуло желчью и остатками вчерашнего салата. Дженни посидела немного на полу, приходя в себя и спрашивая, что это было. Почему запах любимого кленового сиропа показался настолько тошнотворным и отвратительным?

Может, он просто испортился.

Она встала, подошла к умывальнику и прополоскала рот. Собственное лицо в зеркале не понравилось — слишком бледное, и мешки под глазами не красят. Бессонница, чтоб ее. Бессонница и бесполезные воспоминания о том, кого стоило бы забыть.

— Ты как? — раздался за спиной голос Кари.

— Нормально, — Дженни выдавила кривую улыбку. — Говорю же — съела что-то вчера.

— Не хочу тебя пугать, — задумчиво протянула подруга, — но твоя аура изменилась. Совсем чуть-чуть, если специально не вглядываться, не заметно. Извини за интимный вопрос, но когда вы с Раумом... Ты предохранялась?

— Разумеется, нет, он же демон, — фыркнула Дженни.

— Тогда у меня плохие новости.

— Беременна? — беспомощно переспросила Дженни, разглядывая результат экспресс-теста. — Сожри меня дракон, я что же — действительно беременна?!

Кари протянула ей кружку какао и успокаивающе погладила по руке.

— Держись!

— Как, ну как я могла быть такой идиоткой?! Почему не прочла все, что можно по истинным парам?! Почему не спросила у доктора Мактулла? Почему он не предупредил меня?!

— Возможно, это инстинкт, — предположила Кари. — Истинные пары нужны, чтобы рождались самые сильные дети. Луна умеет убеждать, а когда убедить не получается, не гнушается обманывать. Сама говорила, что это похоже на затмение.

Дженни спрятала лицо в ладони и застонала.

Такая мелочь! Ну кто мешал ей разузнать о рождении детей в истинных браках?! Если обычная волчица пожелает понести от демона, ей придется применить специальное заклинание, да еще убедить партнера, чтобы он тоже им воспользовался. Но для истинной пары не существует границы между расами.

— Нет смысла грызть себя сейчас, — снова попробовала утешить ее подруга. — Кроме того, мама мне говорила, что противозачаточные заклинания в момент заключения истинного брака срабатывают один раз из пяти, если не реже. Они с отцом предохранялись, но через девять месяцев мама все равно родила Конрада.

— Тем более, — потерянно пробормотала Дженни. — Если бы я знала...

Ребенок...

Ребенок изменит все.

Придется бросить учебу. Как минимум — взять отпуск на пару лет. Придется полностью изменить свой стиль жизни. Придется жить дальше с клеймом потаскухи.

Да, слухи гуляют и сейчас, но в столице нравы куда вольнее, чем в провинции. К тому же

свечку над ними никто не держал, подружки у демона меняются регулярно, и Дженни рассчитывала, что рано или поздно все забудут о ее романе.

Но если у нее — незамужней девушки — появится ребенок, забыть о собственном падении ей уже не дадут.

А как к этому отнесутся Маккензи? И мама...

— О Богиня, что же мне теперь делать?!

— А вот это, — Кари назидательно подняла палец, — Правильный вопрос! У тебя три варианта. Первый — вырастить ребенка самостоятельно. Второй — отдать его на усыновление. Хотя бы в семью его отца...

— Что?! — возмутилась Дженни. — Ну уж нет!

Сразу вспомнилась самодовольная рожа Леонарда ди Форкалонена и скупые обмолвки Раума о его детстве. Одиночество, равнодушные взрослые и множество дорогих игрушек, которые дарят, чтобы не дарить любви и заботы.

Нет, такого детства Дженни не пожелала бы никому.

— Значит, просто отдать его на усыновление. Например, в бездетную семью.

Дженни покачала головой. Да, вроде бы отличный выход. Отдать в хорошие руки... как щенка какого-то.

— А третий вариант?

— Избавиться от плода.

— Избавиться? — девушка пораженно уставилась на подругу. То, что она предложила, граничило с кошунством.

Нет, Дженни, конечно, знала, что среди других рас применение чар, приводящих к выкидышу на ранних сроках, не такая уж редкость. Но услышать подобное от волчицы?! Немыслимо! Их же с пеленок приучают к тому, что семья и дети — высшая ценность.

Кари нахмурилась.

— Я не очень это одобряю, но считаю, что у женщины есть право решать. И я не стану о тебе хуже думать, если...

— Нет! — резко перебила ее Дженни. — Это исключено.

А поганый червячок сомнений все же зашевелился в душе. Она ведь действительно может сделать это. Записаться на прием, потерпеть немного, а потом уйти и зажить прежней жизнью, делая вид, что ничего не было.

«У нас лучшие в округе специалисты по прерыванию нежелательных беременностей», — зазвучали в ушах слова, сказанные доктором Мактуллом еще при первой встрече.

Она опустила руку на пока еще совершенно плоский живот. Ребенок... Дитя истинного брака. Сын, с такими же белыми, как у его отца волосами. Сын или дочь...

Раум все же оставил ей на память куда больше, чем собирался.

Убить эту маленькую беспомощную жизнь? Да нет, это невыносимо! Это будет куда циничнее и хуже, чем родить и отдать на воспитание в другую семью.

Под ладонью стало теплее, и Дженни на мгновение показалось, что она поймала отголосок чужой ауры. Еле ощутимый — не свет, лишь дальний проблеск. Намек на свет.

Достаточно дунуть, и он погаснет навсегда.

И мгновенно отчаянно, до боли захотелось защитить эту маленькую жизнь. Подарить ей этот мир, отдать еще неродившемуся крохотному комочку все, чего сама Дженни была лишена в детстве.

Да, рождение малыша изменит все и, скорее всего, безвозвратно. Но разве Дженни так уж

нравится ее нынешняя жизнь, чтобы цепляться за иллюзию устроенности и нормальности?

Да, Раум поступил с ней, как эгоистичный подонок, но их общий ребенок в этом точно не виноват. Никто не виноват, разве что Луна — лживая, неверная, сводящая двоих против их воли.

Хорошо, что Кари заговорила об этом. Не будь этих слов, Дженни бы еще долго упивалась жалостью к себе и ныла, что не знает, что делать.

— Нет, — твердо повторила девушка. — Я не собираюсь избавляться от него или отдавать в другую семью. Это мой ребенок, и я сделаю все, чтобы он вырос, зная, что его любят!

И несмотря на все тяготы и сложности, которые предвещало принятое решение, на душе в один миг стало легко.

Глава 31

На этот раз доброжелательности во взгляде куратора было куда меньше.

— Вы можете гарантировать, что не передумаете? Или что через два месяца не возникнут еще какие-нибудь «особые обстоятельства»?

— Могу, — решительно ответила Дженни. — Я в любом случае уезжаю, но будет лучше, если перед этим я сдам зимнюю сессию.

Оборотень откинулся на спинку кресла. На его лице промелькнула скептическая улыбка, но глаза смотрели холодно и строго.

— Всего месяц назад вы приходили ко мне с просьбой помочь с переводом в Вестфилд. И тогда же заверили, что подтяните вашу успеваемость, но вместо этого буквально на следующий день исчезли из академии посреди лекций, и неделю о вас не было никаких вестей. Добавим к этому пропуски занятий, несданные работы. И вот теперь вам потребовался учебный отпуск. Вы уверены, что вообще хотите учиться, мисс Рейд?

Дженни спокойно выдержала его пытливый взгляд.

— Я уверена в том, что хочу закрыть эту сессию. И надеюсь, что через несколько лет у меня появится возможность закончить учебу. Но после зимних экзаменов мне придется надолго уехать по семейным обстоятельствам.

На этой фразе куратор скривился.

— Дело ваше, мисс Рейд, — сухо объявил он, подписывая заявление. — Я распорядюсь, чтобы секретарь подготовила документы, так что вам остается только вовремя сдать все задолженности.

Раньше разочарование пожилого преподавателя задело бы Дженни, заставило переживать. Но сейчас она поймала себя на том, что ей все равно.

Новость о беременности заставила поменять отношение ко всему. Важным стало то, что так или иначе касалось благополучия нерожденного малыша. И чужое одобрение или неодобрение к важному уж точно не относилось.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила она, забирая подписанную бумагу.

Стоило покинуть кабинет, как мысли девушки вернулись к более насущным вопросам.

Куда уехать после сессии?

В Синие горы, туда где ее клан и мама? Это решение казалось очевидным. Но были свои нюансы.

Как отнесутся Маккензи к малышу? Не будут ли дразнить за то, что у него нет отца? Саму Дженни в свое время приняли не особо ласково и если бы не Чарли, она могла бы так и не стать в клане своей.

Но если не в Синие горы, то куда?

Кари убеждала уехать в Маррейстоун. Мол, для Маккуин не так важно кто отец. Любой ребенок — счастье. Да и сама Дженни сможет подучиться у тетки Ванды контролировать свой дар.

Волчица даже написала родителям, осторожно поинтересовавшись, не приютят ли они ее подругу. Те вроде бы не возражали.

Одно Дженни знала точно: ходить с растущим животом в академию и рожать в столице она не будет. И дело не только в насмешках. Если остаться, слухи обязательно дойдут до Раума и его отца. И если демоны захотят забрать малыша, Дженни вряд ли сможет им помешать.

Погрузившись в эти невеселые мысли она свернула за угол. И почти налетела на другую студентку.

— Извините, — пробормотала девушка. — О! Дженнифер! Как я рада тебя видеть.

Дженни отшатнулась, с досадой узнав Таисию ди Небирос. Против воли в памяти всплыло омерзительное видение — два тела сплетенные в объятиях, гримаска отвращения и наслаждения на нежном личике и пепельные волосы, зажатые в мужских пальцах.

«Никогда не видел сына настолько одержимым», — зазвучали в ушах слова Леонарда ди Форкалонена, и Дженни затрясло от ярости.

Да что она о себе воображает, эта девочка-мечта? Как она смеет разговаривать с Дженни, улыбаться, предлагать дружбу, когда сама спала с ее мужем?!

Да, Дженни помнила рассказ демона и понимала, что Таисия была скорее жертвой в той ситуации. Да, она знала каким безжалостным может быть Раум.

Но она видела их... В их противостоянии, любви густо замешанной на неприятии и ненависти.

И даже сотня клятв не смогли бы убедить Дженни, что белокурая анхелос была только жертвой.

— Я как раз недавно о тебе вспоминала, — продолжала щебетать Таисия, словно не замечая отчуждения на лице волчицы. — Не хочешь пообедать вместе?

— Нет, — ледяным тоном отрезала Дженни. — И не думаю, что когда-нибудь захочу. Так что побереги свои улыбочки для кого-нибудь другого.

Брови взмыли вверх, кукольное личико сложилось в недоуменную гримаску.

— Что случилось?

— Ничего. Я спешу, — сквозь зубы ответила Дженни и почти бегом направилась к главному корпусу.

До самой двери между лопатками свербело от недоумевающего взгляда анхелос.

Тася нахмурилась, рассматривая гордо выпрямленную спину волчицы. Какая муха ее укусила?

Расстались они вроде бы тепло. Тася даже надеялась, что Дженнифер станет ее подругой, но когда попыталась на следующей неделе найти волчицу, чтобы пообедать вместе, оказалось, что та уехала. А потом ей самой пришлось ненадолго покинуть Нью-Эбор для прохождения практикума в лаборатории доктора Ишуро.

И вот такая «теплая» встреча после возвращения. Почему?

Ладно, это не ее, Таисии, дело. Если возлюбленная Раума не хочет общаться, Тася не станет навязываться.

Девушка перехватила взятые в библиотеке учебники поудобнее и постаралась выкинуть непонятное поведение волчицы из головы. У нее даже получилось.

Ровно до обеда, когда к ее столику подседа Регина.

— Привет, ты уже вернулась? — промурлыкала она.

— Как видишь, — осторожно ответила Тася.

После того как выяснилась правда о ее происхождении, и особенно после свадьбы с Мэлом, отношение первой сплетницы факультета к «человеческой выскочке» разительно переменилось. Регина старательно набивалась в наперсницы, и никак не желала понять, что потенциальной подружке неприятны сплетни и злословие, неинтересно обсуждение нарядов, украшений и чужих отношений.

— Слышала новость? Король академии снова свободен. Девчонки спорят, кто станет следующей счастливицей, Адель даже принимает ставки. Не хочешь поучаствовать?

— Погоди... — Тася недоуменно нахмурилась. — Ты о ком? Какой король?

— Раум ди Форкалонен, разумеется, — со смехом пояснила Регина. — Он, наконец, бросил свою рыжую полукровку и теперь в активном поиске. Сплетница томно потянулась и облизнулась. — Жаль, что он не ходит на занятия уже третью неделю, я бы его уте-е-шила...

— Ничего себе, — пробормотала Тася, даже не пытаясь скрыть своего изумления. — Мне

казалось, у него с Дженни все так хорошо...

— А вот и не хорошо, — Регина захихикала. — Зря эта выскочка нос задирала, он ее вышвырнул. Но это еще не все. Ты представляешь: эта малахольная дурочка выкинула кучу подаренных им нарядов на помойку! Платья от Ла Костена, Леони, туфли от Висарди... Девчонки из модного клуба устроили настоящую драку прямо у помойных бачков, — она восторженно закатила глаза. — Что это было за зрелище! Ну почему я не взяла спектрограф?!

Тася нахмурилась, не разделяя веселья.

Плохо. Все очень, очень плохо. Она готова была присягнуть, что Раум до беспамьятства влюблен в свою рыжую волчицу, и что Дженни любит его не меньше. Что случилось между этими двумя? Какая кошка пробежала?!

Она решительно отодвинула тарелку с остатками обеда.

— Извини, мне надо идти.

Да, личная жизнь Раума не ее дело. Но Тасе нравилась резковатая и яркая Дженнифер. И (она никогда не призналась бы в этом Мэлу, но себе лгать глупо) нравился Раум. Гадкий и притягательный, наглый и одинокий. Скрывающий свои настоящие чувства под броней напускной бравады и цинизма. Он не был чужим для нее.

Тася хотела бы видеть его счастливым.

А это значит, что она должна выяснить, что происходит.

Глава 32

При виде знакомого мрачного особняка стало жутковато. Тася охватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь. На мгновение она снова почувствовала себя прежней — растерянной девочкой, которую привезли сюда трое жестоких пресыщенных мужчин, чтобы сделать своей игрушкой.

Два прошедших года словно растворились в окружающей Шейди Манор зловещей тишине. Прошрое просыпалось, отряхивалось и вставало за спиной, щеря клыки.

Тася помотала головой и даже ущипнула себя за руку. Прошрое в прошлом. Она давно не беспомощная и запуганная жертва. Она — анхелос, жена одного из самых влиятельных демонов в империи, любимая и любящая женщина. Что с ней может случиться?

«Ладно, как скажешь», — согласилось прошрое и отступило.

Холл встретил ее гулкой музейной тишиной и бесстрастным лицом одной из горничных. При взгляде на него чувство дежа вю усилилось.

— Я бы хотела поговорить с Раумом, — решительно сказала Тася. И остановила женщину, когда она отправилась было доложить. — Нет, не надо. Просто скажите, где его найти.

— Хозяин в малой гостиной, — равнодушно сообщила служанка.

Она послушалась, а это значит, что Раум оставил за Тасей право свободно перемещаться по его дому. Надеялся, что она однажды вернется?

Шагнув в малую гостиную, Тася попятилась. На мгновение ей показалось, что служанка ошиблась или намеренно ввела ее в заблуждение.

Тяжелые бархатные портьеры были опущены, магические светильники погашены, и в комнате стояла сумрачная тьма. Но тяжелый дух виски, стоявший в воздухе, намекал, что если хозяин и отсутствовал в комнате, то был здесь совсем недавно, поэтому Тася вошла и захлопнула за собой дверь.

— Свет, — приказала она и на столе вспыхнула одинокая лампа, освещая спящего в кресле мужчину. Нечесанные белые пряди свисали, скрывая лицо.

— Ничего себе, — пробормотала девушка, смерив взглядом длинную вереницу пустых бутылок вокруг демона.

А потом решительно направилась к окну и дернула шнур, поднимая портьеру.

Безжалостный дневной свет залил комнату, которая выглядела так, словно в ней неделю пьянствовала компания троллей. Тася растерянно обвела взглядом пустые бутылки, тарелки с остатками пищи, разбитое зеркало в углу...

Демон в кресле шевельнулся.

— Какого... — прохрипел он. И застонал. — Чтоб мне сдохнуть, моя голова!

— Такое бывает, если пьянствовать три дня без продыху, — ответила Тася.

При виде Раума в подобном состоянии воспоминания окончательно отступили. За все время, что она здесь жила, Тасе приходилось наблюдать Раума злым, веселым, довольным, милым, агрессивным, язвительным, опасным.

Но таким — раздавленным и бегущим от реальности — никогда.

Демон потянулся к графину на столе и запрокинул голову, жадно хлебая воду прямо из горла.

— Три дня? — Раум отставил пустую посудину. — Какое сегодня число?

— Семнадцатое.

Демон желчно рассмеялся.

— Не три дня, а две недели, детка. И, — он смерил налитыми кровью глазами батарею пустых бутылок. — Кажется, у меня кончилась выпивка. Надо заказать еще пару ящиков. Позови

служанку!

Тася не двинулась с места.

— Раум, что происходит? Почему ты пьешь, а Дженнифер шарахается от меня и смотрит, как на предательницу? Почему по кампусу гуляют слухи, что вы расстались?

— Потому что мы расстались, — зло ответил демон. Он взял со стола бутылку из под виски, потряс и разочарованно отшвырнул. — Позови служанку, мать твою!

— Почему? — настойчиво повторила Тася.

Он язвительно рассмеялся.

— А тебе не все равно, кузина Таисия? Проваливай из моего дома! Отправляйся к своему муженьку и образцовой жизни. У меня сегодня свидание с мадам текилой, нехорошо заставлять даму ждать.

Тася покачала головой.

— Я не уйду. Тебе нужна помощь.

Она никогда не видела Раума таким. Все в облике демона даже не говорило, а безмолвно кричало, что ему плохо. Черные синяки под глазами, осунувшееся лицо и потрескавшиеся в лихорадке губы. Лощеный самоуверенный красавчик исчез, оставив вместо себя озлобленного и изможденного мужчину, который топил и не мог утопить в алкоголе свою боль.

Демон зло ощерился.

— Жалеешь, да? Знаешь, твоя жалость омерзительна на вкус. Такая — сладенькая и гаденькая, — он тяжело оперся о стол и приподнялся, исподлобья глядя на Тасю. — Убирайся из моего дома, анхелос. Я обойдусь без твоей жалости и без твоей помощи.

— Раум! — она вздохнула. — Пожалуйста, просто расскажи мне, что случилось. Я же вижу, что тебе плохо...

— Ты хочешь знать, что случилось? — его губы изогнулись в ухмылке — кривой и страшной. Ухмылке, которая почти не скрывала боли, но обещала, что все окружающие сейчас испытают не меньшую. — А случилось то, что я голоден, детка. Дико голоден. Я две недели на одной выпивке.

— Давай закажем поесть...

— Не-е-ет, — движения демона вдруг мгновенно утратили похмельную неловкость. Он выпрямился, скользнул в сторону Таси и навис над девушкой, прижимая ее к столу. От густого запаха перегара стало трудно дышать. В налитых кровью глазах светились гнев и отчаяние. То отчаяние, с которым люди творят невозможные и жуткие вещи.

Впервые с тех пор как она вошла в особняк, Тася по-настоящему испугалась... Раум не просто неадекватен, он невменяем, не видит ничего кроме собственной боли, ощущает себя загнанным в угол.

А демон, которого загнали в угол, это страшно.

— Этот голод едой не унять, сладенькая, — с угрозой протянул он. — А ты стоишь тут — такая аппетитная и излучаешь жалость, словно дразнишься. Тебе ведь не убудет, если я захочу вспомнить прошлое и немного пошалить?

Тася сжала кулаки, загоня испуг в глубину души. Раум болен, ему плохо, ему нужна помощь. И она сможет ему помочь, если не позволит страху взять вверх.

— Ты этого не сделаешь, — спокойно сказала она.

Его глаз дернулся.

— Да ну? Ты так уверена? — он прижался теснее, заставив ее поморщиться от запаха алкоголя и несвежего тела. Замер, вглядываясь в ее лицо, а потом скривился и обмяк. — Ты права, не сделаю. Потому что это дерьмо. Все дерьмо...

Он махнул рукой и шаркая как старик вернулся в кресло.

— Раум!

— Уходи.

— Раум, ты ведь ее любишь!

Он пожал плечами.

— Люблю? Да, наверное, это так называется. Я когда-то думал, что люблю тебя, но когда ты ушла, мне было в сто раз легче. Меня тошнит от всего: девки, еда, развлечения, бизнес. Только выпивка помогает, но не надолго...

— И я уверена, что Дженнифер тоже любит тебя.

— Именно, — в его голосе зазвучала совершенно звериная дикая тоска. — Ты не представляешь как это — когда тебя любят. Чувствовать это, впитывать. Пить ее любовь, как божественный нектар...

Он потянулся к бутылке, опрокинул ее и потряс. Одинокая капля сорвалась и упала на язык. Демон отставил пустую посудину и поднял на Тасю измученный взгляд.

— Я жалок, да? Ты поэтому стоишь тут и источаешь эту приторную дрянь?

Тася покачала головой.

— Я не жалею тебя. Это называется «сочувствие». И Раум, я действительно хочу помочь. Послушай, если тебе так плохо без Дженнифер, может ты попробуешь вернуть ее? Уверена, что бы ты ни сделал, она тебя простит и вернется.

— Простит? — он коротко хохотнул. — А кто тебе сказал, что это она меня бросила?

— Но... — Тася еще раз медленно смерила его взглядом снизу вверх: спутанные волосы, изможденное лицо, заляпанная пятнами от выпивки рубашка, которую не меняли минимум несколько дней. Перевела взгляд на пустые бутылки вокруг кресла.

Дженнифер тоже не показалась ей счастливой, но она хотя бы не напоминала несвежее умертвие.

— Я сам ее выгнал, — безжизненно отозвался демон.

— Зачем? — опешила девушка.

— Спас... от себя. Решил, хоть раз в жизни поступить не как эгоист.

Раум снова поднялся, доковылял до бара, открыл его.

— Ага! Я же помнил, что это еще не все!

На свет появилась початая наполовину бутылка вермута. Демон содрал крышку, отхлебнул и поморщился.

— Не люблю вермут.

— Погоди, — Тася помотала головой. — Не пей! Надо во всем разобраться. Дженнифер ведь оборотень.

— Ага, — он икнул. — Наполовину. А на вторую половину — человек. У нее эта... эрозия ментальной защиты. Поэтому демоны могут питаться от нее, как от людей.

— Что за бред?

— Ничего не бред, — он вернулся в кресло, поставил бутылку на стол и вперился в нее взглядом полным тоски. — Лучше бы я вообще не мог ее чувствовать. Тогда я бы женился на Джен. Поджирал бы с человек помаленьку, как раньше, — Раум невесело рассмеялся. — А она бы лупила меня по голове за каждую «измену», не слушая оправданий. Дженни-огонек, — последние слова он протянул с такой удивительной совсем несвойственной ему нежностью, что Тасе снова захотелось ущипнуть себя.

Это действительно Раум ди Форкалонен? Тот самый циничный и саркастичный Раум ди Форкалонен, который всегда словно бравировал своим потребительским отношением к

женщинам?

— Раум, — она подошла ближе. — Это бред, потому что полукровок не существует.

Глава 33

Слова Таисии прозвучали полной бессмыслицей. Раум поморщился.

— Глупая шутка.

— Это не шутка. Это даже не новость, исследования в области межрасовой репродукции доказали это почти десять лет назад. Энергетический комплекс наследуется полностью или не наследуется вовсе. Все слухи о полукровках и их слабости связаны с тем, что в межрасовых браках, как правило, рождается ребенок с более слабым энергетическим комплексом.

Сухие научные термины превращались в бессмысленный набор звуков. Отуманенное выпивкой и недосыпом сознание отказывалось понимать их.

— Что ты несешь?

— Правду, — сердито сказала Тася. — Я младший лаборант в исследовательской группе профессора Ишуро, пишу диплом по этой теме и планирую заниматься межрасовой репродукцией после окончания академии. Поверь, я достаточно хорошо разбираюсь в предмете.

— Но мне два врача говорили...

— Они были специалистами в области метисации?

— Нет, — озадаченно откликнулся Раум.

Он, признаться, и не подозревал, что такая область существует.

— Тогда они могли не знать. Не все следят за новейшими открытиями. Но если хочешь, я могу показать тебе выжимки из исследований, статьи в рецензируемых журналах. Полукровок не существует, и это доказанный факт. Мы веками живем бок о бок, рожаем общих детей, но не смешиваемся. Нельзя быть немножко оборотнем, это все равно, что быть немножко беременной. Так что происхождение Дженнифер здесь точно ни при чем.

В душе вяло трепыхнулась и тут же сдохла надежда.

— Все равно, — безнадежно откликнулся Раум, прикрывая глаза. Ему было плохо. Так изумительно, невероятно плохо, как никогда в жизни. Во рту стоял мерзейший привкус, голова трещала — даже железное здоровье демона не могло устоять перед ударной дозой алкоголя на протяжении двух недель. А ослабленная лечением демоническая сущность металась в клетке души, жаждая вырваться на волю. Присутствие Таисии с ее вкусными эмоциями растравливало сосущее ощущение голода, подталкивало сделать глупость или подлость.

Раум потянулся к бутылке скривился и отставил. Пить не хотелось. Ничего не хотелось, разве что сдохнуть.

Кажется, он переоценил свои силы. Жизнь без Джен не имела смысла.

— Полукровка или нет — какая разница? Все равно у нее эта... эрозия, — тяжело продолжил он. — И демоны могут питаться от Дженни-конфетки... Помнишь, как на приеме все вокруг нее увивались?

— На приеме? — растерянно переспросила Тася и от нее отчего-то потянуло чувством вины. — Но они увивались совсем не поэтому!

— Что? — эти слова вырвали из тяжелой апатии. Раум открыл глаза и уставился на жену кузена. — А почему?

— Было пари, — да, ему не показалось, она действительно покраснела. — Среди гостей, на поцелуй Дженнифер.

Как ни плохо работали отуманенные алкоголем мозги, верные выводы из ее недоговорок Раум сделал сразу.

— Армеллин... Значит, кузен решил пошутить со мной?

— Он не хотел! — вскинулась Тася. — Мэл не думал, что начнется такое! И что кто-то из

участников решит сыграть не по правилам.

— Ах, он бедный невинный ягненок! — язвительно пробормотал Раум. Но злиться на кузена не получалось. То, что сказала Таисия, было слишком важным. — Ты уверена, что другие демоны не могут питаться от Дженни? — напряженно спросил он.

На лице девушки на мгновение отобразилось сомнение.

— Думаю, если бы Мэл чувствовал ее эмоции, он бы мне сказал.

— Значит, не уверена.

— Я могу спросить, — она полезла в сумочки и извлекла постограф.

— Спрашивай!

Пока она писала вопрос, демон вызвал служанку и велел подать огромную кружку крепкого кофе. Поморщился, но извлек и активировал заготовку протрезвляющих чар.

Голову сдавил раскаленный обруч, в кровь словно плеснули кипятку, и Раум непременно бы заорал, если бы от боли не перехватило дыхание.

Зато мгновением спустя остатки алкогольного дурмана покинули сознание. Демон с отвращением оглядел свою одежду, принюхался к стоявшей в гостиной вони, решительно распахнул окно и высунулся, глотая морозный воздух.

Тася подняла голову от постографа.

— Мэл говорит, что никогда не чувствовал Дженнифер. Он удивляется, что такое вообще возможно, она же оборотень.

— Та-а-ак, — тяжело произнес демон. — Ясно...

Ни хрена ему было неясно. Несмотря на хрустальную четкость в голове после применения отрезвляющих чар, Раум чувствовал себя в замешательстве.

— Ничего не понимаю, — растерянно пробормотала Таисия. — Если ее барьер на месте, то как... Раум, ты уверен, что чувствовал ее?

— Нет, я все это придумал, — оскорбленно фыркнул демон. — Разумеется, чувствовал!

Для него Дженни-конфетка никогда не была запертым бронированным сейфом. Она польхала с первой встречи, расцвечивая его жизнь невозможно яркими и вкусными эмоциями, пройти мимо которых не было ни единого шанса.

Верней... не с первой встречи. При первой встрече она показалась ему обычной человечкой. В меру вкусно, но ничего особенного.

Когда все изменилось? Когда она разделась по его приказу? Когда он впервые прикоснулся к ее обнаженному телу? Когда увидел ее лежащей на столе?

«После того, как я попробовал ее кровь» — внезапно осознал демон.

Да, именно тогда все ощущения словно утроились. И желание обладать этой девушкой затмило, вытеснило все другие желания и чувства.

— Странно, — Тася нахмурилась. — Тут какой-то феномен...

— Угу. И мы сейчас займемся его изучением. Дай мне десять минут.

— Что?

— Десять минут, — терпеливо повторил демон. — Мне надо привести себя в порядок, а потом мы поедем к Дженни. Если мои эксперты лгали в одном, то могли солгать и в другом, не так ли?

Огненную магию, которая шла последней парой в расписании, отменили, а злость, вспыхнувшая в душе после встречи с Таисией, требовала выхода. Поэтому Дженни решила не ждать Кари и пройтись к домику миссис Дэвидсон в одиночестве.

Прогулка успокоила. Удалось даже отчасти по-другому взглянуть на ситуацию.

Что бы ни связывало Таисию и Раума, для Дженни теперь это неважно. Ее задача — защитить малыша. И воспитать его достойным оборотнем.

Его или ее, хотя Дженни почему-то казалось, что это будет мальчик. Беловолосый с темными бровями и очень похожий на своего отца.

Погрузившись в мысли о будущем материнстве, она не сразу обратила внимание на то, что за ней уже довольно продолжительное время идет мужчина. Наверное, могла бы и не заметить до самого дома, если бы не решила срезать дорогу через складской район. Прямой как стрела проход, бетонные стены слева и справа и ни единой живой души в окрестностях.

Ни единой кроме незнакомца в черном плаще, который шел за ней от самого кампуса.

Дженни стало страшно. Некстати вспомнилась жуткий схрон в лесу — неведомого маньяка так и не нашли.

А она сейчас почти беззащитна — оборотни в тягости теряли способность перекидываться. И ей надо думать не только о себе, но и о малыше!

Девушка замедлила темп, поминутно оглядываясь. Незнакомец тоже сбавил шаги, и это усилило сосущее неприятное предчувствие под ложечкой. Дженни зашагала быстрее, но мужчина за спиной не приближался и не отставал.

Паника захлестнула разум. Дженни сорвалась и побежала. Оглядываться уже не было времени, но обострившийся волчий слух ловил звук шагов — преследователь тоже перешел на бег.

Зажатая между складскими зданиями дорога свернула. Дженни свернула вместе с ней и тут же подпрыгнула и ухватилась за край пожарной лестницы, начинавшейся чуть выше человеческого роста. Ржавые металлические прутья заскрипели, но выдержали. Девушка подтянулась и полезла вверх, стараясь перебирать ногами как можно быстрее.

Успела!

Едва Дженни добралась до крыши и перевалилась через бортик, как из-за поворота показался преследователь. Он остановился и заозирался, словно кого-то выискивал, и Дженни с холодком в душе осознала, что чутье ее не подвело. Этот мужчина в черном плаще охотился именно за ней.

Девушка отшатнулась от края крыши и крадучись добралась до люка, ведущего внутрь здания. Он был заперт, но давно проржавевшие петли не смогли устоять перед силой оборотня. Металл жалобно хрустнул и поддался.

Дженни взглянула на ступеньки, уводящие в темное нутро склада, и задвинула крышку на место. Не до конца. Так, чтобы взломанный люк был заметен даже при беглом осмотре. Затем разбежалась и перепрыгнула на соседнюю крышу.

Так же бегом она добралась до пожарной лестницы. И только перемахнув через край крыши почувствовала себя в относительной безопасности.

Спустившись, она настороженно огляделась, но чужака нигде не было видно. Девушка облегченно выдохнула и бегом направилась к ближайшей улице.

Уже когда показалась проезжая часть — безлюдная, в окружении все тех же унылых складов и непонятных серых строений — Дженни затрясло от запоздалого ужаса. Нет, надо уезжать и чем скорее, тем лучше! Город не место для ребенка.

А для начала надо выбраться из этой проклятой промзоны.

Но как? Короткая дорога лежала через склады, но Дженни туда больше не сунется даже под страхом смерти. А длинная — вдоль пустого шоссе — казалась небезопасной

Девушка потянулась к сумке, чтобы вызвать такси. Хорошо еще, если оно приедет сразу. Куда хуже будет, если преследователю надоест искать Дженни внутри темного склада.

Достать постогограф она так и не успела. Из-за поворота показался автомобиль — старенький темно-серый «Циклоп» без знака таксомоторной компании на крыше. Ни на что особо не

надеясь, Дженни подняла руку. Вдруг повезет?

Машина притормозила.

— Дженнифер! — из окна выглянул доктор Мактулл. — Вас подвезти?

— Да, если вас не затруднит, — с облегчением выдохнула девушка, еле удерживаясь, чтобы не броситься этому замечательному оборотню на шею. — Я заблудилась, а здесь такой жуткий район.

— Нисколько, — заверил доктор, открывая дверь.

Когда Дженни садилась в машину, ей на мгновение почудилась короткая гнилостно-зеленая вспышка. А сразу затем навалилась невероятная усталость. Голова стала тяжелой, словно чугунной. Веки совсем неподъемными. Она попыталась ущипнуть себя за руку, чтобы прогнать сон, но пальцы соскользнули с кожи.

Машина взревела движителем и сорвалась с места.

— Что... происходит? Что со мной? — выговорила девушка заплетающимся языком.

— Вы просто устали, Дженнифер. Вам надо поспать. Я ведь предупреждал о пользе сна.

— Нельзя...

— Можно, — в улыбке доктора на этот раз ей почудилось что-то зловещее. — Спи, Дженнифер, спи. У нас впереди долгая дорога.

Глава 34

Вязкий туман медленно рассеивался. Дженни попробовала пошевелиться и застонала.

— Тише, тише, моя дорогая, — успокаивающе заворковал мужской голос над головой. — Знаю, ощущения не из приятных. Зато эти чары совершенно безопасны для здоровья матери и плода.

Здоровья? Почему он упомянул о здоровье? Она в клинике? Что-то с ребенком?!

Последняя мысль отозвалась такой паникой, что Дженни распахнула глаза и попробовала сесть.

Попытка отозвалась новым всплеском боли в висках и ничего не принесла. Не из-за слабости. Просто Дженни была привязана к больничной койке на колесах.

— Ну-с, — доброжелательно улыбнулся доктор Мактулл, — как мы себя чувствуем?

И сразу вслед за этим вопросом вспомнилось все. Преследователь в черном плаще, погоня по пустынной промзоне, машина, так кстати затормозившая, чтобы подобрать ее.

— Что... — девушка закашлялась. В горле словно песка насыпали, голос звучал хрипло, слова царапали гортань. Доктор понимающе покивал и поднес к ее губам кружку с водой.

— Это тоже последствия чар. Пройдет, — успокоил он.

— Что случилось? — спросила Дженни, глядя ему прямо в глаза. — Где я? Почему я... — она дернулась, испытывая силу пут, но те держали крепко.

— Привязана? — доброжелательно подсказал доктор. — Это потому что я вас похитил, дорогая.

— Похитили... — она подозревала что-то подобное, но до последнего не хотела верить. — Зачем? Если вы надеетесь на выкуп от Раума, то он не станет платить. Мы расстались.

Мактулл откинул голову и искренне расхохотался.

— Ах, Дженнифер, вы сама непосредственность и наивность! А кроме того, — тут его глаза хищно сверкнули. — Вы — невероятно ценный научный материал, который я не уступлю ни за какие деньги. Ладно, — он бросил взгляд на часы и нахмурился. — Нет времени на разговоры, час уже довольно поздний. Сейчас проведем первую серию тестов, а потом я отведу вас в вашу комнату.

И не обращая больше внимания на град вопросов, которыми засыпала его девушка, ухватился за ручки койки в изголовье и покатил койку по коридору.

— Что значит «мы ее упустили»?! — свистящим шепотом переспросил Раум, нависая над начальником охраны.

Стороннему наблюдателю это могло показаться комичным: в ширине плеч, росте и размерах мускулатуры демон здорово уступал чистокровному троллю. Отощавший после двухнедельного запоя, с ввалившимися щеками и черными синяками вокруг глаз Раум совсем не выглядел грозно.

Но начальнику охраны было отнюдь не смешно. Он шумно сглотнул, еле сдерживаясь, чтобы не отодвинуться от разъяренного босса.

— В последние дни маршруты девушки стали предсказуемыми, и я поставил пасти ее Джерри. Парень стажер, пусть набирается опыта.

— Так, — обманчиво ласковым голосом протянул демон. — И где твой стажер потерял ее?

Капля пота поползла по лбу, неприятно щекоча кожу, но утирать ее под взглядом злым начальственным взглядом тролль не решился.

— В районе складов. Девушка ушла от него по крыше. Оставила взломанный люк. По инструкции вступать в контакт с объектом строго воспрещалось, поэтому Джерри караулил ее снаружи несколько часов. Когда стемнело, связался со мной. Мы обыскали помещение — девушка туда не спускалась... Ни в общежитии, ни в доме вдовы Дэвидсон она также не появлялась.

Раум сжал зубы.

— А маяк?

— На соседнем складе груз мифрильной руды. Наводки такие, что сигнал от маяка не проходит. Мы предполагаем, что позже девушка обнаружила его и уничтожила.

— Мда... — Раум откинулся на спинку кресла, меряя тролля оценивающим взглядом. — Второй прокол за месяц, Смити. И не с профессионалом, с девчонкой, которую никогда не учили уходить от слезки. Я начинаю думать, что ты зря получаешь свои деньги.

Троль посерел.

— Идиота стажера уволить. Тебе я дам шанс. Найди Дженни, и я сделаю вид, что забыл об этом инциденте.

— Может ее подруги знают, где она? — подала голос Таисия, до этого молча наблюдавшая эту сцену.

— А с подругами я поговорю сам.

— Ну вот и все. А вы боялись, моя дорогая, — Мактулл деактивировал контур и склонился над тетрадь, занося полученные данные.

Дженни ответила ему злым взглядом и снова дернулась. Без особой надежды на освобождение — она уже успела убедиться, что проклятые пути ей не по силам. Скорее просто показывая, что не сдалась и сдаваться не собирается.

— Не тратьте зря силы, — посоветовал со смешком доктор. — Эти ремни используются в психиатрических лечебницах, чтобы удерживать буйных оборотней.

Он подошел к висевшей на стене таблице, сверился с цифрами в крайней колонке и стал таким неприлично довольным, что Дженни захотелось пнуть его.

— Прекрасно, просто превосходно. Я знал, что вы приведете меня к успеху, юная леди.

— Что вы со мной делали? Зачем все это?! — снова, уже в десятый, наверное, раз спросила девушка.

Когда она задавала эти вопросы полчаса назад, Мактулл пообещал вставить ей кляп, если она не заткнется. А когда Дженни не вняла предупреждению, действительно засунул в рот какую-то тряпку.

Однако сейчас доктор, похоже, был настроен поболтать.

— Всего лишь предварительное обследование, моя дорогая. Я же должен убедиться, что нет никаких патологий и плод развивается правильно.

Как ни хотелось осыпать его оскорблениями, Дженни сдержала порыв. Надо пользоваться ситуацией, пока похититель настроен поговорить. Возможно, он сболтнет что-то, что позволит ей освободиться.

— И для этого вы меня похитили?

— О не-е-ет, — протянул он, вычерчивая рядом с таблицей график. — Совсем не для этого, моя дорогая. — Вы — мой счастливый шанс закончить работу длиною в пятнадцать лет, прославиться и навсегда войти в анналы истории магии.

— Что? — ей показалось, что доктор бредит. И под здоровой злостью в душе впервые шевельнулся страх.

— Ах, Дженнифер, — он на мгновение отложил карандаш и повернулся к девушке, одарив ее своей фирменной доброжелательной улыбкой. — Пусть вас не обманывает относительно скромный статус семейного целителя. Уже пятнадцать лет я работаю над универсальными чарами, которые помогут женщинам рожать самое сильное и здоровое потомство из всех возможных. Так, как бывает в истинных парах, но для всех, независимо от расы и воли Луны, — в добродушных карих глазах загорелся фанатичный огонек. — Пятнадцать лет проб, ошибок, поисков. Четырнадцать неудачных экспериментов. Я знал, что мне нужно: развитие плода, зачатого в истинном браке, но не мне вам объяснять, как трясутся наши сородичи над

своими парами. Надежды не было, я уже смирился с тем, что мой путь — путь впотьмах, среди сотен неудачных попыток и только надеялся, что успею пройти его раньше, чем окончится мой земной путь, чтобы все жертвы оказались не напрасны. И тут, как дар свыше — вы, моя дорогая Дженнифер! Вы, с вашим избранником и полным невежеством во всем, что касается истинной пары! Я понял, что буду полным болваном, если упущу этот шанс. И да, моя дорогая. Простите, что забыл предупредить, но ваша брачная ночь дала свои плоды. Что? Это уже не новость для вас? — он укоризненно покачал головой. — Ну, хорошо хоть счастливый отец не в курсе, иначе у меня вряд ли получилось бы так легко пригласить вас к себе.

— Вы... — несмотря на то что он говорил с ней вежливо и даже подчеркнуто мило, Дженни стало страшно. Даже не страшно — жутко. Она вдруг узнала этот голос и это место. Увиденный когда-то давно под воздействием страшной находки сон встал вдруг в памяти ярко, во всех деталях.

Пальцы заледенели и волчица непроизвольно задрожала.

— Те девушки в лесу... это вы их убили?

— Увы, — Мактулл развел руками. — Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Мне нужен был материал для экспериментов — вы же понимаете, что с помощью одной теории такие задачи не решаются. И я не мог допустить, чтобы информация о моей работе стала известна раньше, чем я добьюсь успеха, — маньяк вздохнул. — Теперь полиция настороже и мне будет сложнее утилизировать отходы. Хотя... — на этих словах он снова повеселел. — Возможно, с вами я, наконец, достигну успеха и утилизация больше не потребуется.

Доктор поставил последнюю галочку в графике и ухватился за каталку.

— Довольно, у нас еще будет время наговориться. Время уже позднее, пойдете, Дженнифер, я покажу вам вашу комнату.

Расспросы Валенты ничего не дали — последнюю неделю сильфа практически не появлялась на территории кампуса. С подругой она собиралась встретиться завтра, чтобы пригласить ее свидетельницей на тихую свадьбу.

— Пожалуйста, не мучай Дженни, — попросила она с детской наивностью. — Она тебя очень любит.

Раум скрипнул зубами.

— Знаю.

Но проклятая сильфа не умолкала, продолжая щедро посыпать его раны солью.

— Ты бы видел ее на прошлой неделе. Не надо с ней играть. Дженни не такая сильная, какой пытается казаться.

— Это не твое дело, — грубо ответил демон.

— Нет, мое! Дженни моя подруга, и если ты будешь обижать ее...

— То что ты сделаешь? Топнешь на меня ножкой? — не ощущая Раум этой тоскливой тревоги, его бы здорово повеселили угрозы пигалицы. Он улыбнулся своей самой неприятной улыбкой и смерил сильфу взглядом, словно прикидывая какой кусочек от нее отрезать.

Обычно этого хватало, чтобы самые отчаянные смельчаки вспомнили о неотложных делах и ретировались. Валента побледнела, но не тронулась с места.

Тася мягко положила руку ему на плечо.

— Раум, не надо. У нас нет на это времени.

— Верно, — ему стало противно от самого себя. Нашел кого запугивать. Но ярость помноженная на страх кипела внутри, норовя выплеснуться наружу. — Извини. Я и не собирался обижать Джен. Но... нам надо поговорить. Это очень важно.

Выворачивать душу перед какой-то сильфой, будь она даже трижды подружка Дженни он не собирался.

Девушка кивнула.

— Надо. Надеюсь, ты найдешь ее. Я очень хотела, чтобы у вас все было хорошо.

Вот теперь стало по-настоящему стыдно. Демон отвел взгляд и буркнул: «Спасибо».

Ох уж эти девочки-одуванчики. Раум никогда толком не понимал, как с ними держаться.

— Если Дженни появится, я передам, что ты ее искал, — с улыбкой добавила сильфа.

Глава 35

Комната, в которую Мактулл ее откатил, размерами и отсутствием окон здорово походила на кладовку. Скучная обстановка — кровать и тумбочка отчего-то напомнили Дженни ее недолгое пребывание в тюрьме. В дальнем углу виднелась еще одна дверь.

Перед тем как снять ремни, доктор показал ей темно-красный камушек.

— Видите, Дженнифер? Он заряжен самыми современными анестезирующими чары. Совершенно безопасны для беременных. Вы уже имели счастье познакомиться с их действием. Один недостаток — потом сильная слабость и головная боль. Надеюсь, что вы разумная девушка и не желаете снова испытать этот неприятный побочный эффект.

Дженни ответила ему угрюмым взглядом и кивнула.

— Вот и умничка, — просюсюкал Мактулл ослабляя ремни. — Обустройтесь поудобнее — ночная рубашка под подушкой. Завтра принесу вам какое-нибудь развлечение. Например, вязание. Вы любите вязать, Дженнифер?

Девушка промолчала. Страх сменился усталостью. Тяжело пульсировало в висках, от любезных манер доктора тошнило сильнее, чем от запаха кленового сиропа. Она переползла на кровать и села, сжимая голову в ладонях.

— Что, болит? Это нормально, последствия анестезии. Ужин будет через пять минут. Мой вам совет: покушайте и ложитесь спать. Помните, что я говорил, Дженнифер? Вам нужно хорошо спать и правильно питаться. И никаких лишних нагрузок! Я составил для вас диету, в соответствии с новейшими рекомендациями специалистов...

— Да уйдите вы уже! — взорвалась Дженни.

Маньяк сочувственно причмокнул губами.

— Понимаю, вам сейчас нелегко. На всякий случай должен предупредить: не рекомендую прибегать к магии. По периметру комнаты установлен блокирующий контур, как в тюрьмах. Ну да уверен, что вы разумная девушка. Все, Дженнифер. Отдыхайте.

С этими словами он, наконец, ушел, утянув за собой каталку.

Едва в замке щелкнул ключ, как Дженни вскочила и заметалась по комнате, не обращая внимание на головную боль.

Страх и злость разрывали ее изнутри, подталкивали действовать — сейчас, немедленно. Найти оружие, лазейку, вырваться, пока сумасшедший доктор не расчленил ее и ее малыша во славу своего открытия.

За дверцей в углу обнаружился крохотный санузел. Самый простой душ с дыркой в полу для стока, раковина, унитаз. И ничего, что можно было бы использовать, как оружие.

Ладно, оружие все равно не поможет, если проклятый маньяк активирует анестезию. Куда важнее вырваться отсюда.

Дженни вернулась в комнату и уткнулась носом в дверь. Она ползала по ней, изучая буквально каждый миллиметр в поисках зацепки, но на первый взгляд та казалась неприступной — толстое дерево, оббитое листовым железом, врезной замок. В нижней части имелся подъемный лючок для передачи еды, как в тюрьме.

Осмотр пришлось прервать — шаги с той стороны возвестили о возвращении доктора. Лючок пополз вверх, и в комнату въехал поднос.

— Когда покушаете, просто оставьте поднос с посудой с другой стороны двери, — подсказал Мактулл. — Приятного аппетита и спокойной ночи.

— Чтоб ты сдох, — пожелала в сердцах ему девушка.

Она прильнула ухом к двери, пытаясь по звукам получить хоть какое-то представление о планировке дома. Шаги удалились, потом зазвучали выше, словно Мактулл поднимался по лестнице. Снова лязгнул замок. Подвал? Доктор держит подопытных в подвале?

Похоже на правду. Не зря ни в одном из помещений Дженни не видела окон.

Она перевела взгляд на поднос, подняла его и поставила на тумбочку. От запаха еды слегка замутило, но девушка начала есть, преодолевая дурноту. Ей нужны силы, чтобы вырваться отсюда.

Надо отдать доктору должное: кормил он своих пленников куда лучше, чем в государственной тюрьме. Рассыпчатый ароматный рис, тушеная говядина в густой подливе, салат, компот.

Ножа, разумеется, не было, а выполненная из мягкого металла вилка гнулась при любом серьезном нажиме, но Дженни все равно вымыла и припрятала ее. Пригодится.

Она бы и тарелку разбила, чтобы получить симпатичные осколки, которыми так хорошо резать. Да вот незадача — дерево не бьется.

Подкрепившись, девушка подтащила тумбочку к двери и возобновила исследование.

Есть! Дженни даже подпрыгнула, еле удержавшись от ликующего крика.

Очевидно, Мактулл обивал дверь железом самостоятельно и не принял в расчет, что крепление не было рассчитано на подобную нагрузку. Под весом металла дверь чуть перекосило и теперь край створки отходил от стены. Немного — от силы на четверть дюйма. Но если вставить в эту щель рычаг...

— Я выберусь отсюда, Мактулл, — сквозь зубы пообещала Дженни. — Выберусь и отправлю тебя на виселицу!

В поселении Маккуинов за прошедшие несколько недель ничего не изменилось. Только ватаги любопытных волчат, сбежавшихся на шум автомобиля, в этот раз не было. Чарли приехал с утра, когда в школе еще шли уроки.

Он замешкался на крыльце, а потом набрался смелости и постучал. Открывшая дверь Эрна Маккуин смерила его недовольным взглядом.

— Ты...

— Я, — выдавил Чарли. — Простите.

Он неловко сунул ей подарки — букет и коробку дорогих конфет. Женщина недовольно фыркнула и уперла руки в бока, отказываясь брать подношение.

— Зачем явился, Маккензи?

— Я люблю вашу дочь, госпожа Маккуин.

— Да ну? — едко протянула она. — И поэтому ты назвал Кари инвалидом и жаловался своей подружке, что тебя силой вынуждают жениться на ней?!

— Я был неправ... — тихо сказал оборотень. — Простите.

Говорить эти слова было невероятно тяжело. Но когда Чарли произнес их, он вдруг почувствовал облегчение.

Потому что это правда.

Женщина недоверчиво улыбнулась, но холодка в ее взгляде поубавилось.

— Так зачем ты приехал? Кари здесь нет.

— Я знаю. Я хотел поговорить с вашим мужем. Можно? — он снова попытался вручить дары, и на этот раз женщина кивнула на тумбочку в углу.

— Поставь туда. Заберешь на обратной дороге.

— Это вам, — с тоской сказал Чарли, уже понимая, что она откажет. Мать Кари, как и сама его строптивая невеста ничего не хотела брать у него.

— Вижу, — кивнула волчица. — Посмотрим до чего ты с Дойлом договоришься. Иди, — и поманила его за собой вглубь дома.

У двери в комнату Дойла Чарли снова замялся, не решаясь задать вопрос. Когда он гостил в поселении в качестве жениха Кари, то не знал, как отделаться от навязчивой заботы ее матери. Тогда Эрна Маккуин показалась ему милой, доброй, но недалекой и слишком опекающей. Но после той безобразной сцены ее словно подменили. Сейчас эта маленькая суровая женщина внушала робость.

— Извините... Можно спросить?

— Попробуй, — усмехнулась она.

— Вы с вашим мужем... вы ведь пара?

Она кивнула и по округлому лицу скользнула тень улыбки.

— И как это?

— Семья — это всегда труд, мальчик, — с легкой насмешкой в голосе ответила Эрна. — Луна может привести тебя к твоей нареченной, но она не сделает все за тебя. Чтобы быть счастливым в браке, надо ценить своего супруга, детей. И уметь не только брать, но и отдавать. — показывая, что разговор окончен, она приоткрыла дверь и заглянула в комнату. — Милый, тут к тебе пришли.

Если Дойл Маккуин и удивился, увидев Чарли, то никак не показал этого.

— А, Маккензи! Явился!

— Здравствуйте, — Чарли вспомнил чем закончился их прошлый разговор и покраснел. Ему было нестерпимо стыдно. — Вот, — он положил перед главой Маккуинов подарок — нож с рукоятью из кости дракона. Доставшееся от прадеда оружие было самой дорогой вещью из тех, что принадлежали лично Чарли, а не являлись собственностью семьи или клана.

Дойл медленно вынул клинок из ножен и восхищенно поцокал языком, отдавая дань совершенной работе мастера.

— Фамильный?

— Мой. Я имею право дарить его.

Глава клана Маккуинов покивал, с видимым сожалением убрал обратно в ножны и протянул Чарли.

— Хорош, но не возьму.

Чарли стиснул зубы. Ему захотелось взвыть.

Неужели он теми неосторожными словами навсегда уронил себя в глазах всего клана Кари? Неужели каждый в этом поселке считает его таким ничтожеством, у которого зазорно взять что угодно?

— Пожалуйста... — он осекся.

Умолять, чтобы дар приняли? Это обесценивает, уничтожает сам смысл подарка.

— Не возьму, но я готов тебя выслушать. Говори. Только сядь сперва, не маячь тут, как проситель в приемной у мэра.

Чарли послушно опустился на диван.

— Я люблю вашу дочь и прошу у вас ее руки, — безнадежно произнес оборотень, ожидая, что его вышвырнут вон из этого дома.

Дойл Маккуин усмехнулся и подкрутил ус.

— Что, накрыло, парень? — совсем другим тоном спросил он.

— Я... мы встретились в академии. И я понял...

— Так оно всегда и бывает, — вожак сочувственно покивал. — А Кари что?

— Она меня избегает. Даже выслушать не хочет. Несмотря на то что мы обручились...

— Даже обручились, — восхитился мужчина. — Экий ты шустрый.

— Я ее поцеловал, — признался Чарли. — А она меня укусила.

Дойл расхохотался и одобрительно шлепнул себя по колену.

— Ай, молодец девчонка. Вся в мать!

— Я не знаю, что мне делать.

— И поэтому решил действовать через нас? — вожак понимающе покивал. — Зря. Лучше бы с невестой поговорил.

— Она не слушает! Только повторяет все время, чтобы я ушел и оставил ее в покое. А я...

Он замолчал, не зная как рассказать этому насмешливому чужаку о бессонных ночах, проведенных под ее окнами. О еде, потерявшей вкус, о жизни, утратившей смысл. О том, как ищет в каждой встречной женщине знакомые черты, что готов на все. Даже на похищение.

Давно украл бы строптивую невесту и сделал своей, но так нельзя. Неправильно, не по законам волков.

И вряд ли Кари простит подобное.

— Я не понимаю... Она же моя пара, должна чувствовать то же самое. Почему она меня отталкивает?

— Ты сильно обидел ее, парень, — в голосе Дойла смешивалось сочувствие и легкая насмешка. — А Кари всегда была девочкой с характером. Если что-то вобьет себе в голову, заставлять бесполезно. Все равно сделает по-своему.

Видя поддержку главы клана, Чарли обнадежился.

— Вы дадите согласие на брак?

Вожак покачал головой.

— Против воли Кари? Нет. Но если она захочет назвать тебя своим мужем, я возражать не буду.

Внутри что-то оборвалось, на душе стало пусто и тоскливо.

— Ясно, — выдавил оборотень. — Спасибо, что выслушали.

Он вскочил и почти бегом направился к двери. Остаться в этом доме было невыносимо.

— Погоди, — окликнул его Дойл.

Передумал? Чарли обернулся и с надеждой уставился на мужчину.

— Ты забыл свой нож.

Пришлось возвращаться и забирать отвергнутый дар.

— Если хочешь, я могу дать тебе совет, — продолжал вожак Маккуинов, рассматривая Чарли с задумчивым видом.

— Дайте, — безнадежно согласился оборотень.

— Поговори с ней, но не дави. Кари — гордая и сильная девочка, настоящая волчица. Она не потерпит принуждения.

— Как поговорить, если она даже подойти к себе не дает?

— Найди способ, — Дойл снова усмехнулся. — А ты думал Луна тебе все блюдецке преподнесет? Нет, Маккензи. Пару тоже нужно завоевать. Я дрался за Эрну с ее первым мужем, — имя жены он произнес с удивительной нежностью. — И после победы, она еще полгода не подпускала меня к себе, а я ухаживал, ждал и не думал жаловаться. И ни разу за все двадцать пять лет, что мы вместе, не пожалел об этом. Она стояла, чтобы драться за нее хоть против всего клана и ждать хоть десять лет.

Чарли вздохнул. Несмотря на романтичность рассказанной истории, перспектива годами тенью ходить за Кари без надежды на ее снисхождение, пугала.

— Так что дерзай, — Дойл хлопнул его по плечу. — Если завоюешь ее уважение, Кари сможет стать для тебя самой верной подругой и лучшей женой. А если нет, то даже освященный Луной брак ничего не изменит.

Глава 36

Полночи Дженни ломала кровать.

Управилась бы раньше, если бы не страх привлечь Мактулла лишними звуками. Поэтому приходилось действовать осторожно, не применяя полную силу оборотня.

Для рычага требовалось что-то длинное, тонкое и прочное, и толстый металлический прут между двумя ножками как нельзя лучше отвечал поставленной задаче. Одна незадача — кровать была не собрана, а сварена, причем сварена на совесть. Не будь Дженни оборотнем, она вряд ли сумела бы с ней справиться.

— Привык обижать незащищенных человечек, — зло пыхтела она, расшатывая прут.

С трудом отошедшая от анестезии волчица порывивала в унисон, обещая непременно покусать предателя-врача при встрече.

— Плохая идея, — отвечала ей Дженни. — Не бери в рот всякую гадость, еще отравишься.

Наконец, после нескольких часов методичной монотонной работы кровать сдалась, и в руках у Дженни оказался внушительный стальной прут. Она птицей взлетела на тумбочку и приставила его к щели, уже предвкушая мысленно свободу.

Но на этом удача закончилась. Сколько Дженни ни старалась, она так и не смогла просунуть свое орудие в зазор между дверью и стеной. Сечение прута оказалось слишком широким.

— Сожри меня дракон, — ругнулась девушка, чувствуя, как кипучая энергия уступает место усталости.

Этот день был слишком тяжелым и длинным, надо поспать хоть немного. Чтобы завтра с новыми силами заняться побегом.

Приняв решение, она оттащила тумбочку на место, спрятала прут под матрасом и рухнула на кровать.

Слепая волчица встретила расспросы скептической ухмылкой.

— Думаю, что Дженни будет лучше без тебя, ди Форкалонен, — прямо заявила она. — От тебя одни неприятности.

— Никого не интересует, что ты думаешь! — прорычал в ответ Раум, почти радуясь открытому вызову, как поводу сбросить накопившуюся ярость. — Хочешь проблем, Маккуин?

Без толку. С таким же эффектом он мог бы запугивать фонарный столб. На лице девушки не отразилось даже тени сомнений или страха.

— На подчиненных своих ори, — она демонстративно потерла ухо. — И вообще: отправляйся козырять темпераментом куда-нибудь в другое место, горячий рогатый парень.

От такого неприкрытого наглого хамства Раум сперва опешил. А потом нехорошо сощурился и мысленно порадовался, что отослал Таисию перед началом этого разговора. Добренькая анхелос только помешала бы.

— Ты считаешь, что я могу только воздух сотрясать, девочка? — вкрадчиво спросил он.

Кари пожала плечами.

— Я независима от тебя финансово и не совершала преступлений. Тебе нечем на меня надавать. Вызывать тебя на дуэль я тоже не собираюсь. А если и вызову — для тебя она обернется позором в любом случае. Немного чести для демона победить слепую волчицу. Остаются откровенно криминальные варианты, но я не думаю, что ты на них пойдешь. Так что да: все, что ты можешь, это сотрясать воздух.

Раум восхитился этой незамутненной беззастенчивой наглостью. Даже жалко стало развенчивать ее иллюзии.

Он откинулся в кресле, закинул ногу на ногу и неприятно улыбнулся.

— Ты не совершала преступлений и не зависишь от меня, верно. А можешь то же самое

сказать о своих родных?

Кари вздрогнула. Еле уловимая тень пробежала по ее лицу, но девушка сразу взяла в себя в руки.

— Блефуешь, у тебя ничего нет!

— Проверим? — он оскалился и открыл папку, полученную чуть раньше от начальника службы безопасности. — Брайан Маккуин. Пьяный погром после университетского матча по регби в начале года. Условный срок. Было?

Девушка угрюмо промолчала.

— Месяц назад поножовщина в Арлеме. Трое пострадавших с травмами различной степени тяжести. Виновника так и не нашли, но, думаю, если показать спектрографию, его опознают.

Кари побледнела.

— Шакалы напали первыми... Я была с ним!

— Это неважно, — оборвал ее демон. — Они шакалы, причем двое — несовершеннолетние, а он волк. При этом на момент преступления на нем уже висел условный срок за дебош пьяных фанатов. Догадываешься, чем это грозит твоему братцу? — он дополнил свою речь выразительным жестом и тут же с досадой напомнил себе, что девушка не видит.

Неудобно как. Техника запугивания, на которой Раум выстраивал подобные переговоры, опиралась на взгляды, мимику и жесты. Все то, до чего слепой волчице нет никакого дела.

Впрочем, собранной информации должно было хватить и так. Девушка в кресле напротив теперь выглядела не столько самоуверенной, сколько растерянной.

— Или вот, — Раум перелистнул еще страницу. — Патрисия Дэвидсон, человек, пятьдесят пять лет. Чтобы обеспечить сына стартовым капиталом для начала бизнеса взяла кредит, под залог дома. Догадайся, кто выкупил поручительство... — он сделал паузу.

— При чем тут миссис Дэвидсон?! — не выдержала Кари.

— При том что твой ближний круг не ограничивается родными в Маррейстоуне. Есть еще малахольный аспирант и другие люди, которые тебе дороги, — голос Раума звучал бесстрастно и жестко. — И ты все еще веришь, что у меня нет никаких рычагов давления, детка? Подумай еще раз. И расскажи мне, где сейчас Джен.

Слепая волчица поникла.

— Зачем она тебе? — выдавила она. — Ты ведь ее бросил.

— Если спрашиваю, значит, надо, — отрезал Раум. — Ну! Где Джен?!

Кари покачала головой.

— Я не знаю. Мы расстались в академии, ей надо было на лекцию. Договорились встретиться вечером, но Дженни так и не пришла... Брайан писал ей по моей просьбе, но ее постограф выключен. Я собиралась зайти к ней сегодня в общежитие...

— Думаешь, я постесняюсь пустить в ход все, что нашел на твоих близких?

Она скривилась.

— Уверена, что не постесняешься. Ты даже хуже, чем я представляла. Неудивительно, что Дженни сбежала, лишь бы быть подальше от тебя.

— Она не сбежала, — сквозь зубы процедил Раум, сам удивляясь, что пускается в разъяснения перед этой стервой. — Она пропала. И я чувствую... то есть думаю, что Джен в беде.

Слепая волчица резко переменилась в лице.

— Думаешь или чувствуешь? — напряженно спросила она.

— Чувствую, — после неловкой заминки признался демон.

Болезненное ощущение тревоги накрыло его еще по дороге в академию, до известия о пропаже девушки, и усиливалось с каждым часом. Он провел бессонную ночь, изучая все доступные материалы по жизни Дженнифер и поминутно проверяя нет ли новых сообщений.

Их не было. Девушка не объявлялась ни в общежитии, ни в домике миссис Дэвидсон. Она не брала билет на поезд, не появлялась в Синих горах у матери. Она... как будто растворилась в воздухе в районе складов, где ее упустил этот идиот Джерри.

Раум скрипнул зубами и пообещал себе, что напишет лопухому стажеру в увольнительной такую характеристику, что его не возьмут даже в уборщики.

Все это он в нескольких скупых фразах изложил Кари Маккуин. Нет, не потому, что хотелось с кем-то поделиться. Демон привык решать свои проблемы самостоятельно, и не нуждался в утешениях от наглой девицы. Но чутье подсказывало, что добровольно Кари расскажет куда больше, чем под давлением. Слепая волчица оказалась крепким орешком.

К неприятному удивлению демона, подружку Дженни куда больше заинтересовали его страхи, чем факты.

— Говоришь, сильное предчувствие? Такое, что места не находишь от тревоги?

— Угу.

— Плохо. Очень плохо.

— Почему?

На лице собеседница отразилась короткая борьба, а потом Кари встряхнула головой.

— Дженни проклянет меня за то, что я тебе сказала, но речь идет о ее безопасности, и я не могу молчать. Ты должен знать.

— Знать что? — напряженно переспросил Раум, едва сдерживаясь, чтобы не заорать на нее: «Говори быстрее!»

— Что ты ее пара.

Глава 37

Утро, которое начинается с голоса доктора-маньяка — скверное утро. Особенно если вчера ты полночи не спала, работая над планом побега.

— Просыпайтесь, Дженнифер. Я принес вам завтрак.

Дженни зевнула и подошла к двери. Уж что-что, а устраивать голодовку она точно не собиралась. Вчерашний поднос с грязной посудой уже был убран и на его месте стоял новый — с яичницей и гренками.

Но едва Дженни потянулась к нему, как замок щелкнул, и дверь приоткрылась.

— Скверная девчонка, — сказал Мактулл, строго глядя на свою пленницу. — Немедленно верни вилку.

Мысленно Дженни отвесила себе оплеуху. Надо было догадаться, что доктор следит за количеством приборов.

И раз уж у нее вчера появился реальный шанс сбежать, глупо привлекать внимание маньяка. Пусть лучше думает, что она смирилась, отчаялась.

— Простите, — она заискивающе улыбнулась. — Забыла. Вот.

Бесполезная вилка из мягкого металла перекочевала к доктору.

— У вас час, чтобы привести себя в порядок. Я сегодня выходной, так что сможем весь день посвятить работе, — маньяк покрутил в руках вилку и смерил Дженни настороженным взглядом. — И я разочарован, Дженнифер. Надеюсь, этого больше не повторится.

— Не надейся. Ты еще не так будешь разочарован, — буркнула себе под нос девушка, когда за тюремщиком закрылась дверь.

Завтрак она съела даже с аппетитом. Потом сделала легкую разминку, умылась, приняла контрастный душ и до прихода доктора успела еще раз осмотреть металлический прут. Выводы получались неутешительными — чтобы привести рычаг в годную для задачи кондицию требовалось что-то тяжелое и прочное. Например, хорошо подошел бы молоток. Или кусок гранита.

Ничего подобного в ее каморке, разумеется, не водилось.

Может, попросить маньяка принести ей молоток? Он же предлагал вязание. А Дженни, скажем, предпочитает столярное ремесло. Или скульптуру.

Девушка горько усмехнулась, представляя какое лицо сделается у Мактулла, если она озвучит ему эту просьбу.

Часов в камере не было, но по ее ощущениям прошло не меньше половины дня прежде чем доктор вернулся.

— Руки, Дженнифер, — велел он, поигрывая жесткими наручниками.

Девушка сделала жалобное лицо.

— Доктор, неужели вы так и собираетесь держать меня связанной?

— Придется, — доброжелательно, но жестко сказал Мактулл. — По крайней мере, первое время. Это в первую очередь для вашей же безопасности, чтобы у вас не было соблазна наделать глупостей.

«Я — запуганная и растерянная жертва, которая даже не думает о побеге», — сказала себе девушка, покорно протягивая руки перед собой.

— Нет, — покачал головой доктор. — Так мне будет неудобно. Для начала разденьтесь.

— Что?!

— Разденьтесь, — терпеливо повторил доктор. — Ах, только не надо делать такое лицо! Вы же раздевались на моем приеме! Поверьте, ваши прелести меня не интересуют. Я, раз уж зашел

об этом разговор, предпочитаю мужчин.

О! Это многое объясняло.

Например, проживание в городе на другом конце страны от своего клана. Или немислимое для большинства оборотней отношение к беременным женщинам, как к расходному материалу.

Раздеваться под требовательным взглядом маньяка было не просто неприятно, унижительно. Дженни стиснула зубы и снова напомнила себе, что ее задача выжить и сберечь ребенка.

Ради этого можно и потерпеть.

Без одежды она ощутила себя уязвимой. Кроме того, в помещении было не слишком-то тепло. Девушка съежилась и охватила руками плечи, пытаясь унять дрожь.

— Руки! — скомандовал Мактулл.

Вытянутые спереди ладони его не устроили.

— Нет, за спину.

Пришлось отказаться от мечты оглушить проклятого маньяка.

Шагнув в полутемный коридор, Дженни еще острее почувствовала свою незащищенность. Обнаженная, со скованными за спиной руками, неспособная обернуться в волка, она была сейчас слабее обычной человеческой женщины. Сознание на мгновение захлестнула паника, ощущение своей ничтожности перед тюремщиком, сомнения и страх.

Но сразу же в ответ в душе шевельнулась волчица. Коротко тьякнула — не бойся, не плачь, я с тобой. Девушка несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, отгоняя отчаяние.

Кажется, теперь она понимала, почему никто из прочих жертв злобного вивисектора не пытался сбежать. А ведь они были простыми человеческими женщинами против мужчины-оборотня. У них не было волчицы, способной подбодрить в самый безнадежный момент.

— Ну, Дженнифер? — Мактулл легонько подтолкнул ее в спину. — Что вы встали? Идите, нам направо.

На этот раз Дженни не чувствовала такой слабости после анестезии, и внимательно примечала все детали.

Как она и предполагала, в дальнем углу коридора находилась ведущая вверх лестница. По левую руку от камеры Дженни располагалось что-то вроде подсобки, в которой она вчера пришла в себя, а по правую — обшитая металлом дверь с опущенным засовом. Из-за двери Дженни слышалось пение.

— Кто там? — спросила она у Мактулла.

— Моя гостя.

— Такая же, как я?

— А вы догадливы, Дженнифер.

Лаборатория располагалась в дальнем относительно выхода конце. Дженни встала посреди комнаты, пожирая взглядом многочисленные приборы, рунические цепочки, непонятные диаграммы.

Кое-что из этого оборудования было ей знакомо по обследованиям в клинике. Вон там в углу, например, сканер, позволяющий делать снимки ауры. А эта сложная конструкция с множеством колбочек служит для анализа состава крови. А на столе обычные фунтовые весы. Вон и набор гирек в футляре...

Гирьки! Несмотря на прохладный воздух лаборатории, Дженни стало жарко.

— Сегодня мы пройдем полное обследование, — объявил Мактулл, потирая руки. — Вчера я снял только предварительные данные, но для правильного наблюдения за процессом этого недостаточно.

Он коснулся рукой платформы, оживляя контур. Пентакль вспыхнул синим и негромко загудел.

— Встаньте в центр, Дженнифер.

— Это точно не повредит...

— Точно, — перебил ее доктор. — Ну! Не тяните время, у нас еще куча всего запланировано.

— Я хочу быть уверена, — четко выговорила Дженни, глядя ему в глаза.

Пусть это поведение не слишком вязалось с ролью запуганной жертвы, слепо подчиняться приказам, когда ценой может стать жизнь или здоровье ее ребенка, она не собиралась.

Мактулл закатил глаза.

— Дженнифер, это же просто биометрический сканер! Немного устаревшая модель, у меня, знаете ли, нет такого финансирования, как в клинике! Поймите, мне сейчас важно знать, как протекает нормальная беременность при вашем типе зачатия, какие процессы происходят в организме матери. Вы — мой образец и эталон, воздействовать на вас для меня абсолютно невыгодно. Ну? Или вы встаете, или мне придется прибегнуть к принуждению!

Эта короткая раздраженная речь убедила. Девушка шагнула на платформу и снова украдкой покосилась в сторону футляра с гирьками.

Не смотреть! Не смотреть слишком пристально в эту сторону! Иначе можно себя выдать.

— А детей вы тоже убиваете? — спросила она больше для того, чтобы отвлечь маньяка.

Мактулл возмущенно фыркнул.

— За кого вы меня принимаете? Разумеется, нет. Подбрасываю в приют.

— А... это ваши дети?

В последнем после откровения Мактулла о любви к мужчинам, Дженни сильно сомневалась.

— Некоторые мои. Я использую различный наследственный материал, в клинике где я работаю можно раздобыть семенную жидкость представителя любой расы. Догадываюсь каким будет ваш следующий вопрос. Нет, я не оплодотворял самок естественным образом. Грязная и неприятная процедура, искусственная инсеминация подходит для этой цели куда лучше.

— И вам совсем их не жалко. Тех, кого вы насильственно заставили рожать, а потом убили.

Он укоризненно покачал головой.

— У вас сложилось неверное представление обо мне, Дженнифер. Я не садист, и не получаю никакого удовольствия от чужих страданий. Я даже назвал бы себя чересчур жалостливым для той великой миссии, которой посвятил свою жизнь. Например, ваша соседка. По результатам анализов — почти гарантированная неудача. Как бы поступил более целеустремленный и хладнокровный ученый на моем месте? Уничтожил бесперспективный образец и начал все заново, с учетом полученных от вас данных. Но я принял решение дождаться родов и только потом браться за новый эксперимент.

— Да, вы прямо образчик милосердия, — не удержалась девушка от язвительной ремарки.

— Великие открытия требуют великих жертв.

Дженни подавленно замолчала.

Осмотр затянулся. Мактулл взвешивал и обмерял ее. Подносил различные приборы, записывая показания стрелок в толстую тетрадь. Его прикосновения были неприятно бесцеремонными. Нет, они не несли в себе вожделения, но словно унижали, низводя девушку до куска мяса на столе повара. Сообщали, что ее тело принадлежит этому психопату, который может делать с ним все, что пожелает.

А психопат желал играть в доктора.

И Дженни была готова поклясться, что Мактулл прекрасно сознавал, какой эффект вызывают

его действия. И даже специально добивался этого ощущения, наслаждаясь своей властью над пленницей.

Доктор расцепил скованные за спиной запястья, скрепив их на животе, и кивнул на гинекологическое кресло в углу.

— Залезайте.

Дженни представила, как руки в медицинских перчатках будут шарить по ее телу, вторгаться внутрь, и ее затошнило.

— Я не хочу.

— Меня не интересует, чего вы хотите. Ну, давайте, дорогая. С медициной не спорят.

Пришлось подчиниться. Содрогаясь от омерзения, Дженни залезла в кресло, закрыла глаза и постаралась максимально отдалиться от своего тела. Доктор вымыл руки и смазал их, в воздухе резко запахло антисептиком.

Ощувив прикосновений холодной медицинской стали, волчица внутри зарычала — зло и беспомощно.

«Я тоже мечтаю его порвать» — утешила ее Дженни.

Мактулл, словно чувствуя ее отвращение, намеренно затягивал осмотр. Дженни лежала, уставившись в потолок, и представляла, как уничтожает здесь все. Кувалдой разносит сложные дорогие приборы, сваливает в кучу и сжигает бумаги со всеми наработками доктора-садюги.

Чутье подсказывало, что это заденет маньяка куда сильнее любого избиения.

Наконец, доктор отошел и стянул перчатки.

— Слезайте. Здесь все хорошо, перейдем к анализам. Руки!

Снова вывернутые за спину руки неприятно занули в плечах.

И опять бесконечные медицинские процедуры. Некоторые показались Дженни откровенно излишними. Но если ее предположение верно, и маньяк получал удовольствие от самого процесса, то ничего удивительного.

Под конец девушка так устала, что просто тупо выполняла команды. Кисти за спиной болели все сильнее, хотелось есть — судя по часам на стене время давно перевалило за полдень. И даже нагота перестала смущать, воспринималась как что-то естественное.

— Пожалуйста, — наконец, не вытерпела она. — Я уже рук не чувствую!

— Сейчас, Дженнифер. Я только перепишу эти данные и отпущу вас, — пообещал доктор, снова склоняясь над тетрадью.

«Сейчас! Или будет поздно!» — толкнула изнутри мысль похожая на вспышку.

— Угу, — Дженни зевнула и оперлась на стол, нащупывая вывернутыми за спину руками замочек футляра.

Всего-то делов — нажать кнопку и поднять крышку. Но сделать это вслепую, со связанными за спиной руками оказалось не сложно, а невероятно сложно. То онемевшие в наручниках пальцы промахивались мимо кнопки, то руки соскальзывали по полированную дереву. А Мактулл уже переносил последние цифры, сверяя каждую по несколько раз, и это означало, что время почти вышло...

Девушка вывернула руки еще сильнее назад и закусил губу, давя стон боли. Есть! Замочек тихонько щелкнул, пальцы скользнули по прохладному металлу, выбирая гирьку поувесистее. Дженни потянула добычу на себя, молясь, чтобы маньяк не поднял голову и не застиг ее на месте преступления.

То ли звезды так сошлись, то ли Луна сжалилась над своей беспутной дочерью, но доктор захлопнул тетрадь как раз в тот момент, когда Дженни с тихим щелчком опустила крышку пряча увесистый кусочек металла в ладони.

К выходу она направилась без напоминаний, почти бегом. И, влетев в камеру, тут же плюхнулась на постель.

— Руки так и оставить? — добродушно подколол ее доктор.

— Нет! Простите!

Она снова вскочила и повернулась спиной, чтобы он мог снять наручники. Щелкнул замок и онемевшие кисти словно опустили в кипяток. Доктор сочувственно поцокал языком, глядя на ссадины вокруг запястий.

— Ладно, в следующий раз обойдемся без таких драконовых мер, — объявил он. — До первой глупости, Дженнифер.

— Спасибо! — выдохнула девушка, даже не скрывая блаженной улыбки.

Мактулл даже не догадывался, что причина этой улыбки спрятана на кровати под подушкой.

Глава 38

— Мы, волки, чувствуем, когда с нашей парой беда. Не знаю работает ли это в обратную сторону, если партнер не волк, но брак, благословленный Луной — это не просто красивые слова.

Раум, уже слышавший эту речь раньше, сердито побарабанил пальцами по столу, намекая слепой волчице, чтобы поторопилась.

— Души в священном браке связаны. Если волк находится в смертельной опасности, он может мысленно позвать свою пару на помощь.

А вот это уже что-то новенькое.

— И тот почувствует, несмотря на любое расстояние. И придет.

— И как он узнает, куда надо идти? — спросила Таисия.

— Зов приведет.

— И почему тогда я его не чувствую? — резко спросил демон.

Волчица пожала плечами.

— Возможны три варианта. Потому что ты не волк и не умеешь слышать зов. Или Дженни на самом деле не в опасности. Или она не верит тебе...

— Что?!

— Зов — это как крик «Помоги!». Если она не верит, что ты станешь ее спасать, зачем ей тебя звать? — жестко сказала Кари. — А ты пока что показывал, что на тебя нельзя положиться.

Раум стиснул кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Стерва! Не упускает возможности ударить по больному.

Слепая волчица не простила ему попытку шантажа и угрозы ее близким. «Я помогаю тебе только ради Дженни, она моя подруга, — сказала Кари, пока они ждали анхелос. — В любой ситуации я буду на ее стороне».

— Проехали, — прорычал он. — Что скажешь, специалист по полукровкам? Дженни — моя пара и даже жена, как тут некстати выяснилось. Это может быть причиной, почему я способен от нее питаться?

Тася растерянно нахмурила брови.

— Я не знаю, Раум. Я никогда не занималась оборотнями. Но по логике — да. Это кажется самым разумным объяснением почему из всех демонов только ты способен от нее питаться.

— И я ее этим убиваю? — уточнил он.

— Наверяд ли, — вмешалась Кари. — Я не видела в ее ауре следов истощения.

— Та-а-ак, — протянул Раум, сжимая кулаки. — Тогда у меня будут очень, очень большие вопросы к Макмиллану и Мактуллу.

— Макмиллану? — приподняла бровь Кари.

— При чем тут профессор Макмиллан? — подхватила за ней не менее удивленная Тася.

— Та-а-ак, — повторил он. — И откуда вы знаете этого расиста?

— Расист? — изумилась Тася.

— Да я его не знаю особо, — отмахнулась Кари. — Просто живет по соседству. А он расист?

— Катар. Идеологический, как сам утверждает. Я консультировался с ним по поводу Дженни, показывал карту...

— Но зачем? — недоуменно спросила Тася. — Он же специалист по анхелос.

— Да потому что я думал, что Джен — анхелос! — зло рявкнул Раум. — Оплатил его консультацию. А он задвинул мне шляпу про эрозию ментальной защиты.

— Надо же какой ты... легковверный, — последнее слово Кари произнесла так, будто собиралась вставить вместо него куда более сильный эпитет, но в последний момент передумала.

— Я привык доверять специалистам, — уязвленно откликнулся демон, испытывая большое желание придушить эту заразу. Главным образом, потому что она была права. Он — идиот, который слепо доверился шарлатану от науки. И в результате потерял то, чем дорожил больше всех сокровищ... — Доктор из клиники подтвердил, что у Джен эрозия. Я таскал ее на приемы каждую неделю, и анализы становились все хуже и хуже...

— Чушь, — решительно откликнулась Кари. — Хороший шаман не смог бы не заметить поражения ауры такого уровня. И если я еще недоучка, то тетка Ванда — лучший из ныне живущих шаманов. Она бы предупредила Дженни, будь это для нее опасным!

— Она благословила меня, — неохотно признался Раум.

— Ну вот видишь!

— Итак, мне навешали лапши, — жестко подытожил демон. — Сначала Макмиллан, потом Мактулл сделали все, чтобы я бросил Дженни для ее же пользы.

— Доктор Макмиллан мог просто ошибаться! — вскинулась Тася. — Он же специалист по анхелос.

— Вот побеседую с ним и все выясню.

Демон оскалился, вспоминая тоскливое ощущение вины и безнадежности, отравлявшее эти два месяца счастья. Мучительное решение отказаться от девушки, чтобы спасти ее. И беспросветное отчаяние последних, тонущих в алкогольном угаре недель.

Все это было зря. Кто-то намеренно обманул его. Сманипулировал, сыграл, как на музыкальном инструменте. Сделал то, что сам Раум привык делать с окружающими.

Этот кто-то заплатит.

Расплющенный конец прута вошел в щель между стеной и дверью. Дженни подергала импровизированный рычаг — вроде должен выдержать. Дверные петли жалобно скрипнули.

Она еще раз прислушалась. Из-за стены не доносилось ни звука. Весь подвал был погружен в тишину, как в вату.

Самой лучший момент, чтобы бежать. Мактулл во время вчерашнего осмотра обмолвился, что сегодня у него дежурство в клинике.

Дженни уперлась ногой в стену и откинулась назад, утягивая за собой рычаг. Несколько мгновений дверь еще сопротивлялась, а потом жалобно крикнула, покосилась и рухнула, едва не задев девушку.

Путь к свободе был открыт!

Прут Дженни захватила с собой, как и полуфунтовую гирьку, к которой привязала обрывок простыни, превратив скромное медицинское оборудование в кистень.

Она выглянула в коридор, осмотрелась и шагнула было к лестнице, но остановилась.

Очень хотелось оставить Мактуллу на память подарочек.

Дверь в лабораторию не была заперта. Дженни встала в центре комнаты, оглядывая оборудование — сейчас деактивированное и тихое. Вспомнила давешнее унижение, подумала о десятках девушек, которых псих-доктор истязал здесь ради своей высокой цели. И оскалилась, перехватив прут поудобнее.

Даже начального знания по магтехнологиям хватило, чтобы понять куда лучше бить. Металлический прут поднимался и опускался, круша кристаллы — самую ценную и хрупкую часть приборов. Вспыхивали фейерверками искр магические контуры и гасли — теперь уже навсегда. Дженни бешевала, с восторгом вандала размахивая своим оружием. Осколки колб

хрустели под ногами, в воздухе повисли ленты разноцветного дыма, как мишура на празднике перелома зимы.

Всего через десять минут все было кончено. Ценное оборудование превратилось в гору обломков, восстановить его не смог бы самый искусный маг.

Закончив с крупными приборами, Дженни перешла к стоящим на столе реактивам. К фейерверку добавилось шипение и едкие испарения. Удовлетворив свою жажду разрушений, девушка уже собиралась отвернуться, когда взгляд зацепился за кулон характерной формы — в виде змеи, обвившейся вокруг чаши.

Она протянула руку, нащупывая узел магического плетения. Есть! Вокруг фигурки на мгновение вспыхнули подсвеченные синим энергетические нити. Дженни не хватило бы знаний, чтобы понять механизм действия амулета, но его предназначение она считала без труда. Кулон был защитой от анестезирующих чар, которые применял Мактулл. Подобные амулеты использовали все хирурги и медсестры во время операции.

Дженни надела его на шею. Пригодится.

От мысли на прощание выгрести и спалить содержимое архива, хранившегося в нескороаемом шкафу в углу Дженни отказалась, полистав папки. Имена. Спектрографии. Полный анамнез и каждая фаза эксперимента, зафиксированные убористым почерком Мактулла. Неопровержимые доказательства.

Нет, это она сжигать не будет. Пусть полиция разбирается, что делать со свидетельствами преступления.

По дороге к выходу девушка снова остановилась. На этот раз у камеры второй пленницы, потому что заметила висевший на гвоздике чуть выше уровня ее глаз ключ. Сомнений для какого замка он предназначен, не было.

Возможно, это эгоизм, но изначально Дженни не собиралась никого освобождать. Куда разумнее самой выбраться, чтобы привести полицию в дом чокнутого маньяка.

Но она не знала, что это будет настолько просто. Ключ от чужой свободы висел рядом — руку протяни. И пройти мимо, оставив другую девушку сходить с ума от отчаяния в этом подвале, вдруг показалось невыносимой подлостью.

А что, если Мактулл вернется раньше и, не найдя волчицы на месте, отыграется на незнакомке? Да Дженни в жизни не простит себе, что могла спасти пленницу, но прошла мимо!

Дженни сняла ключ с гвоздика и вставила в скважину.

Сидевшая на кровати девушка вздрогнула и подняла голову от вязания.

Она выглядела старше Дженни на пару лет. Полнотелая, даже не пухленькая — рыхлая. Вытянутое лицо чем-то неуловимо напоминающее овечью морду, светлые волосы, собранные в небрежный хвост. Ткань бесформенного балахона слегка обрисовывала уже весьма заметный животик — пятый-шестой месяц, не меньше.

При виде Дженни, замершей в дверном проеме с металлическим прутом в руках глаза девушки изумленно расширились.

— Ой, — сказала она. Выпустила из рук вязание и скрестила ладони на животе, словно пытаясь защитить нерожденного малыша.

— Привет. Меня тут доктор-маньяк запихал в соседнюю камеру. Однако мне там не понравилось, поэтому я отправляюсь домой. Ты со мной?

— Но... — рот девушки приоткрылся отчего сходство с овцой стало еще сильнее. — А Мастер? Ему это не понравится.

— Ты про Мактулла? — уточнила Дженни и натолкнулась на полнейшее непонимание в бледно-голубых глазах. — Ну, его маньячество, тип, который тебя похитил и заделал ребенка?

Блондинка нерешительно кивнула.

— Наверняка не понравится. Но это не наша проблема, согласись.

Девушка помялась.

— Нельзя злить Мастера, — жалобно протянула она. — Или он накажет. Мастер обещал отпустить меня, когда я, — она непроизвольно погладила живот.

— Ага, — зло сказала Дженни. — Отпустит он тебя. На тот свет, как всех других девчонок. Думаешь, ты у него первая с пузом в подвале сидишь? Ну, пошли, — она влетела в комнату и ухватила блондинку повыше локтя и потянула за собой. Та заверещала, как раненый заяц, и Дженни выпустила ее от неожиданности.

— Ты... ты хочешь остаться? — изумленно спросила она.

Лицо пленницы жалко скривилось.

— Мастер обещал, что отпустит меня, — прохныкала она.

— И ты поверила? О Богиня, как можно быть такой овцой? — она снова попробовала утащить за собой девушку, но та уперлась. — Ах так! Тогда оставайся, но потом не говори, что тебя не предупреждали, — взъярилась Дженни и уже собиралась захлопнуть дверь, когда поймала несчастный взгляд второй пленницы.

В этом взгляде отражались смирение и страх. Смирение перед всем, что уже случилось. Страх перед Мактуллом, будущим и даже перед Дженни — опасной резкой чужачкой, принесшей перемены. К добру ли? К худу?

Дженни вспомнила чувство обреченности и бессилия, испытанное, когда Мактулл заставил ее полностью обнажиться, сковал руки и повел в лабораторию для своих непонятных измерений. А ведь эта девушка здесь в плену много месяцев и все это время маньяк распоряжался ее жизнью и ее телом по своему усмотрению. А она всего лишь обычный человек.

— Извини, — Дженни вздохнула. — Нервы ни к черту. Если ты не хочешь, можешь оставаться. Я все равно первым делом пойду в полицию, так что тебя спасут через пару часов самое большое.

Непонятно почему, но именно эти слова заставили пленницу решиться. Она кивнула и шагнула к выходу, все так же прикрывая руками живот.

— Меня, кстати, Дженни зовут. А тебя.

— Лиза, — и на испуганном овечьем лице впервые расцвела робкая улыбка.

Глава 39

— Повторяю: я понятия не имею о чем вы говорите, — Макмиллан попытался освободить ворот рубашки из пальцев демона, но Раум в ответ сжал их сильнее. Ткань затрещала, а доктор захрипел. — Таисия! — взмолился он, обращаясь к анхелос. — Ну хоть вы скажите вашему свихнувшемуся другу! Я с самого начала предупреждал, что не специалист по оборотням, все мои предположения носили теоретический характер.

— Раум! — анхелос сложила руки на груди и с укором посмотрела на демона. — Нельзя же так! Доктор Макмиллан — специалист с мировым именем!

— Да мне плевать, какие заслуги у этого проклятого расиста! — взорвался он. — Я хочу знать, почему он солгал мне! И почему живет напротив Дженни!

— Вообще-то, — с достоинством отозвался доктор. — Это мой дом, я живу здесь уже более двадцати лет. А ваша подруга начала ходить к моей соседке всего неделю назад. По вашему мнению, я предвидел ее появление за двадцать лет и поэтому купил здесь жилье? И мне крайне неприятно слышать обвинение во лжи. У вас есть какие-нибудь доказательства?

— Раум, отпусти его, — строго сказала Тася.

— Он действительно живет здесь много лет, — подтвердила молчавшая у двери Кари. — Миссис Дэвидсон упоминала, что доктор купил дом в тот же год, что и она.

Ох уж эти добренькие анхелос... И волчица туда же. Чтобы он еще раз взял на допрос с пристрастием женщин! Нахрена он вообще их сюда за собой потащил?

— Ты знаешь Мактулла? — спросил Раум, встряхнув доктора-расиста для улучшения памяти.

— Хм-м-м... Мактуллы? Степной клан, кажется. Не имел счастья быть знакомым ни с кем из него.

Раум выругался, выпустил многострадальный воротник и швырнул оборотня на диван.

— Ладно, — с угрозой пообещал он. — Я сделаю вид, что поверил. Но помни: я знаю где ты живешь. И если окажется, что ты солгал...

— Избавьте меня от этих сцен в духе «разборки крестных отцов», — возмущенно запыхтел Макмиллан. — Еще одна угроза подобного рода, и я не постесняюсь заявить в полицию. Даже на таких как вы есть управа, господин ди Форкалонен!

— Он прав, — с упреком сказала Тася, когда они покинули дом доктора. — Это было грубо, Раум.

— Тебя не спросил, — демон выругался и сплюнул.

— Ну что: теперь к Мактуллу? — уточнила Кари.

— Я иду к Мактуллу. А вы по домам.

— Что?! — хором возмутились обе девушки.

— Мне не нужны душеспасительные речи под руку, когда я обрабатываю клиента.

— Но я ничего не говорила! — попробовала возразить Кари.

— Ты была. Когда запугиваешь, присутствие женщин только мешает.

Чистая правда, между прочим.

— Но так же нельзя...

— Дженни моя подруга!

— Все, девочки, — зло скомандовал Раум. — Цирк окончен, все свободны. Если потребуется ваша помощь, я просигналю.

И больше не слушая возражений и возмущений, плюхнулся за руль и втопил педаль газа. Время! Если поторопиться, можно перехватить доктора в клинике. А если нет... что же — это

хороший повод наведаться к лгунишке в гости.

Дверь, ведущая из подвала, была предсказуемо заперта, однако Дженни справилась с ней, отыскав среди инструментов в подсобке лом покрытый облупившейся красной краской.

— Выглядит так, словно Мактулл спер его с щитка пожарной части, — сообщила она Лизе, взвешивая в руках находку. — Хорошему оружию нужно хорошее имя. нарекаю его Аргументом.

С этими словами она протянула своей спутнице металлический прут. Лиза вздрогнула и отшатнулась.

— Зачем это?

— Защищаться, — терпеливо сказала Дженни, чувствуя, как в душе снова нарастает раздражение против этой овечьей покорности. — Ну, бери же! Лишним не будет.

Выход из подвала располагался в темном чулане. Дженни приоткрыла дверь и прищурилась — за несколько дней заключения глаза отвыкли от дневного света.

— Давай, свобода уже близко, — подбодрила она свою спутницу и шагнула наружу.

Низкое угрожающее рычание раздалось, когда они добрались до гостиной. Звук был негромкий, но до того жуткий, что все волоски на теле мгновенно встали дыбом. Волчица в душе заскулила в страхе, подсказывая, что с этим зверем ей вряд ли справиться.

— Стой! — рявкнула Дженни на Лизу. Отпихнула ее за спину и отступила, выставив перед собой лом. Взгляд метался между шкафами, креслами, полками.

Где он? Откуда ждать нападения?!

Зверь появился внезапно, словно соткался из воздуха. Крупный, просто неприлично огромный — втрое больше любого нормального оборотня. Мощные лапы спружинили о пол. Волк припал к полу оскалился и зарычал.

Дженни еще попятилась, потрясенно разглядывая это чудовище. Богиня, откуда он взялся такой огромный?

Сначала она обмерла от ужаса, подумав, что перед ней сам Мактулл в его зверином облики. Но от волка пахло иначе. Нет, запах Мактулла тоже ощущался. Но так, как ощущается запах близкого родственника, живущего под той же крышей.

— Здравствуй, — пробормотала она, не отводя взгляда от хищника. — Ты оборотень, да? — тут ее осенило. — Ты любовник Мактулла? Знаешь, чем он занимается?

Нет, не любовник. Что-то было не так в его запахе. Неправильно, не так как должно быть у нормального оборотня.

Зверь раздраженно хлестнул хвостом и снова зарычал. На это раз не так громко, но не менее угрожающе. За спиной в панике заголосила Лиза.

— Заткнись! — бросила ей Дженни, продолжая играть в гляделки. Появилось пугающее ощущение, что стоит ненадолго отвлечься, как волк бросится. И сколько девушка ни вглядывалась, она не могла рассмотреть и искры разума в темно-карих вполне человеческих глазах.

И тут Лиза не выдержала. Истошно взвизгнув, она отшвырнула металлический прут и помчалась по коридору.

Зверь мгновенно отреагировал на убегающую добычу. В два прыжка нагнал, опрокинул скулящую от ужаса девушку и прижал к полу. Оскаленная пасть зависла над горлом. Лиза еще раз взвизгнула и потеряла сознание.

Бежать! Сейчас, пока еще не поздно, пока волк полностью увлечен человеческой девушкой!

Дженни нерешительно покосилась на выход за спиной, даже шагнула в сторону двери. Чем она может сейчас помочь Лизе? Нужно бежать, привести помощь...

И тут ее осенило, что же было не так в запахе зверя. Он не пах человеком. Совсем.

Любой нормальный оборотень пахнет собой сразу в двух ипостасях — звериной и человеческой. Исключения возможны только если одна из твоих сущностей недоступна. Как Дженни раньше, до того как проснулась ее волчица, пахла только человеком.

А это значит... это значит...

Мономорф. Оборотень, в котором остался только зверь.

С рождения — иначе он не вырос бы таким огромным. Сильнее, быстрее, умнее и опаснее любого обычного волка. Умеет регенерировать не хуже обычного оборотня. Но при этом — дикий зверь. Неполноценное, но смертельно опасное существо.

Надо бежать, привести помощь. Но... Нельзя бежать. Потому что Лиза — глупая, недалекая, по-овечьи покорная Лиза остается здесь. Во власти хищника.

Что же делать?!

Дженни перехватила лом. Металл скользил в неприятно вспотевших ладонях.

— Эй ты. Отвали-ка от нее, урод!

Он все-таки опоздал!

— Доктор Мактулл ушел пятнадцать минут назад, — прощбетала хорошенькая медсестричка за стойкой регистратуры. Стрельнула глазками и нагнулась, демонстрируя содержимое декольте. — Может, смогу вам чем-нибудь помочь?

Раум с трудом сдержался, чтобы не рывкнуть: «Прикрой буфера» с досады. Рывкнул бы, если бы не одна мысль.

— Можете, — он улыбнулся своей фирменной обаятельной улыбкой. — Мне ОЧЕНЬ нужно его найти. Не подскажите домашний адрес?

— Но по инструкции нам запрещено... — начала было девушка.

— Пожалуйста, — проникновенно продолжил демон, одной рукой поглаживая тонкие пальчики, а второй выкладывая на стойку монеты. — Вопрос жизни и смерти.

Можно было действовать через службу безопасности, но так получилось быстрее.

Адрес оказался в пригороде — не меньше часа езды. На северо-востоке, где болотистая местность плохо походила для одноэтажной застройки. Не трущобы, просто малонаселенный и непопулярный район.

Раум выругался, прикинул, не взять ли с собой охрану и решил, что не стоит. Он до сих пор так и не выяснил, кто именно из секьюрити стучит отцу, поэтому нахрен лишних свидетелей.

Да, он слаб после ФМЛ и двухнедельного голода. Но не настолько же, чтобы не справиться с обычным оборотнем!

Глава 40

Зверь стоял над неподвижным телом и с интересом обнюхивал девушку. Будь Лиза в сознании, она непременно бы заорала или попыталась уползти, но пленница лежала в обмороке — не убегала, не вырывалась и не издавала раздражающих мономорфа звуков, поэтому волк не тронул ее.

Пока не тронул. Кто знает, как поведет себя хищник в следующую минуту?

— Эй ты, — окликнула его Дженни, перехватывая поудобнее лом. — Отвали-ка от нее, урод!

Мономорф повернул к ней морду и ощерил клыки.

— Да-да, ты! — продолжала Дженни. — Давай проваливай!

Было жутко. Просто до трясучки жутко. Внутренности скрутило в морозный ком, все вопило о том, что надо бежать — сейчас, немедленно. И уж точно не злить хищника, принимая огонь на себя.

Но кто еще поможет этой дурехе?

Мономорф припал к полу и прыгнул. Он был быстрым — быстрее любого зверя, пожалуй, даже быстрее обычного оборотня. Дженни еле сумела увернуться в последний момент. И отскочила к коридору, удерживая перед собой лом, как оружие.

Бесполезное оружие — обычным ломом с оборотнем не совладать. Но все же лучше, чем ничего.

Зверь оскалился и ступил вперед, вынуждая девушку попятиться. Почему он медлит? Почему они с Лизой обе до сих пор живы и даже не покалечены? Смешно же думать, что мономорф всерьез испугался лома.

«Он вовсе не собирался нас убивать, — пришло вдруг леденящее кровь понимание. — Наверное, Мактулл натренировал его ловить и удерживать добычу».

Если так, то надо отвлечь хищника. Заманить его, запереть где-нибудь. И бежать!

За спиной, приходя в себя, завозилась и всхлипнула Лиза.

— Что...

— Молчи и не двигайся! — шикнула Дженни, но Лиза, при виде гигантского волка, взвизгнула и снова заголосила

— На помощь! Помогите!

— Заткнись, идиотка! Не зли его!

Глаза зверя сузились, из горла вырвался угрожающий рык, и Дженни обреченно подняла свое оружие, понимая, что в узком коридоре с Лизой за спиной ей не увернуться.

В этот момент со стороны двери, раздался характерный щелчок ключа в замке, а мгновением позже Дженни ослепила гнилостно-зеленая вспышка и взятый в лаборатории медальон нагрелся. Лиза за спиной зевнула, снова опустилась на пол и захрапела.?

И это означало только одно.

— Я очень, очень недоволен, Дженнифер.

При звуках этого голоса раздраженное чудовище превратилось в игривого щенка. Мономорф завилал хвостом и несколько раз тявкнул, призывая хозяина. Вот она — добыча, здесь, никуда не ушла.

— Хороший мальчик, умница.

На огромную голову легла ладонь и гигантский волк высотой по грудь взрослому мужчине просто сошел с ума от радости, повизгивая, ласкаясь и преданно заглядывая в глаза.

— Молодец, малыш, не дал сбежать непослушным девчонкам.

Вопреки ласковому тону, лицо у доктора закаменело от ярости, а в глазах Дженни прочла обещание скорых неприятностей.

— Ты даже представить себе не можешь насколько я недоволен, — сквозь зубы сообщил он девушке. — Маленькая воровка.

Она не сразу поняла о чем он, но секундой спустя вспомнила про медальон.

— Я взяла его ненадолго. Скоро верну.

Время... надо тянуть время.

— Что-то вы сегодня рано. Я ждала вас только к вечеру.

— Почувствовал, что дома неприятности, — он оскалился.

«На двери сигналка», — расшифровала Дженни. И мысленно отвесила себе пинка. Стоило догадаться, что доктор-садист не уйдет так просто, оставив узниц без присмотра.

— Дженнифер, положите лом.

Ага! Пусть ищет другую дуру!

— А что мне за это будет?

— Я не стану наказывать вас за попытку побега.

Ха! Это он еще свою лабораторию не видел. Дженни представила реакцию маньяка, и по коже пробежала дрожь. Зря она выместила злость на ни в чем не повинном оборудовании.

Зато теперь ей точно нечего терять. Остается сопротивляться — отчаянно, до последнего. Нельзя позволить Мактулле снова загнать их в подвал и принять вид обычного благопристойного гражданина.

— Звучит не слишком-то заманчиво.

— Хорошо, чего вы хотите?

— Вы меня отпускаете. А я не иду в полицию, — легко соврала девушка.

Не пойдет, она побежит. Так, что на машине не догонишь.

— Вы действительно считаете меня таким глупцом, Дженнифер?

Мономорф уловил тональность разговора, оскалился на Дженни и зарычал. Доктор успокаивающе обнял его за шею, для чего ему даже не пришлось наклоняться.

— Тише, малыш, тише. Видите, Дженнифер? Не надо злить нас. Против Грея у вас нет шансов, но я боюсь вам повредить. Раны от клыков могут быть очень болезненными, а вам в вашем положении категорически не показан стресс. Просто опустите эту штуку и никто не пострадает.

— А я не против, чтобы кто-нибудь пострадал. Например, вы или ваша милая зверушка. Кстати, кто это? — продолжала она, почти не вдумываясь в смысл слов. Что угодно, лишь бы говорить, тянуть время, заставляя доктора-маньяка откладывать решительные действия. — Ваш партнер по постельным играм? Предпочитаете на четвереньках?

По потемневшему лицу Мактулла она поняла, что перегнула палку.

— Ах ты маленькая дрянь, — выговорил он, глядя ей в глаза. — Да как твой грязный язык повернулся сказать такое про меня и моего сына!

— Вашего... сына? — ошарашенно переспросила девушка.

Да уж... Доктору-извращенцу не повезло. Жуткая судьба — стать родителем такого ребенка.

Правда неясно, как этот волчонок вообще умудрился появиться на свет. На нынешнем уровне развития лекарского искусства врожденную мономорфию второго типа определяли на первом-втором месяце. И мало какая мать решалась оставить ребенка, который всю жизнь будет в лучшем случае домашним питомцем...

Тут ее осенило.

— Это ведь один из ваших экспериментов?

От ярости потемнело в глазах. Дженни представила себе, каково было ей — той безымянной девушке, которую психопат-доктор похитил, запер в подвале и заставил вынашивать чудовище. А после родов убил, чтобы отвезти и спрятать труп в какой-то норе в лесу. «Утилизировать».

— Дженнифер, мое терпение на исходе!

— Ты, больной ублюдок! Я скорее сдохну, чем позволю тебе прикоснуться ко мне или моему малышу!

Мактулл с сожалением развел руками.

— Я хотел по-хорошему, но вы не оставляете мне выбора. Грей, взять!

Удар пришелся вскользь, почти не задержав хищника. Гигантская туша налетела, сбила с ног. Вскинутую в последнее мгновение руку обожгло болью под требовательный крик доктора: «Грей, фу! Сторожить!», и волк разжал окровавленные клыки.

— Я же предупреждал, Дженнифер, — спокойно заметил доктор, доставая наручники. — Это было очень неосмотрительно с вашей стороны, и обещаю, что вы до самого финала нашего знакомства будете ощущать последствия этого поступка.

«Это конец, — поняла девушка, обреченно наблюдая за тем, как Мактулл снимает с ее шеи амулет, как защелкивает на запястьях браслеты. Руку тянуло и дергало, словно в нее вонзили сразу дюжину раскаленных гвоздей, но куда больнее было от осознания своего проигрыша. — Сейчас он упакует нас в подвал и...»

И все.

Он кивнул в сторону чулана.

— Вставайте. Я не буду вас усыплять. В подвал спуститесь сами.

Дженни оскалилась.

— Хренушки!

В ответ Мактулл ткнул ее коротким жезлом чуть ниже ключицы и тело пронзил болезненный импульс. Дженни вскрикнула и выгнулась от боли. Из глаз хлынули слезы. Девушка перекатилась на бок, хватая воздух широко раскрытым ртом.

Богиня, как же больно! А маленький... не навредил ли ему этот удар?

— Я не хотел прибегать к подобным воздействиям, поскольку не знаю, как это скажется на здоровье плода, но вы просто не оставляете мне выбора. Вставайте, Дженнифер. Вам все равно придется подчиниться.

Она встала, ненавидя себя за эту уступчивость, и еле перебирая ногами спустилась по знакомой лестнице. Мактулл шел следом, неся вторую пленницу на руках. При виде вывернутой двери, маньяк недовольно пожевал губу.

— Пока я не почию дверь, вы разделите комнату с Лизой, — принял он решение.

Спящую он бережно уложил на кровать, а Дженни просто втолкнул в камеру. И запер дверь.

Глава 41

— Эй, Мактулл! Открывай или я сам войду, и тебе это не понравится.

Свои слова Раум подтвердил пинком ноги. Дверь жалобно крякнула, протестуя против подобного обращения. Она была добротной, непохожей на хлипкие недоразумения, которые ставят обычные горожане на свои одноэтажные домики в пригороде. Такую дверь выбирает тот, кто действительно хочет превратить свое жилище в крепость.

И сам дом — на отшибе, поодаль от остальных строений поселка, походил на небольшую крепость. Мрачный, серый, с узкими окнами, забранными решетками. Будь Раум на месте шефа полиции, он бы непременно наведался с обыском к типу, который живет в таком доме.

С той стороны двери не доносилось никаких звуков.

— Открывай! Я знаю, что ты дома, твоя машина припаркована у входа! — Раум еще раз пнул дверь, и она треснула. На этот раз реакция все же последовала. Изнутри дома раздалось глухое и жутковатое рычание.

— Не зли меня, Мактулл. Волчий облик не поможет. За тобой должок и я собираюсь стребовать его с процентами.

Следующий удар просто заставил разлететься дверь в щепки. Демон шагнул в комнату, выискивая доктора взглядом.

Он был расслаблен, не ожидая серьезного сопротивления от какого-то оборотня. И тут же поплатился за свою самонадеянность.

Зверь атаковал беззвучно, снизу вверх целя в горло, и Раум еле успел вскинуть руку. Истинная суть, ослабленная лечением и долгим голодом, не сумела вовремя среагировать. Клыки сомкнулись, разрывая мясо и сухожилия, дробя кости. Демон зашипел от боли и упал на колени.

Ответный удар сломал волку предплечье, но не заставил разжать челюсти. Тварь глухо рычала, мотала головой и стискивала зубы все сильнее.

Они покатались по полу, натываясь на мебель. Боль туманила разум, мешала думать, действовать. Преодолевая ее Раум выпустил когти и ударил еще раз. И еще. Зверь захрипел, забился в агонии, щедро заливая окружающее пространство и самого демона кровью, но клыки так и не разжал.

Он так и подох, стискивая челюсти в мертвой хватке. Глаза, полные бездумной ярости потухли. Демон заковыристо выругался, и спихнул с себя тушу. Шипя и матерясь, сломал волку челюсть, чтобы освободить пострадавшую руку. Когда он, наконец, сумел выдрать клыки из своего тела в глазах на мгновение потемнело от боли. А к волчьей крови, щедро залившей одежду, прибавилась и его собственная — раны не спешили зарастать.

— Скотина ты, Мактулл, — сообщил Раум волку. — И подох, как скотина.

— Не стоит хоронить меня раньше времени.

Демон вскинулся, но было уже слишком поздно. По периметру комнаты вспыхнул контур чар, и все пространство погрузилось в стазис.

Ноги враз ослабели. Кипучая злая энергия, толкавшая Дженни сражаться, идти вперед, сопротивляться чужой воле, испарилась. Вытекла, как вода из дырявой фляги. Девушка опустилась на пол, ощущая бессилие, переходящее в отчаяние.

Все! Она проиграла. Второй попытки маньяк не даст. И страшно подумать каким адом станут для нее оставшиеся восемь с половиной месяцев в плену у чокнутого психопата.

Она откинулась на стену и зажмурилась. По щекам сами собой потекли слезы. Вера в то, что все получится — сбежать, вырваться, призвать убийцу к ответу за все его злодеяния, таяла быстрее, чем роса под лучами солнца. Навалившийся груз внезапно стал неодолимым, неподъемным, просто невозможным.словно из души вынули стержень, не дававший согнуться все эти дни. И даже волчица замолчала.

Балансируя на границе пропасти полной беспросветного отчаяния, Дженни судорожно искала

хоть что-то, во что можно вцепиться. Вспоминала друзей, родных, свои мечты и цели, Раума...

Раум! Именно он всегда приходил к ней на помощь в самых тяжелых и беспросветных ситуациях. Правда, это было раньше. До того как демон получил то, чего хотел.

«Он тебя бросил. Ему плевать и на тебя, и на вашего малыша. Мерзавец, такой же, как и твой папаша», — шепнул тоненький голосок в душе. От этой мысли захотелось разрыдаться.

«Нет! — робко возразила волчица. — Он мой. Наш! Наша пара! Зови его!»

«Зачем?» — вяло спросила Дженни у нее.

«Зови! Он придет!»

Дженни не поверила ей. И все же позвала. Вопреки логике, обиде и гадкому голоску крикнула мысленно, умоляя прийти и спасти. Если не ради нее самой, то ради их общего ребенка.

«Услышь меня! Помоги! Пожалуйста...»

— Вы выбрали неудачное время для визита, господин ди Форкалонен, — меланхолично заметил доктор, осматривая разгромленную гостиную.

Раум скрипнул зубами, но промолчал. Главным образом, потому что не мог ответить. Попался, как мальчишка! Решил, что док живет один, не проверил информацию, не взял с собой секьюрити. Снова недооценил противника.

И проиграл.

Или еще нет?

Он снова дернулся в невидимых путах, чувствуя, как напрягаются нити чар.

Ловушки с заклинаниями стазиса — штука редкая и недешевая. А ловушки способные сдерживать демона требуют куда больше энергии на этапе создания, поэтому стоят втридорога. Сам Раум мог позволить себе самое лучшее, а вот Мактулл сэкономил. Взял, что попроще. Достаточно воззвать к истинному облику, и замыкающий контур чар не выдержит.

Вот только... Врач в той провинциальной клинике категорически запретил ему полное обращение в боевую трансформу на ближайшие несколько месяцев. Под угрозой энергетического истощения и утраты истинного облика.

Взгляд Мактулла остановился на мертвой туше волка, и на лице отразилось искреннее огорчение.

— Грей...

Он подошел к изуродованному телу, погладил зверя по голове и закрыл ему глаза.

— Спи малыш, — он повернулся к Рауму, разглядывая того со странным выражением лица. — Ваш визит очень дорого мне обошелся, господин ди Форкалонен.

Демон ответил полным ярости взглядом. Ему очень хотелось материться. А еще больше, поднять за шкуру этого блохастого ублюдка и встряхнуть, как нашкодившего щенка.

Для демона, привыкшего распоряжаться и властвовать, контролировать и подавлять пребывание в беспомощном состоянии казалось нестерпимо унижительным. И едва ли Мактулл не понимал, какое оскорбление он наносит своими действиями.

— Что же мне с вами делать? — все так же задумчиво продолжал доктор.

Раум сказал бы, если б мог. За себя он не боялся. Демону не так-то просто навредить, кроме того, Таисия знала куда он направился. Убивать его Мактулл не осмелится. Максимум — вызовет полицию и сообщит о взломе. Возможно, потребует судебного предписания, запрещающего приближаться к нему.

— Как бы ни хотел я похоронить убийцу Грея рядом с ним, придется вызвать полицию, — эхом на его мысли отозвался доктор.

Дерьмовый вариант! Если случится суд, у доктора все шансы выиграть. А если судья расщедрится на предписание, Раум больше не сможет прижать этого скользкого гада к

стенке. Магия не позволит даже близко подойти.

Хотя многое зависит от того, кого назначат судьей. С некоторыми мировыми судьями, например, Раум состоит в одном клубе. И даже играет в бильярд по субботам.

Но время! Время будет потеряно. А внутренний сигнал тревоги уже не просто тревожно попискивает, он орет, требуя что-то предпринять. Сейчас, немедленно!

Дженни... Где ты?! Может ли этот ублюдочный доктор обладать нужной информацией?

Если бы только Раум был в форме, он бы вытряс из Мактулла все, что тот знает. Демон снова дернулся, пытаясь вернуть контроль над собственным телом, но тщетно. Даже дешевые чары успешно сдерживали человеческий облик.

И в это мгновение Раум услышал зов.

«Помоги мне! Спаси! Пожалуйста!» — беззвучный крик, плач, мольба о помощи.

Дженни... Она была где-то рядом. И она звала его.

Все мысли, сложные схемы, расчеты — все это вылетело из головы. Стало неважным. И даже ужас перед утратой истинного облика отступил.

Потому что Дженни была рядом и нуждалась в нем.

Раум воззвал к своему демону, облакаясь в тело из чешуи, когтей и мускулов, как в броню. Треснула одежда, под натиском мышц, распахнулись крылья. Раздраженный удар хвоста отшвырнул оборотня, ломая ему ребра, и вдребезги разбил вазу в углу.

Демон потянулся, разрывая паутину чар, прислушался к одному ему слышимому зову и двинулся вглубь дома.

Глава 42

От первого удара дверь покосилась, а от второго вылетела, впечатавшись в противоположную стену. За развороченным дверным проемом согнувшись в низком подвальном коридоре стоял покрытый серебристой чешуей демон.

— Раум... — прошептала Дженни, не веря своим глазам. — Это ты?

Он действительно пришел? Услышал ее, нашел, стоило только позвать? Или это всего лишь сон?

— Я, детка, — прохрипел демон и повалился вперед.

Усыхало тело, исчезала чешуя, растворились крылья и хвост. Всего мгновение и на полу вместо грозной машины смерти лежал измученный молодой мужчина. Дженни вскрикнула и бросилась к нему.

— Раум! Что с тобой.

— Истощение... Мать моя, как же больно.

В глаза бросились чудовищные следы от клыков на правой руке, но то, что сейчас происходило с Раумом не было связано с этими жуткими ранами. Дженни замерла в ужасе, не зная, что делать и страшаясь к нему прикоснуться, чтобы не навредить еще сильнее.

Скрюченные пальцы царапнули воздух.

— Руку! Джен, пожалуйста...

Дженни ойкнула и рухнула на колени, обхватив его руку двумя ладонями. Раум перестал корчиться и замер, тяжело дыша. Крупные капли пота стекали по его лбу. Черные круги под глазами и резко осунувшееся лицо превращали недавнего красавчика в заморенного голодом узника.

— Что с тобой, — шепотом спросила Дженни. — Я могу помочь?

— Можешь... — простонал он, хватая ртом воздух. — Будь рядом... ближе.

— Да, конечно. Я только вызову помощь! — она хотела было вскочить и выбежать за дверь в поисках постографа, но пальцы обнимавшие ее ладонь, сжались стальным капканом.

— Нет! Стой! — по его телу пробежала короткая судорога. — Если ты уйдешь, я умру...

— Я не понимаю, — беспомощно пробормотала Дженни, снова опускаясь на колени.

— Это... энергетическое истощение, детка... ФМЛ... мне нельзя было принимать истинный облик...

— Но при чем тут я?

— Ты... лечишь, — он закрыл глаза и прижался щекой к ее бедру. — Просто посиди рядом.

Дженни всхлипнула и кивнула. Положила его голову себе на колени и медленно провела рукой по мягким волосам.

Все, что владело ею эти две недели после расставания — злость, обида, ревность и решение навсегда вычеркнуть проклятого демоняку из своей жизни — исчезли. Растаяли, как тает утренняя роса под солнечными лучами. С болезненной нежностью и тревогой Дженни вглядывалась в лицо своего мужчины. Когда он успел так отощать? Он что — совсем не ел эти две недели?

Как он вообще здесь оказался?

— Ты слышал мой зов?

— А ты позвала, — Раум блаженно улыбнулся. Его лицо медленно разглаживалось, становилось умиротворенным. — Ты все-таки позвала меня, Дженни-конфетка.

— Но... как ты успел так быстро?

— Я искал, — он осторожно поднес ее руку к губам и поцеловал пальцы. — Искал тебя везде, когда ты пропала. Ты же не думала, что я действительно оставлю тебя, Дженни-сто-приключений-на-одну-хорошенькую-задницу.

— Но... — она снова замерла в замешательстве, не зная, как сопоставить его поведение и эти слова с тем, что случилось в Шейди Манор двумя неделями раньше. — Но почему?

— Потому что я люблю тебя, — тихо ответил демон.

— Но... — тут Дженни зависла. Все это слишком походило на сон. — Почему ты тогда выгнал меня?

— Потому что дурак, — его губы скривились в злой гримасе. — Легковерный debil, которому лживый докторишка навесил лапши. Ты нужна мне, Джен. Ты мой воздух, мой хлеб. Но мне сказали, что я убиваю тебя, когда дышу. И я отпустил...

— Вот зачем ты таскал меня к Мактуллу каждую неделю, — потрясенно пробормотала девушка.

А потом ей захотелось отвесить ему пинка. Или даже долбануть сковородкой по башке.

— А у меня ты не собирался спросить, что я про все это думаю?!

— Нет, — он открыл глаза и заискивающе улыбнулся. — Не ругайся, пожалуйста. Не злись... Мне сейчас нужно не это...

Эта просьба и несчастный побитый вид настолько не вязались со всем, что Дженни знала о Рауме, что девушка опешила. А потом испугалась.

— С тобой все нормально?

— Нет, — он поморщился. — Бояться тоже не надо. Просто будь рядом и думай о хорошем, — он сжал ее ладонь сильнее. — Мне сейчас нужно от тебя что-то хорошее, Джен. Погладь, как ты делала...

— Ничего не понимаю... — пробормотала девушка, снова запуская пальцы в его волосы. Раум снова прикрыл глаза, становясь нестерпимо похожим на гулящего кота, который вернулся с улицы и ластится к хозяйке.

— Я выгораю... Не как люди, просто теряю связь с истинным обликом, — хрипло сказал демон. — Мне нужна ты... твоя любовь, чтобы удержать его. Иначе я стану просто человеком.

От этих простых слов повеяло такой жутью и безысходностью, что Дженни вздрогнула. А потом аккуратно, но решительно сняла его голову с колен.

— Что ты делаешь?

— Будем держать твоего демона вместе, — ответила она, ложась рядом и прижимаясь к нему всем телом. — Ты ведь подпитываешься от меня, я правильно поняла?

Раум кивнул. В его глазах Дженни прочла обреченность и страх. Словно он смирился с тем, что может случиться, но по-прежнему страшился этого.

— Скажи, что мне нужно делать, чтобы отдать больше?

— Я не знаю... делай то, чего самой хочется.

Дженни тихонько фыркнула. Вот уж инструкция на все случаи жизни.

А потом обняла его за шею, прижавшись щекой к щеке. Вдохнула родной запах, чувствуя, как в душе поднимается нежность, тревога, забота, желание спасти и защитить своего мужчину.

— Да, — выдохнул он ей на ухо. — Вот так! Все правильно...

Она снова зарылась пальцами в белые пряди, коснулась губами нервно бьющейся жилки на шее. Робкая ласка без малейшего эротического подтекста. Погладила плечи, грудь, спину, снова ужаснувшись как он исхудал. Ребра просто выпирают.

— Ты что — вообще не ел эти две недели?

— Ел. Пару раз.

— Пару раз! — на этот раз она еле удержалась, чтобы не стукнуть упрямого идиота.

— Не хотелось, — Раум слабо улыбнулся и коснулся губами ее губ.

— Дурак!

— Еще какой.

— А твои раны... — ее пальцы замерли над искалеченной рукой. Запекшиеся кровавые отметины от клыков напоминали такие же на ее левой руке, только выглядели куда страшнее.

— Это волк наверху оставил. Не бойся, детка, я с ним разобрался.

— Я не его боюсь.

— За меня тем более не бойся. Заживет.

— А Мактулл?! — только сейчас она вспомнила о чокнутом докторе. И еле удержалась, чтобы не вскочить, представив, как зловещий маньяк спускается в подвал, чтобы прервать их идиллию.

— Кажется, я его покалечил, когда услышал твой зов.

— Надо все-таки вызвать полицию, — пробормотала она, уткнувшись носом в его шею. — И тебе на полу, наверное, неудобно. Тем более без одежды...

— Мне замечательно, — заверил ее демон. — Ты рядом.

Его здоровая рука осторожно скользнула под блузку, легла между лопатками.

— Только не говори, что я должна прямо сейчас заняться с тобой целебным сексом, — с притворным неудовольствием проворчала девушка.

При виде знакомой похабно-кошачьей ухмылки на его лице в душе поднялась теплая волна.

— Это было бы неплохо. Но я не уверен, что смогу. Этот волчара-переросток сломал мне руку.

— Я думала ты это не руками делаешь.

— Вот пошлячка! А была такая милая скромная девочка...

— От тебя набралась, — она собиралась легонько чмокнуть демона, но рука на спине неожиданно напряглась, не пуская. И поцелуй из почти невинного превратился в глубокий и чувственный. Такой, что дыхание захватывает.

— Ну вот: другое дело, — удовлетворенно отметил демон, отрываясь от ее губ. — Дженни-сладкая-конфетка.

— Знаешь, не очень-то приятно ощущать себя едой.

— Ты не еда, — он легонько коснулся губами ее лба, потом поцеловал в прикрытые глаза. — Ты гораздо, гораздо большее, Джен. Ты — все. Я настолько в тебя влип, что не знаю как жить, если тебя нет рядом.

Дженни замерла, впитывая эти слова — душой, сердцем, всем существом. Если бы она могла, она бы остановила время, чтобы пережить этот момент снова. И снова. И снова.

К горлу подкатил комок, и пришлось несколько раз моргнуть, прогоняя непрошенные слезы. Это было... слишком хорошо. Так хорошо, как просто не бывает.

Раум расплылся в блаженной улыбке, которая, наверное, полностью копировала сейчас ее выражение лица.

— Да-а-а... Да, детка!

— Ты чувствуешь мои эмоции? — осенило Дженни.

Вот и разгадка его сверхъестественной проницательности. Не зря ей иногда казалось, что

Раум читает ее мысли.

Наверное, в другой ситуации Дженни бы адски разозлилась, почувствовала себя обманутой и незащищенной перед демоном. Но сейчас, после только что прозвучавшего признания ею владения столько любви и нежности к Рауму, что на злость и обиду просто не осталось места.

— Чувствую. Впитываю. Кормлю ими свою истинную форму. Люби меня, Джен. Мне очень нужно, чтобы ты меня любила...

— Куда я денусь, — пробормотала она, обнимая демона за шею. — Ты же моя пара.

Глава 43

— Подпишите вот здесь и здесь, — сказал полицейский. Дженни потянулась было к перу, но Раум с сердитым возгласом: «А ну стоять!» отобрал у нее листок.

— Все в порядке, можно, — разрешил он, пробежав взглядом показания. — Запомни, детка: никогда и ничего не подписывай без консультации с юристом. Или со мной.

Дженни ответила ему усталой улыбкой. Хоть благодаря демону допрос и сократился до чисто формального десятиминутного, она все равно ощущала себя измученной. Все, что случилось до: побег, схватка с мономорфом, падение на самое дно отчаяния и признание Раума слились в безумный калейдоскоп.

А вот все, что было потом, она помнила просто отлично. Мгновения покоя, безвременья и удивительной близости, когда они лежали в объятиях на полу камеры, целовались и говорили какие-то глупости. Дженни казалось, что она чувствует, как дрожат тонкие нити, связывавшие Раума и его демона. И она сжимала его в объятиях, раскрывалась душой, пытаясь отдать ему больше, как можно больше.

Мелькнула неприятная мысль — не повредит ли это малышу, но девушка отбросила ее в сторону. Она сильная, она шаман, значит, должна справиться. Ее хватит на двоих.

— Все, детка, — скомандовал Раум. — Все, хватит я сказал! Достаточно.

— Ничего не хватит.

— Упрямая маленькая дурочка, — он поцеловал ее в нос. — Все, Джен. Можно меня отпустить, не умру.

— Но я хочу тебя обнимать.

В этот момент Лиза на кровати повернулась и захрапела. Демон вздрогнул, попытался опереться на сломанную руку и вскочить и застонал от боли.

— Твою ж мать! Кто здесь?

— Это Лиза, — Дженни встала и потянула его наверх, заставляя подняться. — Она тоже пленница Мактулла.

— Мда... неловко вышло, — со смешком сказал демон, разглядывая спящую. — Особенно если бы я действительно начал к тебе приставать.

— А ты мог?

— Мог. Секс — самый простой и быстрый способ получить энергию. Пошли, детка, — он потянул ее прочь из камеры. — Надо посмотреть, что там с калечным маньяком, найти мне одежду и вызвать полицию.

Со вторым и третьим пунктом не возникло никаких проблем — костюм Раум позаимствовал из гардероба доктора, а полицию вызвал через стационарный терминал в кабинете. А вот с первым...

Мактулл сбежал. Там, куда его отбросил удар демона, виднелись следы крови, тянувшиеся в сторону тумбочки. Вываленные у распахнутой дверцы медикаменты говорили сами за себя.

— Вколос себе регенератор и смылся, — определил демон. Выглянул на улицу. — Ага, его тачки тоже нет на месте.

Сбежал. От этой мысли девушка невольно содрогнулась и вцепилась в руку демона. Тот ответил успокаивающим поглаживанием.

— Найду гада и прикопаю. Обещаю.

А всего через пятнадцать минут приехала полиция, и в доме разом стало шумно.

Бродили туда-сюда эксперты, врачи осматривали сначала Дженни, а потом Раума, кололи какие-то лекарства, перебинтовывали раны. То и дело вспыхивали спектрографы, запечатлевая детали обстановки. Труп мономорфа уже увезли, теперь о его существовании напоминала только подсохшая лужа крови и светящийся синим силуэт на полу на том месте,

где раньше лежало тело.

Спящую Лизу тоже увезли, а вот в Дженни обрадованные полицейские вцепились, намереваясь вытрясти из нее все до малейших деталей.

— Раум, я не выдержу, — шепотом пожаловалась она. Безумное напряжение, в котором Дженни пребывала эти несколько дней и целительные объятия на полу не прошли бесследно. Девушка внезапно ощутила себя спущенным шариком. Ни сил, ни эмоций. Хочется только забиться в уголок и заснуть.

— Спокойно, маленькая, я все сделаю, — пообещал демон.

И действительно сделал. Дженни не знала как он этого добился, но их отпустили всего лишь после десятиминутного формального допроса.

О своей беременности она умолчала. Не хотелось, чтобы Раум узнал вот так — между делом, в присутствии незнакомцев. Несмотря на признание, Дженни все еще побаивалась его реакции. Да, Раум ее любит, но демон явно не горел желанием заводить детей в ближайшие годы. Полюбит ли он малыша?

— Еще раз напоминаю, — по лицу копа было видно, как сильно ему не хочется выпускать из своих когтей свидетеля, — завтра вам надлежит явиться в следственное управление для дачи подробных показаний.

Дженни кивнула.

— Скажите, его ведь найдут?

— Мактулла? — уточнил офицер. — Уже нашли. Дорожный патруль остановил его автомобиль при попытке пересечь границу округа. Так что не переживайте. Готов поставить свое жалование против дырявого башмака, что этого типа ждет смертная казнь.

Раум приобнял ее за плечи.

— Если это все, офицер, то мы хотели бы уехать. Моя невеста устала.

Дженни вздрогнула и посмотрела на своего мужчину широко распахнутыми глазами. Ей ведь это не показалось?

— Невеста? — недоверчиво переспросила она, когда они устроились на заднем сидении лимузина — несмотря на оказанную медицинскую помощь, вести автомобиль Раум все еще не мог, поэтому пришлось вызвать машину с шофером из города.

Демон усмехнулся и коснулся губами ее виска.

— Если я скажу «моя жена» это может вызвать вопросы. Мы же не регистрировали брак.

— Я не об этом... Ты действительно уверен, что хочешь назвать меня своей женой?

— Насколько я понимаю, спрашивать об этом уже поздно, — вопреки ее опасениям Раум отнюдь не выглядел недовольным этим фактом.

Дженни помотала головой.

— Ты неправильно понимаешь. Ты не оборотень, наш брак тебя ни к чему не обязывает, — она сглотнула и с тревогой взглянула в его лицо. — Я бы никогда не стала женить тебя на себе тайком и насильно. Ты свободен, Раум.

— Правда? — он помрачнел. — Ну что же — это несложно поправить, — и приоткрыв окно между пассажирским и шоферским местом велел. — Останови у ювелира, Томас.

— Что ты хочешь сделать? — пораженно прошептала девушка.

— Не вижу смысла терять время, — он обнял ее и потянул к себе на колени. — Так, на чем мы остановились?

На поцелуях. Осторожных, неторопливых. Не столько чувственных, сколько полных заботы и тепла. На убаюкивающих объятиях и нежных, не предполагающих продолжения

прикосновениях.

— Ты уверен, что действительно хочешь на мне жениться? — спросила Дженни, уютно устраивая голову у демона на плече.

— Абсолютно, Дженни-сама-мнительность, — он снова поцеловал припухшие губы и нахмурился. — Эй, детка, в чем дело? Ты не хочешь за меня замуж?

— Хочу конечно! Но я думала это все будет не так...

— А как?

Как принято у волков. Огромная шумная толпа — сотни родственников, включая совсем отдаленных, из других кланов. Солнечный день, небольшой храм, шампанское, спектрографер, сотни поздравлений и улыбок. Подружки невесты, лоящие букет и стол, ломящийся от угощения.

— Мы можем устроить это позже, если хочешь, — сказал Раум, выслушав ее сбивчивый рассказ о свадьбе мечты. — Но сейчас у нас нет времени и возможности собирать всех твоих родственников, Дженни-любительница-традиций. Срок моей договоренности с отцом истекает через неделю, а у меня нет ничего, что можно предъявить ему. Но я все равно скорее сдохну, чем женюсь на Шеризе.

— Я не понимаю...

— У нас было что-то вроде пари. Или я устраиваю сделку с бюджетом не менее восьмисот миллионов, или женюсь на дочери его делового партнера.

— Султан Самана... — осенило Дженни.

— Именно. Но у меня ничего не вышло. Так что теперь я, как честный демон, должен жениться, — он издал неприятный смешок. — Но я не особо честный и собираюсь положить драконий причандал на нашу договоренность.

— И тебе за это ничего не будет?

Леонард ди Форкалонен отнюдь не выглядел, как добрый папочка, способный спустить отпрыску подобную выходку. Дженни до сих пор помнила его обещание «уничтожить» ее, если она вздумает мешать свадьбе.

— Будет, — с притворным легкомыслием отозвался Раум. — Отец обещал разорить меня за непослушание. Так что сразу предупреждаю: ты выходишь замуж не за миллионера, а за будущего нищеврода. Но тебе это вроде неважно, Джен? — Раум требовательно заглянул в ее глаза. Несмотря на его беззаботный тон, Дженни показалось, что демон ждет ее ответа с напряженной тревогой.

— Мне неважно, — подтвердила девушка. — Я никогда не жила в роскоши. А вот ты...

Как Раум будет обходиться без бриллиантовых запонок, дорогих машин, яхты, изысканных вин, слуг, одежды от лучших домов мод и возможности швыряться деньгами? Не сочтет ли он однажды, что заплатил слишком высокую цену за право быть с Дженни?

— Я что-нибудь придумаю, — твердо ответил он. — Даже если отец лишит меня наследства, вышвырнет из клана и прилюдно отречется, я все останусь высшим демоном. Обещаю, что ты не будешь нуждаться.

Дженни пожала плечами. О себе она как раз и не беспокоилась.

— У меня есть миллион, — вспомнила она. — Ну, твой миллион. И еще украшения.

— Я не буду брать у тебя деньги! — возмутился Раум.

— Это твои деньги.

— Нет твои!

Спор грозил затянуться, поэтому Дженни просто поцеловала своего несносного мужчину.

— Значит, едем в храм?

— Едем, — кивнул демон. — Только прости, не уверен, что у меня хватит сил устроить незабываемую брачную ночь.

— О, она будет незабываемой, — с восторженной улыбкой отозвалась Дженни. — Мы с тобой ляжем в твою постель, обнимемся и уснем. И проспим не меньше двенадцати часов.

Сейчас сон казался куда более желанным и привлекательным, чем любые ласки.

Раум мечтательно закатил глаза.

— М-м-м, двенадцать часов сна в обнимку... Звучит божественно.

Глава 44

Кольца Дженни не выбирала, просто ткнула в первые попавшиеся. Раум согласился с ее выбором.

— Позже закажем нормальные.

Заезжать в магазин, чтобы купить что-то более соответствующее ситуации, они тоже не стали. Если жрец в небольшом районном храме и удивился, когда к нему ввалилась девушка в заляпанном кровью мятом платье и демон в костюме с чужого плеча с требованием их обвенчать, то предпочел оставить свое удивление при себе.

А вот Раум снова сумел ее поразить.

— Сплетение судеб, — приказал он, закатывая рукав. — По древнему обряду.

— Раум, ты уверен? — тихо спросила Дженни. — Древний обряд исключает разводы, ты же знаешь.

— Знаю, — он усмехнулся и обнял ее здоровой рукой за плечи. — Так что никуда ты от меня не денешься, рыжая.

— Я и так от тебя никуда не денусь. Ты моя пара. Обряд свяжет скорее тебя.

Угроза его не напугала.

— И хорошо, — он склонился над ее лицом и грустно улыбнулся, резко отбрасывая обычные нагловатые ужимки. — Ты еще не поняла? Я уже связан, Джен. Ты даже не представляешь, как нужна мне.

— Представляю, — пробормотала Дженни, тая под его нежным взглядом. — Так же, как ты мне...

Жрец у алтаря тихонько кашлянул, напоминая, что у них есть незавершенное дело.

Были гимны и запах благовоний из курительницы. Шофер и мордovorot-охранник в качестве свидетелей — Раум предложил позвать кого-нибудь из подруг Дженни, но она отказалась. Просто не чувствовала в себе сил что-то объяснять и рассказывать, выслушивая охи и ахи близких людей.

Было колечко из белого золота, скользнувшее на палец, пьянящее прикосновение его губ и слова, хором прозвучавшие в тишине храма.

— Будь моей судьбой.

Осуществить мечту и сразу рухнуть в постель не получилось. Сначала пришлось помыться — не ложиться же на чистые простыни в грязном, пропахшем потом платье. Потом слуги подали ужин, и девушка вдруг поняла, что зверски проголодалась. А ведь ей сейчас надо есть за двоих.

Когда они наконец добрались до кровати и устроились под одеялом, Дженни обнаружила, что сон отступил. Вместо этого потянуло на поцелуи.

— Может все-таки устроим брачную ночь? — спросил Раум. — Только тебе придется быть сверху, — он покосился на забинтованную руку.

Это у Дженни укусы были ерундовые и почти зажили даже до приезда полиции, без регенератора. Рауму досталось куда серьезнее.

— Давай завтра. А то еще уснешь в процессе.

— Это вызов, — демон опрокинул ее на спину и навис сверху, опираясь на здоровую руку.

— Не надо, — она погладила его по щеке, чувствуя, как сердце захлестывает волна невероятной любви и щемящей нежности. — Мне и так хорошо. У нас будет еще очень много ночей.

— Точно, — он снова опустился рядом, обнял девушку и зарылся лицом в ее волосы. — Моя! — словно не веря самому себе до конца пробормотал демон. — Моя Дженни-конфетка...

Момент был подходящий. Все равно рано или поздно придется сказать, так почему не сейчас?

— Раум, а как ты относишься к детям?

Вопрос выбил его из лирического настроения. Демон чуть отодвинулся и пожал плечами.

— Нормально. Когда-нибудь они у нас обязательно будут, но я бы не стал торопиться. Давай подумаем об этом лет через десять.

— Э-э-э... — протянула девушка. — Понимаешь... Торопиться уже поздно...

— Не понимаю, — он нахмурился, а потом в широко распахнутых глазах мелькнул ужас. — Мактулл... Он...

Его лицо странно исказилось, а горячая кожа под пальцами вдруг стала неприятно жесткой, словно покрытой бритвенно-острыми чешуйками.

— Нет! — резко выкрикнула Дженни, вцепившись в него. — Нет, Раум! Он ничего не делал! Подожди... я пытаюсь тебе сказать... Дело в том, что у истинных пар... У нас с этим все иначе! Наша ночь в долине источников! Мы же не предохранялись...

Уф-ф-ф, пронесло. Лицо демона медленно расслабилось, а кожа снова стала похожей на человеческую — теплой и гладкую. Дженни прильнула к нему теснее, ругая и себя, не сумевшую нормально все рассказать, и его.

— Ты совсем больной так терять контроль по любому поводу?!

— Нет, — тихим и чужим голосом отозвался Раум. — Обычно я держу себя в руках. Погоди, Джен... ты хочешь сказать, что беременна?

Она кивнула.

— Поэтому Мактулл меня и похитил. Он все ждал, когда мы с тобой... Ну, когда Луна возьмет свое. И про предохранение специально мне не сказал. Ему нужен был ребенок от истинной пары, — она просительно заглянула в лицо демона. — Но малыш ведь не виноват.

— Нет, — Раум откинулся на подушку. Вид у него был ошеломленный. — Конечно, нет.

В комнате повисло молчание.

— Ты сердисься? — робко спросила Дженни. — Ты не хочешь его?

— Не знаю. Просто я и ребенок... Ну какой из меня отец, Джен?

— Мне кажется, очень хороший.

— Я же сам еще мальчишка. И эти проблемы с деньгами...

По крайней мере, он не разозлился. И не начал требовать, чтобы Дженни немедленно избавилась от ребенка. Вместо этого, он уже думает о том, где взять деньги, чтобы обеспечить малыша. Она снова почувствовала прилив благодарности и нежности.

Все-таки Луна знала кого выбрать ей в пару.

— А что: с деньгами совсем никаких шансов? — на всякий случай поинтересовалась девушка. Чутье подсказывало, что тему беременности лучше пока оставить. Пусть Раум свыкнется с этой мыслью.

— Никаких, — безнадежно откликнулся демон. — Рынки поделены, как я и говорил. Меня могла бы спасти новая технология, но такие разработки ведутся годами и требуют огромных вложений.

Внезапная идея была похожа на вспышку света. Дженни даже стало не по себе. Не может быть, чтобы все настолько удачно складывалось.

— Новая технология? Например, передача звука на расстоянии?

Раум присвистнул.

— Это даже слишком круто. Тот, кто приберет к рукам подобный патент, будет владеть

половиной мира. Жаль, что передача звука на расстоянии невозможна.

— Я бы не была так категорична.

А утро было волшебным. Ленивым и сладким, в россыпи солнечных зайчиков среди завитков медных волос, разметавшихся по подушке.

Демон высвободился — осторожно, чтобы не потревожить спящую жену — и пошел в ванную.

Жена... он попробовал это слово на вкус. Оно было каким-то непривычным, не вязалось с его рыжим сокровищем и всем, что было между ними. Жена — это головная боль и проблемы. А Дженни... Дженни — это радость.

Мысли тоже были непривычными. Приятными, но слишком лиричными что ли.

— Превращаешься в такого же занудного романтика, как кузен Мэл? — спросил Раум у своего отражения.

Отражение довольно ухмыльнулось в ответ.

Он умылся, почистил зубы и, пощупав вчерашний бинт, срезал повязку.

От ран остались только шрамы. Ярко-розовые, покрытые тонкой кожицей они невыносимо зудели. Хорошо. Он думал, что будет дольше, с нынешней-то фиговой регенерацией. Должно быть, кое-кто вчера, валяясь с ним в обнимку, отдал слишком много энергии.

Раум нахмурился. Надо устроить рыжей выволочку. Как бы она своей щедростью не навредила себе. Или ребенку.

Ребенок...

— Я буду отцом, — произнес Раум медленно, словно примеряя к себе эту фразу. Она пахла ответственностью. Переменами и неизведанными трудностями. Не слишком-то приятное сочетание.

Демон напрягся, пытаясь вспомнить все, что знал о младенцах. Они беспомощные, постоянно орут, писают в пеленки и требуют кучу времени.

Как-то не вдохновляет.

Тогда он решил пойти другим путем и представить Дженни беременной. Обнаженной и с пузиком, месяце этак на шестом.

М-м-м... эта картинка неожиданно показалась пикантной. И до того возбуждающей, что член радостно скакнул на двенадцать часов.

Да уж. Делать детей точно гораздо приятнее, чем потом их воспитывать.

Он представил Дженни кормящую грудью и эта картина тоже показалась волнующей и милой. А потом мысленно промотал несколько лет и увидел на месте младенца взъерошенного пацаненка. Мелкого и верткого, с рожками, торчащими из белых волос.

— Папа? — как наяву услышал демон высокий мальчишеский голос. — Я тоже хочу водить машину!

Да, именно так тогда Раум и сказал Леонарду. Тот пожал плечами и велел секьюрити дать сыну пару уроков. Раум хорошо помнил чувство обиды от того, что у отца снова не нашлось на него времени.

Хрена-с-два! Он будет учить своего сына сам. И играть в гольф, и водить машину, и управлять яхтой, и не терять головы за карточным столом. Всему, что необходимо приличному демону из древнего рода.

И не быть мудаком тоже научит. Как показывает практика, мудаки заканчивают, как дядя Андрос — в одиночестве, нахрен никому не нужные.

— Я буду отцом, — повторил Раум, и сейчас эта фраза ему даже понравилась. Кроме ответственности она обещала множество увлекательных открытий.

Он подмигнул отражению в зеркале и отправился будить свое рыжее чудо.

Глава 45

Сон был сладким-сладким. В нем Дженни нежилась в объятиях своего мужчины. Раум целовал ее — осторожно, едва касаясь губами кожи, и шептал какие-то ласковые глупости.

— Вставай, Дженни-засоня. Нас ждет первое брачное утро и завтрак.

— Ну, пожалуйста, — сонно пробормотала Дженни, удобнее устраивая голову у него на плече. — Еще пять минуточек... не хочу, чтобы ты исчезал...

— Да я и не собирался. Ты мне супружеский долг задолжала. С процентами.

Он пощекотал ее между ребрами. Дженни взвизгнула, дернулась. И проснулась.

Но ничуть об этом не пожалела. Реальность оказалась даже лучше грез, потому что в отличие от прошлых пробуждений в одиночестве на узкой девичьей кровати, Раум лежал рядом и обнимал ее — совсем как во сне. Дженни изумленно протерла глаза, вспоминая все события вчерашнего безумного дня.

И слова о первом брачном утре обрели совсем другой смысл.

— Доброе утро, рыжая, — улыбнулся демон. Той самой мальчишеской озорной улыбкой, которая так нравилась Дженни. Она замерла, влюбленно глядя на него. Чувства переполняли ее, рвались наружу. Восхищение, любовь, счастье — настолько всеобъемлющее, что хотелось плакать.

— Эй-эй! Детка, полегче, — он сначала блаженно сощурился, а потом нахмурился. — Меня уже не нужно закармливать, я сыт.

— Но я не специально... Я просто люблю тебя, — возразила Дженни, прижимаясь к нему теснее и обвивая руками за шею.

Это сильнее ее. Чувства просто рвутся наружу. Вместе с желанием сделать его счастливым и просто быть с ним. Всегда.

— Само получается. Когда ты ведешь себя не как полный гад.

— Хороший способ заставить меня быть пайнкой... — хмыкнул Раум, проводя пальцем вдоль ее щеки. — Хочешь сказать, что тебе это не вредит? Не чувствуешь усталости, эмоционального истощения? Нет ощущения, что все вокруг становится серым, ничто не радует и не огорчает?

Дженни прислушалась к себе.

— Нет. У меня такое было только один раз.

Он напрягся.

— Когда мы расстались, — торопливо уточнила девушка. — Мне тогда было очень плохо.

Демон ткнулся лбом в ее плечо.

— Прости... мне тоже было хреново.

— Да уж, догадываюсь... — проворчала она. — Ты что-то говорил про брачное утро?

— О да! — глаза Раума хищно сверкнули. Он перекатился, подминая Дженни, и ухмыльнулся, глядя на нее сверху. — Итак, супружеский долг, Дженнифер ди Форкалонен. С процентами.

И были поцелуи. Долгие и нежные, пьянящие и страстные. Руки, скользящие по обнаженной коже, тесно сплетенные объятия, лихорадочное дыхание, обжигающее кожу, прикосновения — желанные и бесстыдные, обещающие большее. И предвкушение тем более сладостное, что больше нет нужды сдерживать себя. Нет нужды бороться с желанным мужчиной, отстаивая свое право не быть с ним.

Можно просто раскрыться, отдаться полностью. Впустить его в свое тело и свою душу...

Демон вошел в нее медленно, заставляя остро прочувствовать каждый момент слияния, и это было так хорошо. Так полно, ярко, правильно. Отдаваться, принадлежать, быть с ним единым целым. После первых же осторожных движений Дженни всхлипнула и выгнулась, чувствуя,

как низ живота скручивает сладкой судорогой. Раум тоже замер, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы.

— Детка... это слишком быстро... — выдохнул он.

— Ты чувствуешь меня?

— Конечно.

— Я тебя тоже, — слабым голосом призналась Дженни. — Сейчас... когда мы вместе.

Сразу после испытанного наслаждения отделить его ощущения от своих было не так сложно. Яростный голод, желание двигаться — сильнее, резче, быстрее. Тискать и мять податливое тело. Брать, утверждая свое право и ловить ответные благодарные стоны...

И рядом со всем этим страх — оттолкнуть, напугать своим напором.

— Не сдерживайся, я же не хрустальная.

— Хор-р-рошо, — прорычал демон. Перехватил ее руки и вошел — глубоко, вырвав из груди томный стон. Обморочный сладкий туман, в котором Дженни плавала после оргазма снова сменился желанием. Она царапала его спину, выгибалась в его руках, жалобно вскрикивала и хныкала, умоляя Раума не останавливаться.

И да — может, это было немного грубо. Но Дженни, изголодавшись за две с половиной недели по его телу, их близости, хотела, жаждала этой грубости. Животной страсти, а не изысканных долгих ласк.

Второй оргазм они разделили на двоих. И повалились на влажные простыни, не разжимая объятий.

— Детка, это...

— ...ага... — слабым голосом согласилась Дженни. — Только я теперь даже встать не смогу.

Блаженная улыбка сползла с его лица. Раум нахмурился.

— С тобой точно все в порядке?

— В порядке. Просто ноги не держат, — но демон продолжал хмуриться, и она сердито стукнула его кулаком по плечу. — Хватит! Я уверена, что для меня это абсолютно безопасно. Хочешь, сходим вместе к нормальному врачу?

— Надо бы, — согласился Раум. — А еще в полицию и к твоей подружке — посмотреть ее изобретение. Но сначала — мыться и завтрак. Я голоден как десяток волков.

— Ты иди, а я еще поваляюсь, — Дженни зевнула и обняла подушку, планируя вздремнуть полчаса.

— Не-а, мне без тебя не интересно. Вставай, Дженни-сурок, — он пощекотал ее, и девушка сердито дернула пяткой.

— Не встану и ты меня не заставишь.

— Да ну? — весело изумился демон. — Не заставлю? Серьезно? — с этими словами он перекинул Дженни через плечо и, не обращая внимание на ее возмущенный визг, понес в сторону ванной.

— Показывай, — велел Раум.

На лице слепой волчиц снова отобразились колебания, словно Кари спрашивала себя: не делает ли она ошибку. Нет сомнений, что она не забыла ни тот разговор, ни угрозы Раума в адрес ее близких.

Не то, чтобы Раума сильно волновало чье-то мнение о нем...

Хотя нет — волновало. Потому что эта стержовная девица имела определенное влияние на его жену. Ну и потому что, если рассказ Дженни хотя бы на четверть правда, вот эта самая слепая девица держала сейчас в руках ключи от его благополучия.

Не стоило давить на нее в том разговоре.

Но Кари все же протянула ему нечто, похожее на постогоф, к которому сверху и снизу приделаны два кристалла.

— Это рабочий прототип. Второй, — она показала такой же нелепый прибор, — у меня. Дальность пока не больше нескольких сот футов, после помехи становятся слишком сильными. Но мы работаем над увеличением. Испытывать будешь?

— Конечно.

Пока он не убедится, что это в принципе возможно, все разговоры бессмысленны.

— Джен, выйди на улицу, — распорядился Раум. — Вон к тому дереву, — он показал на двухсотлетний дуб в начале аллеи и повернулся к Кари. — По дальности пробьет, как думаешь?

— Понятия не имею.

Собеседница ухмыльнулась и демон мысленно выругал себя, вспомнив, что Кари не видит.

— Ладно. Тогда иди к дереву, если окажется, что там не принимает, подойдешь ближе. Справишься?

— Конечно, — фыркнула девушка. Ее глаза горели огнем восторга, Дженни определенно очень нравилось, что она принимает участие в таком эпохальном обсуждении, пусть даже на уровне «подай-принеси».

Когда она ушла, Кари резко повернулась к Рауму.

— Ну?

— Что «ну»?

— Говори, что хотел. Ты ведь для этого отослал Дженни.

— А ты догадливая, — удивился Раум. И снова отметил для себя, что не стоило с ней ссориться. Да, Кари слепа, но она умна, хладнокровна и очень злопамятна. Таких как она лучше держать в друзьях.

— Хотел поговорить насчет маленького недоразумения, которое возникло между нами.

— Недоразумения? — ее губы сложились в ехидную ухмылку. — Теперь это так называется?

— Я сейчас пытаюсь извиниться, — безэмоционально сказал Раум. — Это довольно непривычная и неприятная для меня задача. А ты совсем не облегчаешь ее.

На лице девушки отобразилось изумление.

— Высший демон, который извиняется перед простой волчицей? Я точно не сплю?

— В последнее время мне часто приходится делать то, что не принято среди высших демонов.

— Хорошо, — она кивнула. — Говори.

— Извини, что угрожал. В тот момент я слишком волновался за Дженни, чтобы думать о чьих-то еще чувствах.

— Хочешь сказать, что обычно ты о них думаешь?

— Нет, — он ухмыльнулся.

— По крайней мере, честно, — она тоже усмехнулась. И Раум поймал себя на том, что невольно проникается уважением к этой девушке. — Я тоже не хочу ссориться. Из-за Дженни. Ты от нее все равно никуда не денешься, кроме того, она тебя любит, и у вас будет ребенок. Неправильно заставлять ее выбирать между мужем и подругой. Поэтому я готова забыть обо всем, если ты дашь слово, что никогда больше не будешь угрожать или вредить мне и моим близким.

— А, это без проблем, — с облегчением выдохнул Раум. — Я и сам собирался предложить, — он

сунул ей папку. — Там все, что нарыла моя служба безопасности. Оригиналы, копии я уничтожил. Мир?

— Мир, — Кари прижала папку к груди и улыбнулась. Уже не язвительно, а открыто и радостно. — Ты ужасный тип, ди Форкалонен. Но я должна признать, что Дженни с тобой повезло.

Зашипел постогограф на столе. Сквозь треск и шорох прорвался женский голос: «Это Дженни. Эй! Ну как: меня слышно?»

Раум уставился на прибор хищным взглядом. Чудо! На его глазах невозможное становилось возможным.

А ведь он не верил. Несмотря на все заверения Джен и Кари до последнего не верил, что это реально. Документация, которую ему сунул заикающийся от волнения очкарик-аспирант показалась демону полным бредом. Куча каких-то наукообразных формул и непонятных графиков.

Но вот они — эти формулы и графики, преобразованные в живое доказательство торжества разума. Изобретение, способное изменить мир так же сильно, как изменили его почти сто лет назад чары заключения души в кристалл.

— Охренеть, — хрипло пробормотал демон.

Кари подняла постогограф и поднесла к губам.

— Слышим. Иди дальше по аллее и говори. Я проведу замеры предельной дистанции.

— А что говорить?

Голос Дженни был едва различим через помехи. Но он звучал — здесь, в этой комнате.

— Что угодно.

— Ладно, — согласилась Дженни и радостно забубнила строчки из не очень приличной, но веселой студенческой песенки, в которой красотка-ундина никак не могла выбрать из двух ухажеров. А в припеве выводилась нехитрая мораль, что...

— ...Один парень — хорошо, ну а двое — лучше...

— Я тебе дам «двое», — с ласковой угрозой пообещал Раум, отбирая у Кари прибор. — Будешь строить глазки, получишь по попе.

Сквозь помехи было слышно, как на другом конце прибора Дженни хихикнула.

Полностью связь прервалась на середине песенки. Как раз там, где распутная девица сравнивала постельные ухватки своих ухажеров. Кари постучала пальцем по кристаллу, из которого теперь доносились только шипение и треск, и потянула постогограф Рауму.

— Напиши ей, чтобы возвращалась.

— Очень впечатляет, — заметил Раум, справившись с заданием.

— Знаю, — она пожала плечами. — Не думай, что я как Алан не от мира сего и не понимаю значения нашего изобретения.

— Не думаю. Но у вас нет производственных мощностей, стартового капитала, связей и опыта в бизнесе.

Она кивнула и не думая спорить.

— Мы собирались объявить тендер среди всех заинтересованных компаний. И работать с тем, кто предложит самые выгодные условия.

— Но не объявили.

— Просто пока еще не все отлажено, — отмахнулась Кари, и Раум снова восхитился ее выдержкой.

— А еще ты боишься, что вас кинут, — подсказал он. — Потому что понимаешь, как мало у

тебя знаний и возможностей. А от очкарика в деловых вопросах больше вреда, чем пользы.

Лицо волчицы снова стало напряженным и отстраненным. Она скрестила руки на груди и отчеканила:

— Я не отдам тебе патент, ди Фокалонен!

— Я и не прошу его. Но мы можем быть друг другу полезны...

Глава 46

Секретарша подала кофе и выпорхнула за дверь. Леонард ди Форкалонен отхлебнул, одобрительно кивнул.

— Итак? — протянул он с вопросительной интонацией. — Сегодня истекает последний срок нашей договоренности, а у тебя ничего нет. Сделку с Саманом я не засчитаю, но спасибо за клиента.

Раум заинтересованно приподнял бровь.

— Что, он все-таки пришел?

— Пришел, — демон поморщился. — Сложный тип. Постоянно ноет, жалуется на слишком высокие цены, требует, чтоб с ним согласовывали любую мелочь. И любит повторять, что ты обещал ему скидку и обратную связь на каждом этапе.

— Я обещал, — согласился Раум с легким злорадством. — Но только если он выступит как мой клиент.

— Ну а поскольку он не твой клиент, у тебя ничего нет. И свадьба с Шеризой...

— Не состоится, — отрезал демон. И протянул отцу кожаную папку. — Вот, ознакомься.

Папку отец открыл со скептической гримасой на лице. Задумчиво перелистнул страницу, другую. Нахмурился. Уставился на лист бумаги уже пристальнее, вчитываясь в строки со всем вниманием.

Раум терпеливо ждал. В таких делах лучше не торопить. Пусть отец усвоит все тезисы подготовленной презентации, осознает какие перспективы открывает новая технология, которая отнюдь не ограничивалась только голосовой связью на расстоянии.

Стрелки часов медленно ползли по циферблату. Один демон хмурился и читал, второй терпеливо ждал, удерживая на лице скупающую гримасу.

Через десять минут невыносимо захотелось курить. Несмотря на принятое накануне решение бросить, Раум потянулся к отцовскому портсигару и щелкнул пальцами, вызывая огонек.

Пошло еще двадцать минут. Леонард дочитал до конца, отложил презентацию, переплел пальцы и задумчиво посмотрел на отпрыска.

— И?

— И я выполнил твое условие, — Раум самоуверенно улыбнулся. — Эта технология обещает куда больше восьмисот миллионов в перспективе, и ты это знаешь. Тут миллиарды и принципиально новый рынок, на котором пока нет конкурентов.

— Если это не подлог.

— Не подлог. Я сам проводил испытания.

— Смотрю, ты все продумал, — отец демонстративно перелистнул презентацию на последнюю страницу. — Председатель совета директоров?

— Я вложил в этот проект свои средства, — прямо сказал Раум. — Все, что смог быстро вытащить, не привлекая внимания твоих ищеек. Договора с держателями патента составлены так, что без моего непосредственного участия, никто не сможет получить доступ к технологии. Я хочу сам развивать и внедрять магофоны.

— Что?

— Магофоны, — терпеливо повторил Раум. — Думаю, так назвать приборы для голосовой связи.

— Бриллианты на каждой приемно-передающей станции... — пробормотал Леонард. — Да еще такого размера. Это останется игрушкой для богачей.

А вот это был момент триумфа Раума.

— Нет, потому что мы планируем заменить их искусственно выращенными кристаллами с похожей структурой.

Это была его идея. Личный вклад в их общее дело. Она родилась у Раума практически сразу, как только он услышал о трудностях с материалами, но демон благоразумно придержал ее до подписания всех бумаг. В отличие от фанатика-аспиранта, живущего в мире астральных волн, и недоучки-волчицы Раум, который почти год занимался в отцовском бизнесе вопросами материальной базы и курировал лаборатории «Ди Форкалонен Синема Пикчерз», кое что смыслил в прикладной кристаллологии. В частности, как раз в коллегии.

Он невольно ухмыльнулся, вспоминая каким потрясенным стало лицо Кари, когда он озвучил свое предложение на первом совете только что созданного акционерного общества.

— А ты опасный тип ди Форкалонен, но мозги у тебя варят что надо, — пробормотала тогда она.

Пожалуй, ему тоже удалось заставить слепую волчицу уважать себя.

Демон сощурился с интересом изучая своего сына.

— Твоих средств недостаточно, — наконец, сказал он после паузы. — Чтобы внедрение технологии не заняло годы, потребуются вложения на два порядка больше.

— Мы думаем привлечь внешних инвесторов. Это может быть и «Ди Форкалонен Интертеймент», но на определенных условиях, — жестко начал Раум. — Во-первых, ты вводишь меня в совет директоров компании на правах младшего партнера и даешь все полномочия. Во-вторых, за мной остается полный контроль над проектом звуковой связи. И главное: ни о какой свадьбе с Шеризой или любой другой чьей-то дочкой больше не может быть и речи. Никогда. Если тебе так хочется породниться с семейством ди Хуарес, у тебя есть Алат. А я не товар на брачном рынке и жену себе выберу самостоятельно.

Леонард откинулся в кресле, не сводя с Раума заинтересованного взгляда.

— А ты изменился, — задумчиво сказал он. — И в лучшую сторону. Именно такого партнера и преемника я всегда хотел видеть рядом с собой.

Раум, приготовившийся к долгому сражению, закашлялся и потрясенно уставился на отца.

— Да ну? — все, что он смог выдать. — И что — не будешь угрожать и требовать, чтобы все было по-твоему?

— Я же не ди Небирос, — отец усмехнулся. — Разве я когда-нибудь требовал беспрекословного подчинения?

Что есть, то есть. При всей его эмоциональной холодности, вечной занятости и равнодушии, Леонарду не были свойственны авторитарные замашки. Пожалуй, он наоборот слишком много позволял Рауму. Лишь болезненно морщился при известии об очередной выходке беспутного сына и бормотал с отвращением: «Ди Небиросы... что с них взять?».

Единственное, что могло по-настоящему вывести лорда ди Форкалонена из себя, это наплевательское отношение к бизнесу.

— То есть: ты согласен?

— Согласен, — для проигравшего пари отец, пожалуй, выглядел слишком довольным. Захотелось его как-нибудь уязвить.

— Тогда тебе стоит знать, что я уже женился.

Все равно долго скрывать не получится.

— Я знаю, — кивнул отец.

— Знаешь?!

— Томас — мой человек.

Раум потрясенно уставился на отца:

— Но почему ты не вмешался?

— Это твои решения и твоя ответственность. К тому же девочка действительно неплохая. Отличается от твоих обычных шлюх.

— Тогда к чему весь этот цирк, если ты уже знал, что я не смогу жениться на Шеризе?

— Просто, — Леонард вдруг ухмыльнулся с видимым выражением превосходства. — Интересно было, как ты станешь юлить, пытаюсь избежать брака.

— Ну ты и... — Раум заковыристо ругнулся и замолчал. На месте отца он бы повел себя так же. Глупо выкладывать козыри с порога, если и без того владеешь ситуацией.

Что же: один-один — тоже отличный результат. Переиграть отца у Раума еще ни разу не получалось.

— Кстати, поздравляю со свадьбой. Подарок пришлю позже. И учти, что я не позволю оборотню встать во главе клана. Если ты не сможешь обеспечить мне внука-наследника, это сделает Алат.

— Смогу, — ему все-таки было чем огорошить и обрадовать родителя. — Джен беременна, и доктора в один голос твердят, что судя по ауре будет демон. Мальчик.

— Ну и хорошо, — известие о будущем внуке Леонард принял со знакомым скучающим выражением на лице, с которым встречал известия о любых проступках и достижениях отпрыска, и Раум снова почувствовал, как в душе поднимается злость.

Рыбина мороженая! Его хоть чем-то кроме проблем с его любимым бизнесом пронять можно?!

Он выдохнул и заставил себя успокоиться. Давно взрослый мальчик, не по возрасту устраивать выходки только для того, чтобы добиться хоть какой реакции от отца.

— Я буду ждать проект договора. Когда юридический отдел сможет его подготовить?

— Не раньше следующей недели.

— Дженни хочет устроить официальное торжество по случаю нашей свадьбы. Придешь?

— Постараюсь. Но не обещаю, — демон пожал плечами, и Раум понял — не придет. Так же, как никогда не приходил на его спортивные матчи, дни рождения. Прикажет секретарше прислать открытку с поздравлениями и дорогой подарок.

Отца не переделать.

И хрен с ним. Он скоро сам станет отцом. И он-то игнорировать своего сына, отделяясь деньгами «на карманные расходы» не станет.

Леонард одарил Раума насмешливым взглядом, словно догадывался о его мыслях.

— У тебя все? Тогда можешь идти.

Глава 47

— Кари! Кари, подожди!

При звуках этого голоса слепая волчица скривилась, а шагавший рядом Брайан подобрался и зарычал.

— Я много раз говорила тебе, Маккензи: оставь меня в покое, — ответила она, не сбавляя шага.

— Валил бы ты отсюда по-хорошему, парень, — мрачно посоветовал брат.

Но отделаться от оборотня было не так-то просто.

— Кари, пожалуйста! Один разговор! Выслушай меня хотя бы один раз!

Она ускорила шаги.

— Один разговор, и я оставлю тебя в покое, как ты хочешь!

Это заставило ее остановиться.

— Говори.

— Наедине, — уточнил оборотень, и Брайан снова зарычал.

— Тебе сказали валить!

— Наедине? После прошлого раза? — скривилась Кари. — Чтобы ты меня изнасиловал, а потом сказал, что я сама хотела?

Она услышала, как нежеланный жених задохнулся от обиды.

— Я бы никогда... — он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, а потом заговорил другим тоном. — Пусть он смотрит на нас издали, если ты мне настолько не доверяешь. Но пожалуйста... мне нужен разговор наедине. Только с тобой.

— Брайан, отойди, — попросила Кари, но брат только набычился.

— Нет!

— Брайан!

— Если я буду далеко, то могу не успеть, — угрюмо отозвался оборотень. — Сама жаловалась, что я тебя бросил в прошлый раз.

Чарли переводил взгляд с сестры на брата, почти физически ощущая их сомнения. От пьянящей близости Кари кружилась голова. Он ущипнул себя, пытаясь сохранить самообладание. Если сейчас он потеряет над собой контроль, то второго шанса строптивая невеста просто не даст...

— Мы можем сесть в кафе, — предложил он. — За столиком у окошка, а Брайан останется на улице. Он будет нас видеть.

По лицу Маккуина было видно, что идея ему не понравилась, но Кари кивнула.

— Хорошо. Один разговор, Маккензи. И ты оставляешь меня в покое.

Она надеялась, что все ограничится пятиминутной беседой, но стоило устроиться за столиком, как подошла официантка.

— Нет, я не буду есть, — категорически отказалась Кари.

Перспектива давиться едой в обществе Маккензи совершенно не прельщала.

— Принесите нам чай, — попросил Чарли.

— Чай и кофе, — поправила его Кари.

Если снова начнет накрывать от его близости, она просто уткнется носом в чашку. Лучше

ненадолго потерять обоняние, чем разум.

— Итак, я слушаю, — сказала она, как только официантка отошла.

— Я хотел извиниться.

— Я это уже слышала.

— Нет! Не так... Я действительно виноват перед тобой, — сегодня в его голосе звучали какие-то непривычные нотки. Торжественные и более взрослые что ли, чем обычно. Странно, но они Кари понравились. — Я... я просто вел себя, как болван, — в его голосе прозвучало раскаяние и неподдельная мука. — Если бы сейчас все можно было вернуть, я бы скорее себе язык отрезал. Но клянусь: даже тогда я ни за что не сказал бы такого в лицо. Я не сволочь, Кари. И собирался стать тебе хорошим мужем. Насколько смогу. Прости, что обидел...

— Я не обиделась, — мягко сказала девушка. Извинения она вполне оценила. Как и мужество, которое потребовалось, чтоб их произнести. Пожалуй, за эту короткую речь Маккензи даже немного поднялся в ее глазах. — Обидеть может только близкий. Я просто сделала выводы.

— И их никак нельзя изменить? — тихо спросил Чарли.

— Все можно изменить. Но то, что ты делал потом... преследовал меня, требовал взаимности, заставил заключить помолвку, — она развела руками. — Из этого я тоже сделала выводы. Прости, буду честна: я не люблю тебя. Но что гораздо хуже — я тебя не уважаю, и не доверяю. Да, к тебе тянет, но я ощущаю это, как принуждение. Силу извне, которая заставляет хотеть тебя. А я не люблю делать что-то под принуждением.

— Я уже понял, — мрачно отозвался оборотень. — Скажи, могу ли я как-то изменить твое мнение? Что-то сделать, доказать, что я могу быть хорошим мужем?

На лице девушки отразилось глубокое сомнение, и Чарли понял — сейчас откажет. Скажет «нет», поставив крест на всех его мечтах и надеждах.

— Пожалуйста, не отказывайся! — выпалил он. — Дай мне шанс, Кари! Клянусь, что не подведу тебя!

— Чарльз... — она впервые назвала его по имени. И звук собственного имени, произнесенный мелодичным грудным голосом, показался Чарли божественной музыкой. — Зачем тебе это?

— Я люблю тебя.

Она грустно покачала головой.

— Это не любовь, Чарльз. Влечение, инстинкт, вера в высший промысел. Сам подумай: стал бы ты так унижаться перед какой-то слепой девицей, если бы не игра гормонов. Тебя привлекает мой запах и все. Если лишить тебя обоняния, все пройдет само собой.

— Нет!

— Да. Ты ничего обо мне не знаешь. О том какая я настоящая.

— Знаю, — возразил Чарли. — Ты сильная, смелая и очень упрямая. Любишь классическую музыку, особенно орган. Играешь на арфе, великолепно разбираешься в травах, различая их по запаху. Дома ты выращивала розы и ирисы, потому что тебе нравится их аромат. Твои волосы на самом деле короткие — по плечи, а косу ты прикрепляешь, чтобы не привлекать лишнего внимания. И ты уехала из дома, отказавшись от силы шамана, потому что шаман должен жить на своей земле, а ты мечтаешь объездить весь мир.

Невидящие глаза девушки широко распахнулись, и Чарли понял, что все же смог произвести на нее впечатление. Мысленно он порадовался, что в последний визит к Маккуинам задержался, чтобы расспросить о своей строптивой невесте.

— Я не прошу ответной любви. Просто дай нам шанс. Попробуй узнать меня с другой стороны. Забудь все, что было. Как будто мы только что познакомились.

— Чтобы забыть нужно время, Чарльз.

— Я готов ждать сколько потребуется.

Кари задумалась, а потом ее лицо просветлело, словно волчице пришла в голову какая-то идея.

— Хорошо, — сказала она, но возликовать Чарли не успел. — Через год.

— Что?!

— Мы расстанемся на год. Ты должен поклясться, что не станешь преследовать меня, навязываться или искать встречи. И если через год у тебя и у меня еще будет желание видеть друг друга, то мы попробуем.

— Совсем... расстанемся? — подавленно уточнил оборотень.

— Совсем.

— Но мы же учимся в одной академии.

— Я скоро уеду.

— Куда? — быстро спросил Чарли. И смутился под ее укоризненным взглядом. — Извини... Но... почему так долго? Ты же сама сказала, что не обиделась.

— Так надо, — твердо ответила Кари.

Он представил себе мысленно этот год. Год ожиданий, воспоминаний, мыслей о ней.

Срок ужасал. Даже день без Кари казался вечностью, а тут — год.

Но если он откажется, то лишится даже этой призрачной надежды. И... за год у него будет возможность чего-то добиться. Достичь, доказать своей нареченной, что он достоин ее любви.

— Хорошо, — выдавил Чарли, чувствуя, как в груди что-то тоскливо сжимается от необходимости ее отпустить. — Ровно через год. В два часа дня, в этом кафе, за этим столиком.

Нельзя не признать: в этом было что-то невероятно романтическое.

И тут его осенила еще одна гениальная идея.

— Но... ты разрешишь писать тебе?

На лице девушки отразились сомнения.

— Я не уверена...

— Я не прошу отвечать, Кари! Просто я буду писать письма. Бумажные, до востребования, если ты боишься открыть мне свой адрес. В центральном почтовом отделении Нью-Эбора. Можешь даже не забирать их. Только оставь мне надежду. Я хочу верить, что ты прочтешь их.

— Это глупо, Чарльз, — она нахмурилась. — Для тебя же самого будет лучше, если ты не станешь слишком много думать обо мне этот год. Знакомься с другими девушками, общайся с друзьями, живи полной жизнью. Не надо превращать меня в далекое божество. Иначе при встрече тебя ждет разочарование.

— Глупо или не глупо, но это мой выбор, — твердо ответил Чарли. — Центральное почтовое, Кари. Ячейка на твое имя. Если захочешь их прочесть, достаточно будет запросить пересылку.

— Я не смогу их прочесть...

— Сможешь.

Он не стал говорить ей, что уже начал изучать азбуку слепых. Пусть это станет приятным сюрпризом потом, когда они встретятся снова.

Подошла официантка, принесла заказ. Кари положила на стол мелкую монету и встала, не притронувшись к чашке.

— До свидания, Чарльз.

— До свидания, — повторил за ней оборотень.

Втянул ее запах, стараясь запомнить ее всю: от непослушных локонов, выбившихся из прически, до кончиков пальцев с коротко обрезанными ногтями без следа маникюра. Унести с собой этот образ, чтобы его хватило на год, чтобы закрывать глаза и снова видеть ее такой — решительной, спокойной, бесконечно далекой, несмотря на их предназначенность друг другу и заключенную обманом помолвку.

— Я буду писать, Кари. Каждую неделю, а может и чаще. Центральное почтовое.

Звякнул колокольчик над входом, и она ушла из его жизни. На год... а может и навсегда.

Чарли приник к стеклу, провожая взглядом статную фигуру.

Год... целый год. Бесконечный год. Почему она назначила такой срок? Надеется, что он отступится? Что блажь пройдет сама собой?

— Не отступлюсь, — тихо, но очень твердо произнес оборотень. — Вот увидишь...

Брат никуда не ушел, терпеливо ждал у выхода из кафе.

— Чего хотел этот щенок?

Кари пожала плечами.

— Поговорить.

— О чем?

— О нас, — она вздохнула и добавила. — Знаешь, наверное будет лучше, если ты не станешь называть его щенком. Он... кажется, не настолько отвратителен, как я думала.

— Простила? — хмуро спросил Брайан.

Девушка покачала головой, не желая вдаваться в подробности.

Простить можно того, кто обидел. Она же не солгала Чарльзу, сказав, что он для нее чужак. Неприятная помеха, настырный тип. В желании Кари избежать общения не было ничего от обиды, она не ждала извинений и не злилась. До сегодняшнего дня все ее чувства к навязанному луной жениху сводились к легкой брезгливости и ощущению захлопывающейся ловушки.

Что же, она получила отсрочку в год. За год многое может измениться. Возможно, Чарльз увлечется кем-то другим. Возможно, она сама поменяет свое отношение к этой нелепой помолвке. А возможно... возможно, у нее действительно получится найти способ разорвать узы предназначения.

Она все равно уезжает. На юг, где ди Форкалонен обещал им с Аланом оборудованную по последнему слову магической науки лабораторию и штат лучших специалистов в подчинении. Впереди много месяцев потрясающе увлекательной работы по совершенствованию и отладке их детища, и у нее совершенно нет времени на всякие романтические глупости.

Она усмехнулась, вспоминая обещание Чарльза писать. Неужели он действительно будет делать это? Писать ей — регулярно, не ожидая ответа, даже не зная прочтет ли она его письма?

Да нет, конечно.

Эпилог

Девять месяцев спустя

Младший партнер «Ди Форкалонен Интертеймент» откровенно психовал. Он то вскакивал и начинал ходить по гостиной, как запертый в клетке хищник. То падал в кресло и хватался за портсигар. Густой дым серыми лентами расплзался по гостиной. Кари с ее чувствительным обонянием не выдержала и сбежала. Валента заняла стратегическую позицию у окна, почти всунув голову наружу.

И только Армеллин ди Небирос пребывал в ироничном и расслабленном настроении. Кузен хозяина дома развалился в соседнем кресле с бокалом дорогого бренди, активировав сферу чистого воздуха. Дым стелился по стенкам незримой преграды, но проникнуть внутрь не мог.

— Почему так долго?! — в сотый, наверное, раз воскликнул Раум, снова падая в кресло и хватаясь за портсигар.

Его кузен пожал плечами.

— Процесс требует времени. Это только делать детей быстро.

— Знаю. Но уже два часа!

— Час сорок пять, — педантично поправил его Армеллин. — Совершенно нормальный срок. Не понимаю чего ты так нервничаешь.

— Посмотрю на тебя, когда твоя жена будет рожать! — огрызнулся Раум. — А ты будешь чувствовать, как ей больно, но ничем не сможешь помочь.

От озвученной перспективы кузен помрачнел и сделал большой глоток бренди.

Валента у окна успокаивающе улыбнулась.

— Не волнуйся, все будет хорошо. Ты же слышал, что сказал врач.

— Да знаю я! Знаю... Проклятье, у меня кончились сигары!

— И слава Богине, — фыркнул Армеллин. — Еще немного и тебя можно будет использовать вместо бомбы-вонючки. Лучше выпей, — он кивнул на бутылку на столе.

Раум взглянул на сорокалетний бренди с таким видом, словно ему предложилидохлую крысу.

— Не могу. Как вспомню вкус, так тошнит.

— Что, до сих пор? — сочувственно спросил кузен.

— Угу. Хоть патентуй методику: «Запой — лучший способ навсегда возненавидеть алкоголь».

В коридоре послышались стремительные шаги, дверь распахнулась и в комнату влетела Тася.

— Есть! Мальчик! — выкрикнула она и закашлялась. — Ужас, как вы здесь дышите?

Новоявленный отец проигнорировал вопрос и выскочил в коридор.

— Не думал, что когда-нибудь увижу его таким, — меланхолично заметил Армеллин. — Любовь меняет даже демонов.

Он встал из кресла, подошел к жене и обнял ее. Она облегченно вдохнула стремительно очищающийся от дыма воздух.

— Не смейся, для него это все очень важно.

— Я и не смеюсь, — под ее строгим взглядом демон смутился. — Ну, может, чуть-чуть. Согласись, что это забавно. Когда ди Форкалонен в следующий раз включит язву, я ему припомню этот вечер.

— Ох уж эти ваши разборки, — фыркнула девушка.

Да, кузены помирились, как она и хотела. Но теперь в их общении прослеживалась ревнивая нотка вечного соперничества. Почти одинаковый возраст и статус — оба младшие партнеры,

наследники. Оба амбициозны и склонны манипулировать окружающими. И пусть сейчас им нечего делить, оба имеют некоторые претензии друг к другу.

Старую дружбу склеить не удалось. Удалось общими усилиями Таси и Дженни вырастить новую, густо замешанную на соперничестве.

Зажав нос через всю комнату проскочила Валента.

— Что вы стоите? — удивилась сильфа. — Пойдемте скорее, посмотрим на малыша!

— Если счастливый отец разрешит, — согласился Мэл. — А он действительно демон?

Тася фыркнула.

— Конечно! А ты думал, что все врачи во главе с профессором Ишуро дружно ошибаются?

— Нет. Но мало ли...

А в это время счастливый отец замер в нерешительности перед дверью в спальню. Из-за двери доносились голоса, но никаких сердитых воплей, которые обычно ассоциировались у Раума с младенцами.

Он принялся и с досадой отметил, что кузен был прав. От одежды просто нестерпимо разило табаком. Дженни не понравится. Из-за беременности она стала очень чувствительной к запахам, и Раум почти перестал дымить дома.

— Да здесь он. За дверью прячется, — услышался голос Кари, а потом волчица распахнула дверь. — Входи, чего встал?

— Я как раз собирался, — буркнул Раум. И шагнул в комнату.

Первой, кого он увидел, была Дженни. Она сидела на кровати, откинувшись на подушки. Вид у рыжей был усталый, но счастливый. А на руках у нее уютно устроилось и причмокивая сосало грудь страшненькое розовое существо, похожее на лысую крысу.

Раум сглотнул. Он, конечно, не был великим специалистом по младенцам, но разве они должны быть настолько маленькими и сморщенными? Или у них получился какой-то уродец?

— Мальчик. Три семьсот двадцать — настоящий здоровяк, — с гордостью сказала теща. — Смотрите какой красавец.

— Э-э-э... да, красавец, — вымученно согласился демон. — Джен, ты как?

Девушка подняла на него взгляд, и ее лицо озарила улыбка.

— Хорошо, только очень устала. Познакомься, это Мартин.

Имя сыну они выбрали вместе, еще месяца три назад.

— Мы вроде как знакомы. Заочно, — Раум выдавил улыбку. — Перестукивались.

Он наклонился, чтобы поцеловать жену в лоб, и замер, разглядывая это незнакомое существо, за которое он теперь в ответе.

Младенец ответил ему бессмысленным взглядом. Глаза у демоненка были бледно-голубые, без малейшего проблеска разума, а на голове среди белых волос торчали два бугорочка, которые в скором времени обещали превратиться в угольно-черные рожки.

От Дженни исходили волны любви, направленной к этому маленькому сморщенному существу. Любви такой безоговорочной и всеобъемлющей, что Раум на мгновение ощутил укол ревности.

Дженни уловила сомнения мужа и нахмурилась.

— Что-то не так? — спросила она.

— Конечно все так, — громко заверила ее акушерка. — Все просто прекрасно.

— Оставьте нас. Хочу поговорить с женой наедине, — попросил Раум. А когда женщина было запротестовала, Кари и Бренда просто подхватили ее под руку и увела.

— Ну, — потребовала Дженни, когда за ними закрылась дверь. — Что случилось?

— Ничего... — он криво улыбнулся. — Я растерян, малыш. Не знаю, что со всем этим делать.

— Ты не рад?

— Рад, наверное. Что с тобой все хорошо. Но я не пока не чувствую ничего особенного к нему, — демон пожал плечами. — А он точно должен быть таким маленьким и сморщенным?

— Это временно, — снисходительно заверила его девушка. — Ты так и не прочел книгу, которую я тебе дала?

— Прости.

Тут Дженни хитро улыбнулась.

— Хочешь поддержать его? — обманчиво невинным голоском предложила она.

— Э-э-э... на лице Раума отобразилась паника. Но он сглотнул и кивнул.

Младенец показался ему слишком легким и хрупким. Демон замер в напряжении, опасаясь случайно навредить этому существу — такому крошечному и беспомощному, совершенно неприспособленному к равнодушному миру.

Сын... Это действительно его сын?

Раум вспомнил откровенную зависть, которая все чаще мелькала на лице Армеллина, когда кузен смотрел на беременную Дженни и ощутил смутную гордость. Да, вот эта розовое недоразумение — его сын. У Раума есть, а у Мэла нет, и неизвестно еще будет ли...

В это мгновение отлученный от мамы младенец возмущенно запищал, и новоявленный отец с облегчением вернул ребенка Дженни.

— Думаю, я еще натаскаюсь с ним.

Несмотря на страх, который внушало это нелепое существо, от своего намерения вырастить из него настоящего мужчину Раум отказываться не собирался.

— Ты прав, — она устало улыбнулась и прижалась щекой к его ладони. — Просто я хочу, чтобы ты тоже полюбил его.

— Я люблю тебя, Дженни-мамочка. И себя. А эта козявка — производная от нас двоих, так что полюблю, куда я денусь?

За дверью послышался голос Кари, объяснявшей Армеллину почему знакомить новорожденного с гостями плохая идея.

— Пойду выгоню всех, — он еще раз поцеловал жену. — Отдыхайте.

— Спасибо, Раум-папочка. Ты лучше всех!

Поздно вечером, уже выпроводив всех гостей, врачей и нянек они сидели в обнимку у камина. Ди Форкалонен-младший наелся от души и теперь дремал на руках матери. Дженни, уютно устроив голову на плече любимого мужчины, не сводила глаз с сердито насупленного личика сына. Оно казалось самым прекрасным на свете.

В душе царил удивительный покой и теплое, безбрежное как океан, счастье. С родными и близкими все хорошо, двое ее самых любимых мужчин рядом, что еще нужно?

— Он ужасно похож на тебя, просто копия, — шепотом сказала она Рауму.

Тот фыркнул.

— Да ну?! Намекаешь, что я такой же сморщенный и страшный?

— Это пройдет. У него твои брови. И нос. И уши. Вот увидишь, с каждым днем сходство будет все заметнее.

— Верю, — он поцеловал ее за ушком. — Кстати, в газетах писали, что приговор над Мактуллом приведен в исполнение.

— Ну и хорошо, — Дженни не почувствовала ни малейшей жалости к маньяку. Наоборот: стало как-то спокойнее.

— Твоя мама скоро уедет?

— Через месяц, как мы и договаривались, — она подняла растерянный взгляд на Раума. — Что-то нет так? Вы ссоритесь?

— Нет, мы почти не встречаемся. Но она меня напрягает. Я бы предпочел купить ей дом в столице и принимать у себя в качестве гостя. Но когда предложил ей это, она почему-то психанула.

— А, так вот почему она обиделась... Я поговорю с ней, обещаю. А твой отец так и не приедет познакомиться с внуком?

— Я бы не рассчитывал на это.

Они помолчали, глядя на танец языков пламени в камине.

— Кстати, не передумала идти учиться?

Дженни снова покосилась на сына, вздохнула и ответила.

— Нет. Как только Мартин немного подрастет, я вернусь в академию.

Это они обсуждали и не раз. Дженни точно знала, что не хочет замыкаться в узком семейном мире. Да, она мечтала быть женой и матерью, но только этого ей будет мало. Она способна на большее.

— А ты против?

— Я тогда тебя совсем видеть не буду, — Раум обнял ее крепче и зарылся лицом в ее волосы.

— Я тоже тебя редко вижу.

— Положение обязывает. Второе лицо в «Ди Форкалонен Энтертеймент» — не то же самое, что студент-семикурсник. Я теперь семейный мужчина, уважаемый член общества. Самое время становиться старым и скучным.

Дженни невольно улыбнулась. А потом все же решилась задать вопрос, который мучил ее уже не один день.

— Раум, ты счастлив? Не жалеешь, что все вот так? Слишком быстро.

— Да, — сразу и с абсолютной уверенностью демон. — Мне хорошо с тобой, Дженни-конфетка. А к чему такие вопросы?

— Просто... все эти сложности с мамой. И Мартин... Мне кажется, что ты не в восторге от того, что стал отцом...

— Я предупреждал, что не очень знаю, как обращаться с младенцами. Вот подрастет эта мелочь, и мне будет что ему сказать, — он усмехнулся и щелкнул ее по носу. — Расслабься, рыжая. Я же не ребенок, который верит, что все трудности заканчиваются после свадьбы. На самом деле все заканчивается после смерти, и то не факт, если верить святошам. А в жизни нужно каждый день вкладываться в то, что любишь и ценишь. И неважно кто там чья пара.

— С ума сойти какой ты мудрый! — восхищенно пробормотала Дженни.

— А еще красивый, обаятельный, умный и с прекрасным чувством юмора. А главное — скромный.

— Именно, — она рассмеялась и потянулась, чтобы обнять его. — Пожалуйста, не меняйся. Я люблю тебя именно таким.

КОНЕЦ